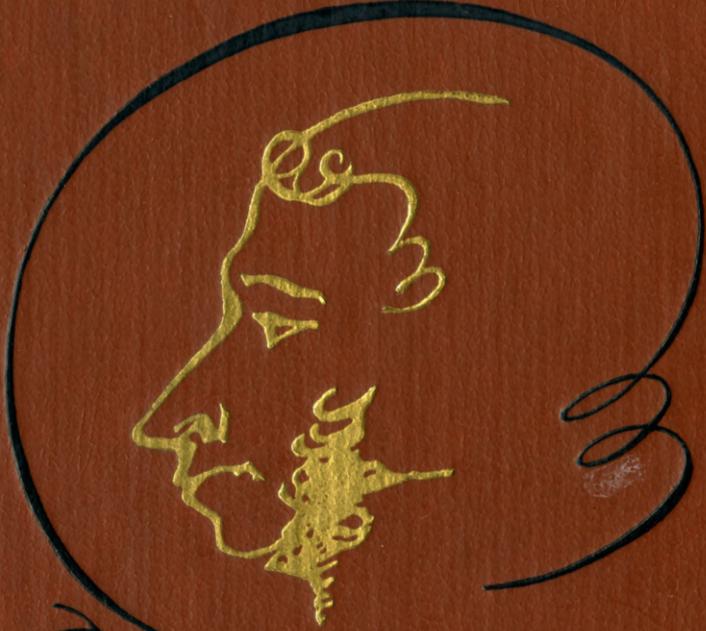

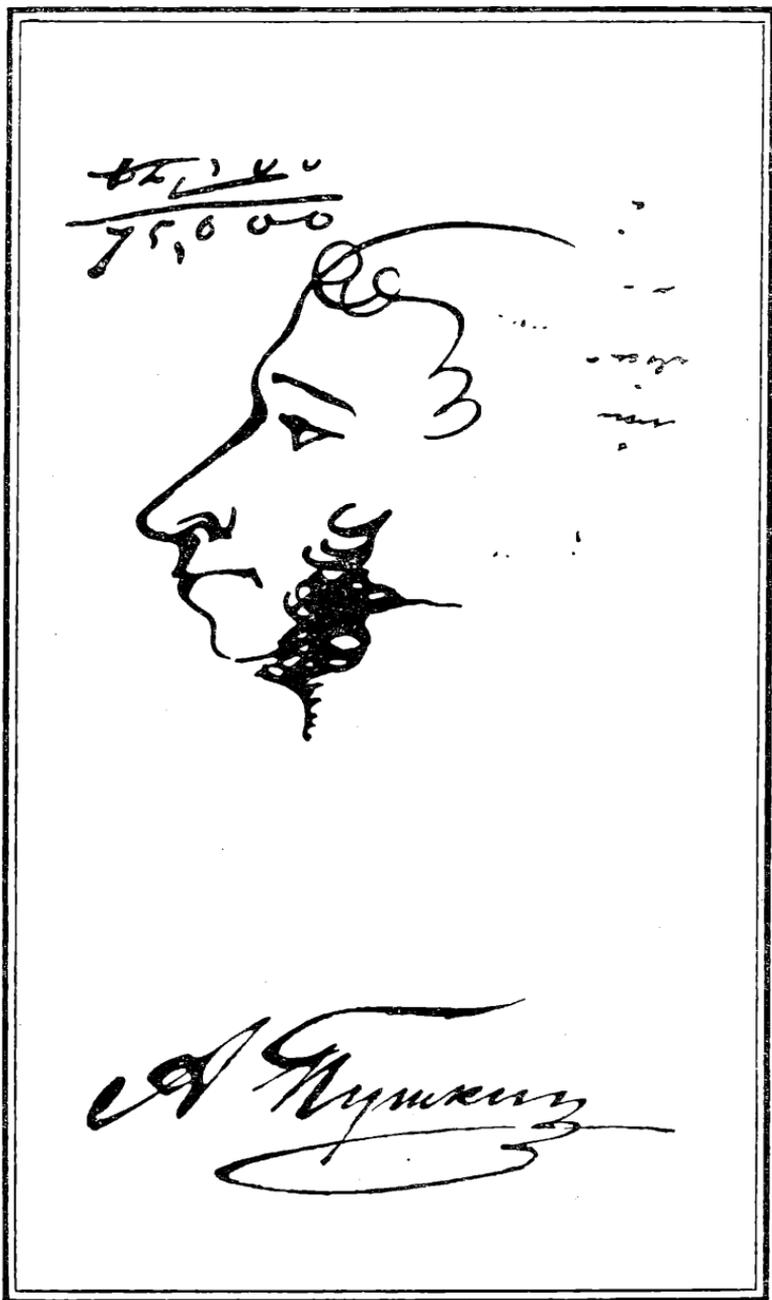
Л. С. КИШКИН. Словословные находки. Д.

Л. С. КИШКИН

Словословные
находки

Автопортрет, февраль 1836 г.

Л. С. КИШКИН

Сергословацкие
находки
ЛЗ

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ
ПУШКИНИАНЫ,

Москва
• Советская Россия •
1985

8P1
K46

Художник П. Сацкий

К $\frac{4603000000-071}{M-105(03)85}$ БК-2-22-1985

© Издательство «Советская Россия», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой небольшой книги еще в студенческие годы обратился к пушкинской теме и написал работу «Пушкин в Чехословакии», которая в 1949 году была опубликована в «Новом мире». С тех пор прошло много лет. Л. С. Кишкин уже не одно десятилетие занимается чешской и словацкой литературой и культурой, работает над изучением чешско-русских и словацко-русских литературных связей, ведет поиск оказавшихся по тем или иным причинам в Чехословакии русских материалов, представляющих культурно-историческую ценность. Его сообщения об этом не раз появлялись в советской и чехословацкой печати. При этом он не оторвался от пушкинской тематики и продолжает заниматься ею в связи с изучением истории культуры Чехии и Словакии. Стоит заметить, кстати, что именно благодаря усилиям Л. С. Кишкина репродукции многих неизвестных ранее портретов членов семьи Пушкина, его родственников и знакомых в начале 70-х годов поступили из Словакии в Пушкинский дом.

Все три составляющие книгу очерка так или иначе связаны с пушкинским временем и даже в какой-то мере с самим Пушкиным, что придает им известную общность и целостность. В них рассказывается о находящихся в Чехословакии пушкинских материалах — о переместившемся из Риги в Прагу книжном собрании А. Ф. Смирдина, с которым Пушкин был тесно связан, о принадлежавших свояченице поэта А. Н. Фризенгоф (Гончаровой) изобразительных материалах, обнаруженных в Словакии, о попавших в Чехию рукописях и портретах хорошо знавшей Пушкина Д. Ф. Фикельмон. Книга написана обстоятельно. Основное внимание автора, принимавшего участие в поисках материалов, о которых говорится в книге, сосредоточено на объективном освещении фактов — того, что, где, кем, когда и как было обнаружено. При этом он стремился к научной точности, документальности и в то же время к необходимой полноте и доступности изложения, что ему в целом удалось.

Говоря о тех или иных оказавшихся в Чехословакии материалах и характеризуя их, автор нередко делает необходимые экскурсы в прошлое, к которому они относятся и о котором повествуют. Благодаря этому проясняется их культурно-историческая значимость. Существенно, что в книге говорится не только о близких Пушкину людях и их культурном наследии, но также отчасти и о тех, кто имел к этому наследию отношение позже, когда первоначальных владельцев не стало. В этом есть своя логика: культурные ценности сохраняются и передаются от одного поколения другому конкретными людьми, о которых мы порой, к сожалению, очень мало знаем.

Сообщая читателям о находящихся в Чехословакии русских книгах, рукописях и портретах пушкинского времени, судьба которых не может нас не занимать, протягивая нити, соединяющие их с родственными материалами в СССР, Л. С. Кишкин в ряде случаев уточняет и дополняет все

то, что писалось о них до сих пор. Книга «Чехословацкие находки» обогащает нас дополнительными знаниями о современниках Пушкина, о судьбе их библиотек, писем, альбомов и т. д. На некоторых из найденных портретах и фотографиях мы впервые увидели родных поэта и его близких знакомых, с которыми он встречался в последние годы жизни. О них, как и о других находках, говорится живо и увлеченно.

Не сомневаюсь, эта не совсем обычная книга найдет своих читателей среди тех, кто любит Пушкина, кого интересуют окружавшие его люди, сама пушкинская эпоха, а если говорить шире — история русской литературы и культуры первой половины XIX века. Убежден, что многие прочтут ее с пользой и удовлетворением. Она по-своему привлекает наше внимание к пушкинскому времени, расширяя сложившиеся представления о связанных с ним дошедших до нас материалах.

Академик А. С. БУШМИН

ОТ АВТОРА

По-разному возникают и рождаются книги: одни — в результате спокойной, заранее продуманной, целенаправленной и тщательно спланированной работы, начало которой и завершение точно predeterminedены, другие — как долго вынашиваемый, порой годами и десятилетиями, мучительный и в то же время дорогой плод, вызревающий лишь тогда, когда придет его время, третьи появляются в какой-то мере вдруг, неожиданно, даже, может быть, стихийно, нередко благодаря всякого рода случайностям, иногда это происходит быстро, а иногда довольно медленно.

Предлагаемая вниманию читателей книга во многом принадлежит к последним. Но и у случайностей есть свои причины. Одна из отдаленных причин появления книги — привитая автору еще в далекие детские годы отцом — агрономом и матерью — сельской учительницей неизменная любовь к Пушкину и живой интерес к пушкинскому времени. Это от отца в девять лет я впервые услышал и запомнил на всю жизнь слова из «Бориса Годунова»: «Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни...» Это от матери в одиннадцать лет я получил прекрасный подарок — четвертое однотомное издание сочинений А. Пушкина (М.— Л., 1928), одну из самых любимых и самых дорогих книг. Она и сейчас служит мне и стоит на полке рядом с другой («Евгений Онегин». М., 1893, издание В. Г. Готье), подаренной матерью шесть лет спустя, в 1935 году, с короткой надписью «Любимое — любимому». Не удивительно, что Пушкину была посвящена и моя первая, написанная еще школьником и опубликованная в областной газете в 1937 году статья.

Вторая причина — пребывание в Чехословакии в 1945 году. Именно тогда меня поразило, сколь велики и разнообразны нити, соединяющие русскую, чешскую и словацкую культуры. Помню, как гимназисты г. Пардубице, где находилась наша часть, принесли показать чешские переводы Пушкина, читали их, играли на скрипке Чайковского и Глинки. В пардубицком театре тогда ставили «Обрыв» Гончарова, а в Братиславе, откуда осенью уходили эшелоны с демобилизованными, довелось слышать словацкий самодеятельный хор, исполнявший русские песни. Помню еще, как однажды в Праге долго стоял я у книжной витрины, рассматривая чешские издания русских классиков, среди которых были переводы Пушкина, сделанные известной чешской поэтессой Элишкой Красногорской.

О том далеком времени теперь напоминают буклет с видами Праги, открытка с необычным изображением Чайковского на фоне грозового неба и силуэтов скачущих коней, несколько книг чешских пьес, в том числе одного из современников Пушкина, знавшего его произведения, — Махи, и листовка, которую чешские девушки в национальных костюмах вручали

советским воинам на пражских вокзалах или на шоссеиных дорогах при въезде в город. Она была озаглавлена «Прага победоносной Красной Армии — освободительнице». А в ее приветственном тексте, составленном видной чешской писательницей Анной Марией Тильшовой, были такие слова: «Народ, приветствующий Вас с таким воодушевлением в дни освобождения, искони был связан с Вами кровными узами братства и славянского родства, чувствовал сердечную близость человека к человеку». Узы братства, сердечная близость человека к человеку — какие это емкие, глубокие и добрые слова. Как много стоит за ними событий, явлений и человеческих судеб, которые, в сущности, и являются слагаемыми многовековой истории духовного общения русского, чешского и словацкого народов. Данью интереса к ней и Пушкину стала относящаяся еще к студенческим годам статья «Пушкин в Чехословакии» (Новый мир, 1949).

Покидая осенью 1945 года Чехословакию, я не думал, что еще не один раз посетю ее, но уже не как военный, а как человек, изучающий чешскую и словацкую литературу и культуру, их связи с литературой и культурой русской.

Бывая в Чехословакии, работая в чешских и словацких библиотеках, музеях и архивах, часто приходилось видеть то письма деятелей русской культуры, то их портреты, то произведения русских художников, то неизвестно когда и как попавшие в Чехию и Словакию старинные предметы русского быта и т. д. Так, если говорить только о рукописных материалах, в поле зрения в разное время попадали неизвестные письма Жуковского, Вяземского, Тютчева, Репина, Куприна, Бунина, Ремезова, Пришвина, Алтаевой-Ямщиковой, Книппер-Чеховой и других, автобиографии Мамина-Сибиряка, Чехова, Мачтета, Короленко, Гусева-Оренбургского, Эртеля. Но, пожалуй, наиболее значительными и эмоционально впечатляющими явились встречи и соприкосновения с книгами из библиотеки А. Ф. Смирдина в Праге, с иконографическими материалами из Бродзян (Словакия), где долгое время жила сестра жены Пушкина А. Н. Фризенгоф (Гончарова), и, наконец, с рукописями и портретами из Теплицкого замка, принадлежавшими внучке Кутузова и приятельнице Пушкина Д. Ф. Фикельмон. Как происходили эти встречи, как обнаруживались находки? По-разному. Иногда случайно, иногда сравнительно легко, при помощи каких-то точных письменных и печатных указаний и содействия коллег, а порой весьма трудно, в результате долгих поисков, без надежных ориентиров. В большинстве случаев разыскание русских культурно-исторических материалов не было связано с моими служебными обязанностями. Но проходить мимо них равнодушно я просто не мог и все, что возможно, собирал в виде ксерокопий, фоторепродукций, собственных памятных записей, а также печатной информации, когда она была. И делал это с большим увлечением и радостью, особенно когда материалы хоть как-то касались Пушкина и его времени. В том, что они относились именно к Пушкину, можно увидеть и третью причину непредвиденного возникновения этой книги.

В силу целого ряда обстоятельств Чехословакия оказалась одной из стран, особенно тесно связанных с Пушкиным и людьми, его окружавшими, очень многие из которых, кстати, бывали в Чехии и Словакии. Широко известны музыка чешских композиторов на пушкинские сюжеты, огромное количество чешских и словацких переводов из Пушкина и работ о нем. Помимо оказавшихся в Чехословакии книжного собрания А. Ф. Смирдина, изобразительных и рукописных материалов А. Н. Фризенгоф и Д. Ф. Фикельмон, о которых и пойдет далее речь, в Чехословакию попали и некоторые пушкинские рукописи, в частности авторский список лицейского стихотворения «О Делия, драгая...», письмо Пушкина к А. И. Чернышеву от 27 февраля 1833 года, автографы поэта из альбома П. А. Бартеневой. В Праге оказался и неизвестный список стихотворения Пушкина «У врат Эдема ангел нежный...», сделанный в 1828 г. для Вацлава Ганки знакомым поэтом Я. И. Сабуровым. Задолго до публикации, в самом начале 1830-х годов, в Прагу проникла в записи и пушкинская ода «Вольность». Где-то на территории Чехии должны находиться, если уцелели, архивы часто встречавшихся с Пушкиным в Петербурге австрийских дипломатов Фрица Лихтенштейна и Франца Лобковица. В Чехословакии живут потомки Олениных, обладающие реликвиями пушкинской эпохи. Напомним еще, что врачом в Царскосельском лицее был выходец из Моравии Ф. О. Пешель, которому юный лицеист Пушкин посвятил эпиграмму «Заутра с свечкой грошевою», что позже поэту посылали свои книги видные деятели Чешского и Словацкого национального возрождения В. Ганка и П. Й. Шафарик, что в зрелые годы сам он соприкасался с жившими в России чехами, в том числе с Й. Геништой, автором музыки к стихотворениям Пушкина «Черкесская песня», «Погасло дневное светило», «Черная шаль».

Некоторые найденные в Чехословакии материалы по истории чешско-русских и словацко-русских связей, относящиеся к Пушкину, и другие мною публиковались, кое-что было передано музеям, а какая-то часть пока лежит в папках и ждет своего часа. Случалось, что находки, о которых уже были сделаны сообщения в нашей печати, через некоторое время как бы открывались заново другими людьми, и о них появлялись соответствующие статьи и публикации, даже фильмы, но, к сожалению, не всегда с достаточно точной информацией и осведомленностью, а иногда и с налетом некоторой аффектации.

Такова краткая предыстория рождения этой книги, в которой соединились пушкинская тематика и тематика чехословацко-русских литературных и культурных связей, неожиданно сблизились прошлое и настоящее. В ее основу легли ранние публикации автора, существенно дополненные и уточненные. Из многих возможных сюжетов в книгу вошли лишь три, представляющие, как уже отмечалось, наибольший интерес и особенно близкие и дорогие автору. В ней говорится не только о книгах, портретах, письмах и дневниках, которые находятся в Чехословакии и принадлежали людям, хорошо знавшим Пушкина, но и об их отношении к нему, о самом пушкинском времени. Без

этого было бы, вероятно, нельзя с достаточной полнотой рассказать о ценности чехословацких находок, приблизить к нам отдаленную многими десятилетиями пушкинскую эпоху. Сами по себе, в отрыве от нее, они оказались бы довольно молчаливыми. Ведь старинные портреты, письма, рукописи вступают с нами в оживленный разговор лишь тогда, когда мы располагаем несколько большей информацией, чем та, что заложена непосредственно в них самих и, если так можно сказать, находится на поверхности.

При написании трех составляющих книгу объединенных временем и связью с Пушкиным очерков имелись в виду не столько специалисты, сколько широкий круг читателей, которых так же, как и автора, волнует и привлекает к себе русская культурная история пушкинской эпохи и все, что с нею связано. Она не так уж далека от нас, эта эпоха высочайшего подъема русской духовной жизни и культуры, если и по сей день продолжает волновать нас, питать нашу литературу и искусство, если многие ее плоды остаются так современны и так дороги нам, живущим в XX веке. И совсем не случайно постижение ее, проникновение в нее, в большом и малом, — это одна из насущных душевных потребностей многих из нас.

Осталось еще сказать, что вошедшие в книгу работы возникали в разное время и при разных обстоятельствах. В жанровом отношении они, может быть, и не вполне соответствуют устоявшимся, привычным представлениям о научных или же научно-популярных произведениях. Их композиция, стиль, слог и эмоциональная окраска в чем-то обусловлены самим характером материала, о котором идет речь, а в чем-то и личным, авторским отношением к нему. Кого-то может удивить обильный, документирующий факты аппарат. Однако он показался необходимым в целях достоверности изложения. Хорошо все это или плохо, не мне судить. Знаю только, что все, кто знакомился с отдельными рассказами о чехословацких находках, советовали объединить их в книгу. Это я и попытался сделать.

Сердечно благодарю всех чехословацких и советских коллег, кто так или иначе дружески поддерживал меня в поисках. С особым теплом вспоминаю проявлявших к ним доброжелательное внимание М. П. Алексева и А. С. Бушмина. За доброе содействие в работе над иллюстрациями приношу свою искреннюю благодарность М. И. Леньшиной.

Большой труд по подготовке рукописи проделала Н. Б. Семихатова, сй — неизменному помощнику и первому читателю — с чувством глубокой душевной признательности и посвящая эти мои очерки-разыскания о людях и событиях пушкинской поры, о связи времен.

Благородный
книжник
и
судьба
его
библиотеки

ibraire gentilhomme»¹ («благородный книжник») — так называл Пушкин своего современника и доброго знакомого Александра Филипповича Смирдина (1795—1857), заслуги которого перед русской культурой первой половины XIX века как книжного и журнального издателя, популяризатора и распространителя русских книг, библиографа и организатора библиотечного дела необычайно велики и, может быть, все еще недостаточно изучены и не в полной мере оценены. В свое время, особенно в 30-е годы прошлого столетия, имя Смирдина гремело по всей стране, его знала и высоко ценила вся читающая Россия. Для этого были свои веские основания.

Выходец из народа, Смирдин, вероятно, был самым выдающимся пионером книжного дела в России, он осуществил целый ряд полезных нововведений, очень многое сделал у нас первым и впервые. И это при отсутствии систематического образования. Благодаря Смирдину русские читатели впервые получили дешевую, ставшую доступной простым людям книгу; он первым начал по достоинству оплачивать литературный труд писателей; первым создал и издал библиографическое описание большей части русских книг, удобное для пользования и сыгравшее важную практическую роль в русской культурной жизни; им основан первый в России толстый литературно-общественный журнал, организованы первые книжные лотереи; впервые в русской издательской практике он уделил большое внимание художественному оформлению русской книги, которая все чаще и чаще стала рассматриваться как произведение искусства. Смирдиным первым, как отмечали его современники, была «положена прочная связь между литературой и книжной торговлей»², иными словами, он был первым среди первых, кто начал серьезно, внимательно и с большим уважением относиться к творчеству русских авторов: до этого нередко предпочитались книги на иностранных языках или переводы³. Со многими из выдающихся русских писателей пушкинского времени Смирдин был лично знаком и состоял в деловых отношениях. Он материально поддерживал их и печатал их сочинения. Русские художественные книги занимают центральное место среди всех много-

численных смирдинских изданий. По масштабам и размаху своей книгоиздательской деятельности, с поправкой на время, А. Ф. Смирдин (он издал книг более чем на 3 млн. рублей серебром, или примерно на 10 млн. ассигнациями) может быть сопоставим лишь с И. Д. Сытиным, вторым удивительным русским самородком. Однако тот, пожалуй, все же не был так тесно и непосредственно связан с собственно литературной жизнью. В. Г. Белинский совсем не случайно писал о «смирдинском» периоде русской словесности, называя А. Ф. Смирдина его «главой и распорядителем»⁴. Это было действительно так, если иметь в виду те благоприятные условия для литературного труда и публикации произведений, которые он создавал русским писателям. Его книжный магазин и находившаяся при нем богатейшая русская библиотека в Петербурге (в ней были книги, отсутствовавшие даже в самой Императорской публичной библиотеке), по существу, были первым в России крупным литературным клубом, куда часто приходили многие выдающиеся писатели. Бывая в библиотеке, они активно пользовались находившимися в ней редкими книгами. О необычайной судьбе библиотеки Смирдина, долгое время считавшейся навсегда утраченной, мы еще расскажем. Забегая вперед, заметим лишь, что она совсем непредвиденно оказалась в Праге.

По счастливому стечению обстоятельств мне довелось быть причастным к ее обнаружению, и с середины 1960-х годов я уже не переставал интересоваться ее судьбой и сбором сведений о тех, кому она принадлежала. Было очень интересно погрузиться в книжный мир пушкинской эпохи и шаг за шагом разматывать клубок непростой истории смирдинской библиотеки, прервавшейся в конце 60-х годов прошлого века и возродившейся вновь в начале 30-х годов века нашего⁵.

Но прежде чем говорить о том, как нашлась библиотека А. Ф. Смирдина, совершенно необходимо несколько подробнее познакомиться с жизнью ее бывшего владельца. Единной и сколько-нибудь исчерпывающей биографии А. Ф. Смирдина пока не существует, и написать ее теперь будет нелегко. Многое унесло время. Архив издателя как целое не сохранился, хотя известна опись бумаг Смирдина, составленная им самим⁶. Отдельные его документы имеются в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Пушкинского дома.

Обещанная полная биография А. Ф. Смирдина, которую в свое время готовил хорошо знавший его Б. М. Федоров, так и не появилась⁷. Больше других изданий биографические сведения о Смирдине содержат книги Т. Грица, В. Тренина, М. Никитина и Н. Смирнова-Сокольского⁸. Отдельные вопросы деятельности книгопродавца и издателя затрагиваются в специальных статьях⁹. Кроме того, существует довольно много разного рода упоминаний о Смирдине и его деятельности в периодической печати, мемуарной литературе и других изданиях¹⁰. Опираясь на все эти материалы, постараемся, хотя бы в самых общих чертах, представить себе жизнь и деятельность «благородного книжника».

Предки будущего книгоиздателя, как есть основания думать, были крестьянами и жили в деревне Смирдино Волоколамского уезда Московской губернии¹¹. Кто-то из них (скорее всего, дед Смирдина) переселился в Москву и затем оказался причислен к мещанскому сословию. Александр Филиппович Смирдин родился в Москве 21 января 1795 года¹² в многодетной семье розничного торговца полотном. С 7 до 10 лет, как это было принято в московской торговой мещанской среде того времени, он обучался грамоте, письму, чтению и арифметике у местного дьячка, обнаружив при этом большую любознательность и сметливость. Когда сыну исполнилось тринадцать лет¹³, отец определил его «мальчиком» в книжную лавку дяди — П. А. Ильина. Проявив прилежание к делу и большой интерес к книгам, не по летам серьезный А. Ф. Смирдин через некоторое время стал приказчиком у П. А. Ильина.

В 1812 году охваченный всеобщим патриотическим подъемом Смирдин хотел добровольно поступить в Московское ополчение, но в течение нескольких дней не смог пробиться к месту набора и к тому же был сильно помят в толпе. Когда поправился после этого, к Москве уже подошли французы. Перед их вступлением вместе с другими жителями он ушел из города и затем отправился пешком в Петербург, питаясь в пути подаянием. С трудом добравшись до столицы, он познакомился там с известным книгопродавцем В. А. Плавильщиковым, уроженцем Москвы, братом популярного актера и драматурга П. А. Плавильщикова. Это знакомство определило дальнейшую судьбу Смирдина.

Вернувшись из Петербурга в Москву, с 1813 года на протяжении четырех лет он служил приказчиком у А. С. Ши-

ряева¹⁴. Работа у московских книгопродавцев дала Смирдину первичные знания книжного дела. В 1817 году, заручившись рекомендациями Ширияева, по приглашению Плавильщикова он приезжает в Петербург и работает у него в новом книжном магазине и первой частной коммерческой «библиотеке для чтения», которые находились у Синего моста (до 1815 года Плавильщиков имел только одну книжную лавку в Гостином дворе)¹⁵.

Книжное издательство, магазин и библиотека Плавильщикова у Синего моста долгое время были местом сбора петербургских ученых и литераторов, которые приходили туда не только за книгами, но и повидать друг друга, получить необходимые для работы справки, сделать нужные выписки¹⁶. Здесь, среди видных деятелей русской литературы и науки, под руководством одного из опытнейших и культурнейших книжников своего времени, Смирдин проходит «высшую школу» книжного дела, причем не только как книгопродавец, но и как будущий библиограф и издатель. Честность, прилежание, вежливое обхождение с покупателями, бескорыстная и страстная влюбленность в книгу расположили к нему Плавильщикова. Он сделал Смирдина, несмотря на его молодость, главным приказчиком, а по существу, первым помощником и товарищем во всех своих книжных занятиях и мероприятиях, будь то управление новым магазином, издание двух выпусков «Реестра российским книгам, продающимся в новооткрытом книжном магазине Плавильщикова...» (СПб., 1817, 1818), «Росписи российским книгам для чтения из Библиотеки В. Плавильщикова...» (СПб., 1820) с целым рядом ее продолжений (1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826) или типографские работы и т. п. У Плавильщикова Смирдин проработал 6 лет. Когда тот умер (14 августа 1823 года), все его дело по завещанию перешло к Смирдину. Ему предоставлялось право или получить значительную часть денег от продажи книг, или полностью принять на себя и возглавить всю книжную торговлю Плавильщикова с выплатой лежавших на нем крупных долгов. Энергичный, деловой, предприимчивый и по-своему несомненно талантливый Смирдин выбрал второе¹⁷. Ему удалось довольно быстро расчитаться с заимодавцами, знавшими его честность, и успешно развить и расширить многие культурные начинания Плавильщикова, от которого он, хотя и был самоучкой, перенял немало полезных и ценных знаний и как книгопродавец, и как книгоиздатель. Так Смирдин уже во второй половине 20-х годов прошлого века оказался у руля всей русской

книжной торговли, а в известном смысле, как отмечалось, и всей литературной деятельности.

Теперь это может показаться странным и труднообъяснимым, но первый весьма существенный коммерческий успех Смирдину принесло издание ремесленного морализаторско-плутовского романа Булгарина «Иван Выжигин» (1829), которое разошлось в 15 дней. Однако начавшийся в 20-е годы подъем всей книготорговой и издательской деятельности Смирдина, достигший небывалого расцвета в 30-е годы, разумеется, коренился в другом — в его деловых контактах с лучшими русскими писателями пушкинского времени. Это были и сам Пушкин, и Крылов, и Жуковский, и Гоголь, и многие другие. Такие контакты строились не на односторонней выгоде издателя и книгопродавца, хотя Смирдин, конечно, думал и об этом. В своих соглашениях с писателями и при калькуляции издания их произведений он стремился к объективному и по возможности справедливому учету интересов всех — автора, читателя и издателя, причем порой в ущерб себе. И все же именно это стремление к должной оплате писательского труда, к удешевлению книги и ее доступности народу, а также увеличение тиражей и соответственно оборотных средств долго обеспечивало его книгоиздательский успех.

Вероятно, без преувеличения можно сказать, что из всех русских книжников 20—30-х годов прошлого века именно у А. Ф. Смирдина были наиболее близкие и дружеские связи с А. С. Пушкиным. Эти связи были многообразны и заслуживают того, чтобы о них сказать особо. Сведениями о том, когда и при каких обстоятельствах познакомились Смирдин и Пушкин, мы не располагаем. Скорее всего, они встречались уже в первые послелицейские годы поэта, когда он посещал книжную лавку Плавильщикова у Синего моста, считавшуюся одной из лучших. Правда, Смирдин в ту пору был там только приказчиком. Поэтому, несомненно, деловая близость между ним и Пушкиным наступила лишь после возвращения поэта из михайловской ссылки, когда Смирдин стал владельцем большой библиотеки и книгоиздателем. Однако еще до этого, в 1824 году (Пушкин был тогда в Одессе), А. Ф. Смирдин вместе с московским книгопродавцем А. С. Ширяевым купил у П. А. Вяземского весь первый тираж «Бахчисарайского фонтана» (1200 экз.) за 3000 рублей, с уплатой сверх того 500 рублей издержек за печать и 500 рублей посреднику сделки, т. е. почти по 8 рублей за стих. Такая цена по тем временам, при общей выручке за

все издание 6000 рублей из расчета по 5 рублей за экземпляр, была баснословной¹⁸. Продажа «Бахчисарайского фонтана» наделала много шума в печати. В письме к Вяземскому 8 марта 1824 года сам Пушкин замечает: «Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого»¹⁹. Так, пока что опосредованно, началось сотрудничество Смирдина с поэтом. Покупка «Бахчисарайского фонтана» весьма существенно содействовала началу процветания владельца книжного магазина и всего его дела.

После возвращения Пушкина из ссылки Смирдин по собственной инициативе покупает у него право на вторичное издание поэм «Бахчисарайский фонтан» (1827), «Кавказский пленник» (1828) и «Руслан и Людмила» (1828), заплатив поэту в общей сложности 10 000 рублей (т. е. половину валовой стоимости всех изданий тиражом в 1000 экз. каждое). Сохранилось письмо Пушкина к издателю относительно второго издания «Бахчисарайского фонтана»: «Милостивый государь мой, Александр Филиппович. По желанию Вашему позволяю Вам напечатать вторично поэму мою Бахчисарайский фонтан числом тысячу экземпляров.

Ваш покорный слуга Александр Пушкин. 25 октября 1827 г. СПб.»²⁰.

В 1831 году Смирдиным было полностью куплено напечатанное П. А. Плетневым по поручению Пушкина в типографии департамента народного просвещения первое издание «Бориса Годунова». Им же в 1832 году, а затем в 1835 году были целиком куплены тиражи третьей (1200 экз.) и четвертой (1200 экз.) части «Стихотворений» Пушкина за 12 000 рублей. Особенность четвертой части составляло то, что в нее вошли почти только те стихотворения поэта, которые впервые появились в 1834—1835 годах в журнале Смирдина «Библиотека для чтения» («Гусар», «Сказка о мертвой царевне...», «Песни западных славян» и др.) и уже однажды были оплачены гонораром. У Смирдина вышли первое полное издание «Евгения Онегина» (1833) и две части «Поэм и повестей» (1835). Кроме перечисленного, Пушкин печатался в знаменитом смирдинском альманахе «Новоселье». В первой части этого издания (1833) был помещен «Домик в Коломне» с прекрасным рисунком А. П. Брюллова «Кухарка бреется» (гравер Н. Ческий), во вторую (1834) вошла поэма «Анджело». Следует добавить также, что с согласия Пушкина 1 мая 1830 года ведавший изданием его произведений Плетнев заключил со Смирдиным договор, по которому передал ему

для распродажи все вышедшие до этого и не реализованные книги поэта («Евгений Онегин» в главах от первой до шестой, 1824—1828; седьмая глава «Евгения Онегина», 1830; вторые издания двух первых глав «Евгения Онегина», 1824—1830; «Цыганы», 1827; «Граф Нулин», 1828; «Полтава», 1828; «Стихотворения», 2 тома, 1829; «Бахчисарайский фонтан», 3-е изд., 1830) примерно общей стоимостью, согласно расчетам Смирнова-Сокольского, на 58 500 рублей²¹. За них книгопродавец обязался в течение четырех лет выплачивать Пушкину регулярный «пенсион» по 600 рублей ассигнациями в месяц, следовательно, в целом выдать ему 28 800 рублей, т. е. приблизительно половину стоимости полученного товара. Это были обычные для Смирдина в его лучшие годы и приемлемые для Пушкина условия, устраивавшие обе стороны. Поэт в течение обусловленных четырех лет мог печатать лишь новые произведения. Покупка нераспроданных пушкинских книг была не самой выгодной для Смирдина (вторые издания двух первых глав «Евгения Онегина» расходились трудно), хотя в целом убытка он, надо думать, не понес. Однако прибыль далеко не всегда была определяющим фактором в его книжной деятельности. Заметим, что с какими-то из смирдинских денежных обязательств связана одна шутивная записка Пушкина к его лицейскому товарищу М. Л. Яковлеву (1836):

«Смирдин меня в беду поверг,
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

Завтра получу деньги в 2 часа пополудни. А ввечеру тебе доставлю. Весь твой А. П.»²². По-видимому, здесь имелась в виду задержка платежа. Но таких претензий к Смирдину в годы расцвета его дела было мало, приведенная — едва ли не единственная.

Мы отметили лишь отдельные факты деловых отношений Пушкина со Смирдиным²³, который считал для себя честью сотрудничать с поэтом и тем самым в меру сил способствовать развитию русской литературы. Ему «не столько важно было нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой»²⁴, — писал В. Г. Белинский. Разделяя всеобщее увлечение творчеством Пушкина, Смирдин платил ему самые высокие гонорары. Так, за «Бориса Годунова» (1831) Пушкин получил 10 000 рублей, за «Евгения Онегина» (1833), хотя он и публиковался уже главами, — 12 000, а за публикацию стихотворения «Гусар» в 1833 году издатель выплатил

поэту 2000 рублей; по другим данным, по 10 рублей за строку²⁵. Есть предположение, что о плате за рукопись именно этого стихотворения рассказывал А. Ф. Смирдин И. И. Панаеву и А. Я. Панаевой, когда те однажды, уже после смерти А. С. Пушкина, посетили его лавку. Вот как в изложении Панаевой выглядит этот рассказ: «Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с, он поставил мне условие, чтобы всегда платил золотом... Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», — и повел меня; постучались в дверь; она ответила: «Входите». Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел... — Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых, вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесете деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

— Что ж, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме? — отвечал Смирдин»²⁶.

Насколько точны воспоминания Панаевой, мы не знаем. Несомненно одно, Смирдин боготворил Пушкина и не скупился на оплату его произведений. По подсчету Н. П. Смирнова-Сокольского, из заработанных литературным трудом денег (примерно 250 000 рублей ассигнациями) около половины Пушкин получил от Смирдина.

Высоко ценивший талант Пушкина и гордившийся знакомством с ним, Смирдин сыграл исключительную роль в распродаже и популяризации его произведений, независимо от того, кем они были изданы. Предполагая издать «Повести Белкина» и зная, как может быть полезен Смирдин в распродаже книги, Пушкин писал 15 августа 1831 года из Царского Села Плетневу: «Смирдину шепнуть мое имя с тем, чтобы он перешел к покупателям»²⁷. О том, как расходились произведения Пушкина у Смирдина, оставил замечательное свидетельство Гоголь. Дав живое и красочное описание обстановки в книжном магазине Смирдина во время продажи «Бориса Годунова», когда «толпа густилась и росла», он, по-видимому, с натуры записал характерный диалог: «— А самое то сочинение действительно ли чувствительно написано? — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. «И конечно чувствительно», — подхватил книгопро-

давец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель: «если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров за два часа!»²⁸

Зная о том огромном авторитете, которым пользовался у Смирдина Пушкин²⁹, многие обращались к поэту с просьбами о протекции к издателю, если найдет их произведения достойными печати. В этой связи можно назвать, например, Н. А. Полевого, П. А. Катенина, Дениса Давыдова, Е. А. Баратынского, Д. Н. Бантыш-Каменского. При посредстве Пушкина Смирдин издал «Конька-Горбунка» Ершова, первые строки которого, как позже вспоминал издатель, были исправлены Пушкиным³⁰.

Имя Смирдина встречается в дневниках Пушкина. Так, 22 декабря 1834 года поэт сделал запись: «Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг, когда бы ты был бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: Когда б я был Архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французскую кадрили»³¹. Здесь у Пушкина идет речь о стихотворении В. Гюго «Красавице», которое в переводе лицеиста 20-х годов поэта М. Д. Деларю было опубликовано в XII книге «Библиотеки для чтения» за 1834 год. Стихотворение имело строки:

И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

Митрополит Серафим обратился с жалобой к царю, прося оградить церковь от поругания в поэзии. В результате цензор А. В. Никитенко, пропустивший перевод, был посажен на гауптвахту, а М. Д. Деларю уволен из канцелярии военного министерства. Немало пришлось поволноваться и издателю «Библиотеки для чтения» А. Ф. Смирдину.

О близости между Пушкиным и Смирдиным свидетельствует и то, что многие корреспонденты поэта адресовали ему свои письма на книжный магазин Смирдина. Сам поэт в письмах 1830-х годов неоднократно упоминает имя издателя. Он не раз называл Смирдина своим поручителем, когда

обращался к кому-то с просьбой одолжить денег. Иногда Пушкин сетовал на Смирдина, но в целом относился к нему всегда доброжелательно и с большим доверием. Некоторое охлаждение в отношениях наступило лишь с появлением «Современника». Оно явилось косвенным следствием борьбы Пушкина с пресловутым «журнальным триумvirатом» (Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский), с которым Смирдин был экономически связан.

Но и после того, как Смирдин начал издавать первый толстый русский журнал «Библиотека для чтения» (1834), редактируемый беспринципным профессором восточных языков О. И. Сенковским (бароном Брамбеусом), а Пушкин — свой «Современник» (1836), отказавшись от предложенных Смирдиным — он видел в журнале Пушкина серьезного конкурента — 15 000 рублей отступных³², между издателем и поэтом все же сохранялись вполне корректные деловые отношения. Смирдин брал в свой магазин на комиссию для распродажи пушкинский «Современник». Это подтверждает найденная среди бумаг Смирдина записка Пушкина в его лавку от 29 декабря 1836 года: «Двадцать пять экз. 4-го № Современника выдать по сей записке. А. Пушкин»³³. Не менее показателен и тот малоизвестный факт, что последним, кого видел Пушкин перед отъездом на дуэль, был легендарный Федор Флорович Цветаев (1793—1859) — приказчик Смирдина, знавший на память всю его многотысячную библиотеку и так же, как и он, страстно любивший книги. Это был человек, которого современники называли «живым каталогом» за его феноменальную память и библиографические познания³⁴. Очевидно, Ф. Ф. Цветаев посетил поэта до его встречи с Данзасом после написания им известного письма Ишимовой. Вот что мы узнаем об этом из письма сотрудничавшего со Смирдиным библиографа Ивана Павловича Быстрова (1797—1850) к известному библиофилу пушкинской поры С. Д. Полторацкому (был уволен с военной службы за свои суждения в печати о стихотворениях Пушкина «Вольность» и «Деревня») от 24 февраля 1848 года: «В достопамятный 27 день января 1837 года Ф. Ф. Цветаев в 12 часу утра был у Пушкина и говорил с ним о новом издании его сочинений. Пушкин был весел. А ввечеру того же числа Тургенев пришел к нему с известием, что Пушкин стрелялся. Какова сила характера нашего незабвенного поэта»³⁵. Из письма следует, что он предполагал издать у Смирдина какую-то свою книгу³⁶.

Несколько нарушая хронологию изложения, заметим, что

доброе отношение к Пушкину Смирдин сохранил и после его кончины. Об этом свидетельствует целый ряд фактов. В письме к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 года А. И. Тургенев писал: «Смирдин сказывал, что он продал после дуэля П. на 40 тысяч его сочинений, особенно Онегина»³⁷. Искренним почитателем и активным распространителем сочинений Пушкина, стремившимся действительно помочь его осиротевшей семье, оставался «благородный книжник» и позже. 18 июня 1837 года член пушкинского Опекунского совета М. Ю. Вьельгорский сообщал П. А. Вяземскому, что сверх 100 уже купленных экземпляров «Современника», который был издан в пользу семьи поэта, Смирдин желает купить еще 200. Всего из 2000 экземпляров посмертного издания «Современника» Смирдин распространил 415 на сумму 8337 рублей (для сравнения отметим, что такие известные книгопродавцы, как Илья Глазунов и Иван Лисенков, взяли на продажу соответственно лишь 50 и 10 экз.). В конце 1838 года Смирдин покупает за 4000 рублей у Опекунского совета трагедию «Каменный гость», оконченную Пушкиным в ноябре 1836 года, и его прозаический отрывок «Одна глава из неоконченного романа» («Гости съезжались на дачу...»), а в феврале 1839 года от той же Опеки за 3400 рублей он принимает 1700 нераскупленных экземпляров «Истории Пугачевского бунта». И хотя ему такая комиссия не сулила дохода, хотя удалось продать всего лишь 200 экземпляров «Истории» (остальные 1500 — в 1842 году, когда дела его пошатнулись, пришлось вернуть), этот поступок говорит о многом, ибо никто из книгопродавцев за реализацию остатков этого издания не брался.

Не менее показательно и другое. Когда в 1837—1838 годах утвержденной над детьми и имуществом поэта Опекой было предпринято восьмитомное издание Сочинений Пушкина в пользу его семьи, то и в распространении этого издания Смирдин принял деятельное участие. Сохранилось его обязательство перед Опекой от 12 апреля 1837 года, в котором говорится: «Я, нижеподписавшийся С. Петербургский 2-й гильдии купец и книгопродавец Александр Филиппов Смирдин, обязуюсь взять печатаных Полных Сочинений А. С. Пушкина в 6 частях 1000 экземпляров для себя и 500 экземпляров для московского книгопродавца коммерции советника А. С. Ширяева, из коих 500 экз. на веленовой, ценою по 40 рублей и 1000 на простой бумаге ценою по 25 рублей за экземпляр с уступкою в мою пользу по 10% с каждого рубля»³⁸. Вместо обусловленных договором 1500 экземпляров

первого посмертного издания Сочинений Пушкина Смирдин продал 1600. Много это или мало? Очень много. Судить об этом можно по тому, что такое же количество было распространено всеми губернаторами России, получившими на этот счет специальное указание министерства внутренних дел. Несмотря на большие усилия со стороны Опеки, из 13-тысячного тиража было реализовано всего лишь немногим больше его половины.

В феврале 1840 года книгопродавцы и издатели 1-й гильдии купцы А. Ф. Смирдин³⁹, И. И. Глазунов, 3-й гильдии — М. И. Заикин и И. Н. Кушинников купили у Опеки 5 напечатанных к тому времени томов труднорасходившегося 8-томного издания «Сочинений Александра Пушкина» и все неопубликованные произведения писателя, которые обязались напечатать сами как завершение начатого издания, что и было осуществлено Глазуновым. Ему, в силу каких-то причин, очевидно, из-за финансовых трудностей, Смирдин передал свою долю участия в этом деле, инициатором и душой которого он, по всей видимости, был.

В заключение расскажем еще об одной попытке Смирдина посмертно издать Пушкина. В ноябре 1844 года он предложил Опеке проект издания сочинений Пушкина в 2 томах (до 80 печатных листов, 1200 экземпляров), куда вошли бы все его произведения, кроме «Истории Пугачевского бунта». По мысли Смирдина, это издание должно было быть роскошным, на хорошей бумаге с рисунками князя Гагарина⁴⁰. Интересны представленные Смирдиным по просьбе Опекунского совета условия этого издания. Приводим отрывок из них:

«Я, Смирдин, обязуюсь приложить всевозможное старание за тщательным и успешным печатанием, переплетом, приемкою из типографии листов и счетом оных.

Во уважение памяти А. С. Пушкина, я, Смирдин, все сии хлопоты и распродажу экземпляров принимаю на себя без всякого на то денежного вознаграждения, но о возлагаемом на меня, Смирдина, производстве сего издания имею я право сделать то известным публике через газеты...»⁴¹ Так хотел Смирдин почтить память Пушкина, такой была его любовь к поэту, многие произведения которого он печатал первым. В журнале заседаний пушкинской Опеки под датой 12 ноября 1844 года есть запись: «Принять предложенное книгопродавцем Смирдиным вышеозначенное условие состоять безденежным издателем предполагаемого издания — о чем и уведомить его». К сожалению, бескорыстное и благородное намере-

ние Смирдина осуществлено не было, дела его в середине 40-х годов пошли совсем плохо. Он был на грани разорения⁴². Такова история отношения Смирдина к Пушкину.

Но вернемся к 30-м годам, когда Смирдин был еще в расцвете и состоял в дружеских деловых отношениях со многими видными русскими писателями. К их числу относился и тесно связанный еще с братьями П. А. и В. А. Плавильщиковыми⁴³ И. А. Крылов, у которого в 1830 году Смирдин приобрел за 40 000 рублей право на 10 лет издавать его «Басни». Пользуясь этим правом, он напечатал произведения Крылова в пределах оговоренного срока 8 раз. Общий тираж этих изданий составил 40 000 экз. Их формат и художественное оформление (с иллюстрациями, без иллюстраций) были различны. Любопытно, что издание 1835 года, вышедшее в Экспедиции заготовления государственных бумаг и повторенное там же в 1837 году, стоит у истоков русской миниатюрной книги. Эта изящная в 32-ю долю листа книга (10×8 см) вызвала восхищение у Белинского, который писал: «Она возбуждает всеобщее удивление и живейшую радость, как доказательство, что у нас распространяется вкус к красивым изданиям, а вместе с тем и ценность книгопечатания»⁴⁴. Большую популярность имели «Басни», изданные в 1834 году с контурными иллюстрациями художника А. П. Сапожникова, раскрашенными и нераскрашенными. Сказанным сотрудничеством Смирдина с И. А. Крыловым не исчерпывается. В 1835 году баснописец редактировал смирдинский журнал «Библиотека для чтения», за что получил от издателя 9000 рублей. Так же как и Пушкину, Смирдин платил Крылову очень высокие для своего времени гонорары — по 300 рублей за каждую новую басню, написанную после 1830 года. Заслуживает внимания и то, что книгопродавец оказывал Крылову помощь в комплектовании книг Императорской публичной библиотеки.

Хорошие доверительные отношения связывали А. Ф. Смирдина с В. А. Жуковским, произведения которого издавались им в 1831, 1835—1837 и 1844 годах. Между поэтом и издателем шла оживленная переписка, от которой, к сожалению, остались лишь крупинки: две записки Жуковского к Смирдину о присылке ему иллюстрированного издания «Ундины» и стихотворений Козлова⁴⁵. В середине 40-х годов Смирдин намеревался снова осуществить издание сочинений Жуковского (дешевое) и предлагал за него в письме от 15 июня 1846 года 15 тысяч рублей. Он приглашал также поэта участвовать в своем серийном издании «Сто русских лите-

раторов», которое осталось незавершенным. Письмо 1846 года содержит сведения и еще об одной инициативе Смирдина — подготовке им, совместно с Жуковским, многотомной публикации сказок всех народов мира. Один том русских и два тома арабских сказок, как следует из письма, уже были составлены. Редактором всего этого обширного издания должен был стать Жуковский⁴⁶.

Как издатель Смирдин уже в 20—30-е годы был тесно связан и со многими другими видными писателями пушкинской поры. Так, например, он многократно печатал И. И. Козлова (1830, 1834, 1840), у него или при его непосредственном участии выходили отдельные книги В. К. Кюхельбекера (1825), Е. А. Баратынского (1834), Н. В. Гоголя (1831—1832), Д. В. Давыдова (1840), Ф. Н. Слепушкина (1826). В этом он продолжал просветительскую деятельность, начатую В. А. Плавильщиковым, только с несравненно большим размахом. Смирдин участвовал в распространении посмертного издания «Северных цветов» Дельвига. Часто помогал он молодым, и не только молодым, писателям⁴⁷ и ученым выступить в печати. В этой связи интересны воспоминания одного из современников издателя — учителя М. Ю. Лермонтова в школе гвардейских подпрапорщиков — В. Т. Плаксина: «Однажды профессор философии Галич приходит ко мне и, между прочим, с озабоченным видом говорит: Есть у меня заветная идея: я хотел бы написать книжонку, правда, довольно плотную, в виде введения в историю человечества, да боюсь напрасно время потерять.

— Отчего же вы так думаете?

— Ведь книжечка, я тебе говорю, выйдет толстая.

— Ну и что же?

— Как что ж? Что я буду делать с нею? Я не могу ее напечатать без денег.

— Эх вы, наш Сократ (так мы все бывшие его слушатели звали), а на что ж бог нам послал Александра Филипповича?

— И то правда; да совестно, ведь к нему все лезут; однако, пойду засяду работать.

Сказано — сделано. Книга эта — «Картина Человека» — Галичем написана, Смирдиным напечатана; а впоследствии Академия наук присудила сочинителю Демидовскую премию⁴⁸.

Мы уже говорили о резком удешевлении книги Смирдиным. Показательна в этой связи, например, публикация им «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Два первых издания этого сочинения вышли в основном при

жизни автора. К концу 20-х — началу 30-х годов, когда издательское дело Смирдина набрало силу, «История...» Карамзина уже была редкостью на книжном рынке, и продавцы брали за нее 120 и даже 150 рублей. Купив за большие деньги у наследников право на издание 12-томной «Истории...» и напечатав ее, Смирдин стал продавать новое издание по 30 рублей ассигнациями. «Дешевизна и доступность книг распространяли возможность и такую охоту к чтению, какой у нас прежде не бывало и не могло быть, а без содействия благодетельного для бедных писателей книгопродавца, может быть, и долго бы еще не появлялась» — так об издании Смирдиным Карамзина и других выпускавшихся им дешевых книгах писал В. Т. Плаксин⁴⁹.

* * *

Исключительно большое значение для развития русского книговедения, литературы и науки в XIX веке, да и в наши дни, имели и имеют изданные Смирдиным в 1828 году «Роспись российским книгам для чтения из Библиотеки Александра Смирдина» (1828) и прибавления к ней (1829, 1832)⁵⁰. По существу, эта «Роспись...», в составлении которой, кроме самого Смирдина, приняли участие видный библиограф В. Г. Анастасевич (1775—1845), Ф. Ф. Цветаев, Д. И. Языков, а в прибавлениях и И. П. Быстров, включала в себя подавляющее большинство когда-либо издававшихся русских книг и долгое время являлась основным библиографическим справочником в России, продолжившим опыт В. С. Сопикова.

Надо заметить, что и как библиограф Смирдин шел по стопам В. А. Плавильщикова, также уделявшего большое внимание библиографии и уже с 1817 года выпускавшего соответствующие издания⁵¹, главным из которых была «Роспись российским книгам для чтения из Библиотеки В. Плавильщикова систематическим порядком расположенная. В 3-х частях» (СПб., 1820), подготовленная В. Г. Анастасевичем. Эта «Роспись...» Плавильщикова, включавшая 7000 названий, имела, как и у Смирдина, прибавления, только не два, а шесть (1821, 1822, 1823, 1824, 1825, начало 1826), два последних из которых были выпущены Смирдиным уже после смерти Плавильщикова.

Библиографии Плавильщикова были, естественно, использованы Смирдиным как наследником его библиотеки. Однако «Роспись...» Смирдина существенно отличалась и от «Опыта российской библиографии от начала заведения типографий

до 1813 года» (вып. I-V, 1813, 1814, 1815, 1816, 1821) Сопикова, и от библиографий Плавильщикова, причем не только хронологическим охватом русских изданий (у Сопикова до 1813 года, у Плавильщикова с посмертными прибавлениями — до 1825 года, у Смирдина, если иметь в виду и его третье, подготовленное, но не изданное, использованное позже Крашенинниковым «Прибавление к Росписи...» — до 1847 года), но и по другим показателям.

Главное отличие библиографии русских книг Смирдина от Сопикова и Плавильщикова состояло в том, что описание книг в смирдинской «Росписи...» осуществлено не по так называемой немецкой системе (в зависимости от определяющего «ударного» слова с изменением заглавия), а по фактическому названию издания, причем с более подробной его характеристикой. Если, например, в «Росписи...» Плавильщикова (1820) значилось «Суеверий (Словарь Русских); М. Чулкова. СПб., 782 (8), 5 р.», то в «Росписи...» Смирдина читаем: «Словарь Русских суеверий; соч. Михайлы Чулкова. СПб., в Т. Шнора. 1782 г. (8) 5 р.». Огромное достоинство «Росписи...» Смирдина составлял приданный к ней вспомогательный справочный аппарат — указатели (систематический по роду знаний, алфавитный авторский и алфавитный по названиям книг), которые значительно облегчали практическое пользование ею. Существенно, что у Смирдина, как это было и у Плавильщикова, все книги описаны более точно, непосредственно с оригиналов (*de visu*), что далеко не всегда имело место у Сопикова.

Отличалась «Роспись...» Смирдина от «Опыта...» Сопикова и по составу. В ней были учтены книги, которых нет у Сопикова, что обуславливалось богатством библиотеки Плавильщикова. Свою библиотеку В. А. Плавильщиков начал собирать как личную еще в конце XVIII века, будучи в Москве. Как раз в это время подвергся правительственной опале Н. И. Новиков: в 1792 году он был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Именно в эти годы, по указанию перепуганной Французской революцией Екатерины II, в России подвергаются проверке и уничтожению тысячи книг. Частная библиотека Василия Плавильщикова не попала в сферу внимания чиновников Екатерины II и потому в ней сохранились многие из запрещенных книг. То же можно сказать и о унаследованной им в 1812 году богатой театральной библиотеке его брата, актера Петра Плавильщикова. Таким образом, библиотека В. А. Плавильщикова, ставшая в 1815 году общедоступной и впоследствии перешедшая к

Смирдину, содержала редчайшие русские книги. Среди них — новиковские издания, сочинения о Французской революции 1789 года и такая, в частности, редкость, как трагедия «Вадим Новгородский» Я. Княжнина (в составе XXXIX тома «Российского Феатра», 1793), отдельное издание которой того же 1793 года было почти полностью сожжено, а из «Русского Феатра» она беспощадно выдиралась. Все эти издания отражены в «Росписи...» Смирдина. Заметим, что в ней представлены сочинения не только тех, кого преследовала Екатерина II, но и тех, чьи имена не мог слышать Николай I — Вильгельма Кюхельбекера, Александра Бестужева, Николая Бестужева, Кондратия Рылеева, которого издатель, видимо, знал лично⁵². Как и почему это безнаказанно прошло для Смирдина, сказать трудно. Может быть, цензура тогда еще не обращала особого внимания на библиографические издания, считая их безобидными⁵³. Понимал ли Смирдин, какой опасности подвергает себя, храня в своей библиотеке книги декабристов и рекомендуя их читателям? Скорее всего, понимал, ибо против названия издававшегося К. Рылеевым и А. Бестужевым альманаха «Полярная звезда» указана цена — 100 рублей. Так дорого стоили тогда очень редкие и ценные издания, какими и стали после декабрьских событий 1825 года уцелевшие экземпляры «Полярной звезды».

С точки зрения современного библиографа, «Роспись...» Смирдина не безукоризненна. Например, без каких-либо оговорок в ней указаны авторы анонимных книг, причем не всегда точно. Таким образом, описание анонимных книг искажалось, они оказались ничем не отличимы от авторских. Аналогично описаны и издания под псевдонимом, есть и другие погрешности. Но для своего, да и не только своего, времени смирдинская «Роспись...», о которой нами сказано далеко не все⁵⁴, явилась важным событием в истории русской книжности, крупным шагом в развитии отечественной библиографии. Ее высоко ценил А. С. Пушкин⁵⁵, а его друг П. А. Плетнев, лично почему-то недолюбливавший А. Ф. Смирдина, писал Я. К. Гроту 28 ноября 1842 года: «Лучший указатель — каталог Смирдина. Вот источник для справок в работе». В другом письме Плетнева к тому же Гроту от 26 сентября 1842 года читаем: «Я замечая, ты не вполне ценишь важность каталога Смирдина для профессора литературы. Между тем он для книг и История словесности Греча... — почти единственные верные и не тщетные пособия. Их ты со стола не спускай, а Смирдина учи наизусть, как ты

любил учить французский словарь. Я так часто не могу оторваться от него, так жадность удовлетворяется. Это в своем роде (для библиографов) Собрание полное законов Российской империи»⁵⁶. Н. В. Гоголь, 10 мая 1844 года обращаясь к П. В. Анненкову с просьбой прислать смирдинский каталог, писал: «Он полнейший книжный наш реестр»⁵⁷. Еще упомянем авторитетное суждение о «Росписи...», также принадлежавшее одному из друзей Пушкина — С. А. Соболевскому, который считал ее необходимой «для каждого, кто на Руси занимается или намеревается заняться чем-либо научным или литературным», и справедливо утверждал, что всякую книгу, попавшую в эту «Роспись...», «нельзя не отыскать скоро и легко»⁵⁸. А вот оценка смирдинской «Росписи...», данная ей Белинским: «Нельзя не сказать, что изданием этого каталога г. Смирдин оказал русской литературе большую и важную услугу: без него составление какого бы то ни было опыта истории русской литературы почти невозможно»⁵⁹. И, наконец, в заключение приведем мнение Н. Г. Чернышевского. «Роспись российским книгам...» Смирдина, — писал он, — очень памятна нашим библиографам: после «Опыта» Сопикова это единственная книга, где собран значительный запас библиографических данных: ни один из частных книгопродавческих каталогов не может сравниться с ней в этом отношении»⁶⁰. К этому стоит только добавить, что и в наши дни «Роспись...» остается «незаменимым... справочным пособием» для «изучения истории и путей русской литературы и науки, отраженных в репертуаре книг XVIII и начала XIX века»⁶¹.

В середине XIX века смирдинская «Роспись...» была библиографическим эталоном и ценнейшим, самым популярным книговедческим источником. Подражание ей, использование и продолжение ее можно видеть в «Систематическом реестре русским книгам с 1831 по 1846 год» (СПб., 1846), изданном М. Д. Ольхиным, к которому в 40-е годы перешли многие книги из складов Смирдина. Генетическая преемственность по отношению к «Росписи...» А. Ф. Смирдина нашла отражение в предисловии к «Систематическому реестру...» М. Д. Ольхина, написанном И. П. Быстровым. В нем сказано: «Роспись А. Ф. Смирдина по 1832 год была единственным драгоценным для нас руководством библиографическим»⁶². Еще показательнее библиографическое мероприятие московского книгопродавца Н. Н. Глазунова (Улитина), который в начале 40-х годов опубликовал свой библиотечный каталог под названием «Роспись российским книгам библиотеки

московского купца Николая Николаевича Глазунова». Это издание во многом является прямой перепечаткой «Росписи...» Смирдина, хотя кое в чем и отлично от нее⁶³.

Итак, ко времени выхода «Росписи...» и двух прибавлений к ней, т. е. на рубеже 20—30-х годов, Смирдин постепенно становится ведущей фигурой в русской книжной торговле и книгоиздательском деле⁶⁴. В декабре 1831 года из скромного дома у Синего моста, где находились его книжная лавка и библиотека, он перебирается на Невский проспект в роскошно отделанный магазин в бельэтаже дома Петропавловской лютеранской церкви. На втором этаже была размещена библиотека. За снятое помещение книгопродавец платил необычайно высокую по тем временам арендную плату — 12 000 рублей в год⁶⁵.

Переезд Смирдина явился событием в русской культурной жизни, стал предметом всеобщего внимания. О нем писали газеты, сообщали в письмах. И это можно понять, так как он символизировал не только коммерческое преуспевание Смирдина, но и нечто большее — какой-то сдвиг в русской культуре, переход на новый качественный уровень литературы и всей книжности.

«Северная пчела» в 1831 году писала: «А. Ф. Смирдин захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не было в России... Наконец, г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье находится книжная торговля г. Смирдина. Русские книги в богатых переплетах стоят горделиво за стеклами в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенной скоростью». И далее: «Сердце утешается при мысли, что, наконец, и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то воодушевляет писателя!

В верхнем жилье над магазином устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте»⁶⁶. П. А. Вяземский после открытия магазина писал И. И. Дмитриеву 13 апреля 1832 года: «На первый случай рекомендую Вам новую книжную лавку Смирдина, первую европейскую лавку русскими книгами. В ней не темно, не сыро и не грязно: говорю не в литературном отношении. Везде красное дерево, бронза, все так нарядно, все блестит, что русским

книгам должно быть совестно тут»⁶⁷. Ирония относительно русских книг, которые в таких магазинах никогда не продавались, здесь не случайна. Книжная торговля, библиотека, как и все книжное дело Смирдина, сыграли исключительную роль в привлечении внимания читающей России, долгое время пользовавшейся по преимуществу иностранными изданиями или переводами, именно к оригинальной русской книге.

Вот еще одно воспоминание неизвестного современника о книжной лавке Смирдина на Невском проспекте: «Такого прекрасного магазина ни до Смирдина, ни после его у русских продавцов покуда не было»⁶⁸.

Неизгладимый след в памяти петербургских литераторов оставило торжественное празднование новоселья Смирдина на новом месте. 19 февраля 1832 года в помещении его первой-классной коммерческой библиотеки состоялся по случаю ее открытия званый обед, в котором приняло участие несколько десятков человек, в том числе А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский, А. А. Перовский (Погорельский) — дядя поэта А. К. Толстого, Д. И. Языков, П. А. Плетнев, Е. Ф. Розен, А. Ф. Воейков, О. М. Сомов, О. И. Сенковский, Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и многие другие, так или иначе связанные с литературой и книгоиздательством. Были на обеде и художники: А. П. Брюллов, сотрудничавшие со А. Ф. Смирдиным иллюстраторы С. Ф. Галактионов, Н. И. Уткин, К. А. Зеленцов⁶⁹. Брюллов делал зарисовки, благодаря чему до нас дошли изображения библиотеки.

Председательствовал на обеде как один из старейших литераторов Крылов. После тоста за Смирдина им были произнесены здравицы в честь Пушкина и Жуковского и предложено почтить память Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Грибоедова, Карамзина. Прозвучали тосты за здоровье самого Крылова, а также Дмитриева, Вяземского, Хвостова и других участников обеда, за отсутствовавших Гнедича, Шишкова, Батюшкова, за московских литераторов. Любопытно и примечательно, что здравицы на обеде провозглашали не только за писателей, но и за их читателей и покупателей книг. Известный своей плодовитостью поэт граф Д. И. Хвостов преподнес Смирдину посвященные ему стихи:

Угодник русских муз, свой праздную юбилей,
Гостям шампанское для новоселья лей;
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертной жизни вновь усердствуя воззвал

Для лавра нового, восторга и похвал.
Они отечество достойно славят оба;
Но ты к пареню путь открыл свободный.
Мы нашим внучатам твой труд передадим⁷⁰.

В отличие от других стихотворных сочинений Хвостова они были сравнительно не так плохи, и весело настроенные собравшиеся встретили их аплодисментами.

Организуя торжество по случаю своего новоселья, Смирдин руководствовался несколько наивной мыслью объединить за дружеским столом всех русских литераторов — разных поколений и разных направлений, имея в виду привлечь их в дальнейшем для совместного сотрудничества в задуманном им уже тогда толстом журнале. И хотя торжественный обед прошел внешне вполне хорошо, как отмечали современники, непринужденно, многие понимали пестроту состава его участников. Вот что писал об этом в «Северной пчеле» Греч: «Любопытно и забавно было видеть здесь представителей веков минувшего, истекающего и наступающего; видеть журнальных противников, выражающих друг другу чувства уважения и приязни, критиков и раскритикованных, взаимно объясняющихся: страстные уверения, усердные обещания, невинные остроты искрились как шампанское в бокалах»⁷¹. Однако не все остроты были так уж невинны. В своих воспоминаниях В. П. Бурнашев, сотрудник Н. И. Греча, воспроизводит следующий его рассказ: «А нельзя отнять и от Пушкина большого эпиграмматического дарования. Да вот хоть бы на днях. Это было на новоселье Смирдина. Обед был на славу... Нам с Булгариным привелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг заметив, что Семенов сидит между нами, двумя журналистами, которые, правду сказать, за то, что не дают никому спуска, слывут в публике за разбойников, крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе». Слова эти тотчас были всеми поняты. Я хохотал, разумеется, громче всех, аплодировал и посылал летучие поцелуи Пушкину...»⁷². Далее Греч говорит, что он был бы глуп, если бы рассердился на эту милую шутку, что в отличие от него Булгарин задышался от бешенства и его надо было успокаивать. Трудно поверить в то, что Гречу было приятно сравнение его и Булгарина с разбойниками, распятыми, согласно преданию, рядом с

Христом. Просто он лучше владел собой. Что же касается остроты Пушкина, то она, конечно, была далеко не безобидна, поскольку своих литературных и идейных противников поэт недвусмысленно назвал разбойниками. Булгарину было от чего прийти в бешенство.

По-своему, с присущей ему едкой насмешливостью охарактеризовал П. А. Вяземский несовместимую пестроту собравшихся у Смирдина лиц и искусственность попытки как-то соединить их. «...Какие теплицы не затевай, — писал он А. И. Тургеневу 27 августа 1833 года в связи с выходом первой части альманаха, — а наше человеческое дело строить лачужки «Новоселья», где рядом с Жуковским — Хвостов; где я профилем, а Булгарин во всю харю; где мед с дегтем, но и деготь с медом...»⁷³. Любопытно свидетельство еще одного участника обеда — М. Е. Лобанова: «В пространной зале, которой стены уставлены книгами — это зала чтения — накрыт был стол для 80 гостей. — В начале 6-го часа сели пировать — обед был обильный и в отношении ко вкусу и опрятности довольно хороший. — Это еще первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и, следовательно, отменно любопытный; тут соединились в одной зале обиженные и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики»⁷⁴.

Несмотря на то что на открытие библиотеки к Смирдину собрались очень разные люди, все же попытка сплочения литературных сил имела некоторые практические последствия, правда, не очень долговременные. В результате этой встречи появились два выпуска знаменитого смирдинского альманаха «Новоселье» (ч. I, 1833; ч. II, 1834), в которых приняли участие не только присутствовавшие на обеде литераторы, но и отсутствовавшие. В предисловии к первой книге «Новоселья» Смирдин писал: «Заглавие книги само по себе уже обязывает меня сказать несколько слов о сем издании. Простой случай — перемещение книжного магазина моего на Невский проспект (19 февраля 1832 года) доставил мне честь иметь у себя на новоселье почти всех известных литераторов... Гости литераторы из особенной благосклонности ко мне вызвались, по предложению Василия Андреевича Жуковского, подарить меня на новоселье каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издаю ныне»⁷⁵. Дары были щедрые, Смирдина ценили, уважали и любили. В двух выпусках «Новоселья» были помещены произведения Владимира Луганского (Казака), т. е. Дала («Сказка о некоем... мужичке и о сыне его, Емеле дурачке»), Баратынского, Вя-

земского, Жуковского («Сказка о царе Берендее...»), Козлова, Крылова, Пушкина («Домик в Коломне», «Анджело»), Гоголя («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), Языкова, Хомякова, Шишкова, Розена, Сенковского (Брамбеуса), Греча, Булгарина и других. Не присутствовавший на обеде Гнедич дал для первого выпуска «Новоселья» стихотворение «Кавказская быль». Сохранилось письмо Гнедича к Смирдину, связанное с этим: «Как участник хотя и не обеда, но чести приглашения к нему, Гнедич вменяет себе в удовольствие благодарить Александра Филипповича тем, чем благодарит его вся братия Парнасская, если не так богато, как другие, но так же усердно Окт. 4—1832 г.»⁷⁶. Это письмо — еще одно свидетельство доброго отношения к Смирдину со стороны известных русских литераторов, многие из которых приняли участие в альманахе.

Оба выпуска «Новоселья», несмотря на свою авторскую пестроту, были встречены читателями с одобрением и имели большой успех. Впоследствии они переиздавались⁷⁷. И первая и вторая книга альманаха отличались хорошим оформлением. На обложке первой части воспроизведена литография с изображением дома на Невском, где находились магазин и библиотека Смирдина. Рисунок для фронтисписа или, как говорили раньше, виньетка, был сделан А. П. Брюлловым. Здесь можно было узнать собравшихся 19 февраля 1832 года у Смирдина литераторов: Крылова (сидит во главе стола), Смирдина (стоит слева), Хвостова и Пушкина (сидят слева), Греча (с бокалом в руке стоит справа), Семенова и Булгарина (сидят справа). Зеркальную гравюру с этого рисунка сделал С. Ф. Галактионов⁷⁸. Обложку второй части альманаха украшает литографическое изображение лютеранской церкви на Невском проспекте с прилегающими к ней домами, в левом из которых находились арендованные Смирдиным помещения. В качестве виньетки для второго выпуска был использован рисунок книжной лавки Смирдина, исполненный А. П. Сапожниковым и гравированный С. Ф. Галактионовым. На нем справа мы видим Пушкина, беседующего с Вяземским, слева — главного приказчика Смирдина и библиотекаря Ф. Ф. Цветаева, за конторкой — самого Смирдина против него, в центре — Сенковского. Далее, в глубине, за прилавком, приказчик Ножовщиков. За все эти рисунки надо быть благодарными их создателям и публикаторам. Они как бы приближают ушедшее время, помогают представить литературный и книжный быт далекого прошлого. Многие

значили они и для современников, особенно тех, кто жил вдали от Петербурга. Среди заслуживающих внимания иллюстраций можно назвать гравированный С. Ф. Галактионовым рисунок А. П. Брюллова к «Сказке о царе Берендее...» Жуковского и его же рисунок к «Домику в Коломне» Пушкина, гравированный И. Ческим.

Наряду с хорошим иллюстративным оформлением успеху альманаха способствовала и его крупноформатность, позволившая печатать произведения не в отрывках, а целиком. Это было новшеством, закреплением за альманахами-сборниками размеров обычной книги, заменившей карманные форматы аналогичных изданий предшествующих лет.

Книги «Новоселья» явились как бы прообразом начавшего выходить в 1834 году смирдинского журнала «Библиотека для чтения» и во многом предопределили его судьбу. Это был первый в России толстый журнал. Его популярность, особенно в первые годы, когда в нем еще печатались Пушкин, Жуковский, Крылов, Языков, Баратынский и другие видные писатели, была очень высока, а тираж невиданный (5 и даже 7 тысяч). Этот журнал, ориентировавшийся на провинциального читателя сыграл свою роль в истории русской журналистики. Однако для Смирдина его основание означало закрепление экономических связей с так называемым «журнальным триумvirатом», который позднее имел прямое отношение к разорению издателя.

Середина 30-х годов — время наивысшего расцвета книжного дела Смирдина. Его лавка на Невском и библиотека были центром литературного Петербурга. О том, как относились к издателю современные ему литераторы, некоторое представление дают строки из стихотворения А. Е. Измайлова:

Любезный, честный наш Смирдин,
Питомец книжников почтенных, благородных.
Оракулов негодных
И песенников ты ни с кем не составлял,
Одни хорошие лишь книги издавал,
И литераторам не делал притесненья;
На обхождение ты и на платеж хорош:
Попросишь у тебя, ты и вперед даешь;
Учив, радушен, добр, любитель просвещенья,
Гостинодворских нет ухваток у тебя,
И благородно ты ведешь себя, —
Достоин, право, ты достоин уваженья!⁷⁹

Думается, что эта поэтическая портретная зарисовка известного баснописца и прозаика, написанная еще до переезда Смирдина на Невский проспект, вполне достоверна и с нею

были согласны многие. Магазин Смирдина в 30-е годы стал главным литературным салоном России, где едва ли не ежедневно встречались многие видные литераторы и книголюбы — Жуковский, Крылов, Вяземский, В. Ф. Одоевский, Соболевский, А. И. Тургенев и другие⁸⁰. О разного рода отношениях поэтов и писателей со Смирдиным можно найти не одно упоминание в мемуарной, научной и даже художественной литературе⁸¹. Конечно же, как мы знаем, часто бывал у Смирдина и Пушкин. Однажды там видел его писатель И. А. Гончаров⁸². Иногда к знаменитому книгопродавцу заглядывала также Наталия Николаевна⁸³ и, по всей видимости, Александра Николаевна. Можно предположить, что кроме жены и свояченицы в лавку Смирдина заходили другие родственники и близкие знакомые поэта, например, члены семей Гончаровых, Карамзиных, Е. М. Хитрово, ее дочери, в частности и младшая — Д. Ф. Фикельмон.

Об одном из посещений магазина Смирдина Пушкиным напоминает его знаменитая эпиграмма:

К Смирдину как ни зайдешь, —
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина пастунишь⁸⁴.

Эта эпиграмма, направленная не столько против издателя, сколько против изобильно печатавшихся им противников поэта, была известна Смирдину⁸⁵, что, однако, никак не поколебало его отношения к Пушкину. Мы уже говорили, что Смирдин до конца дней с благоговением относился к поэту и его сочинениям. Это он, Смирдин, по свидетельству современников, организовал в скорбные дни расставания с Пушкиным массовую распродажу его книг. А. И. Тургенев писал брату Николаю в Париж 31 января 1837 года: «Смирдин сказывал, что со дня кончины его (Пушкина. — Л. К.) продал он уже на 40 тысяч его сочинений. Толпа с утра до вечера у гроба»⁸⁶. О том же, т. е. о большом спросе на книги Пушкина, писала и Софья Николаевна Карамзина брату Андрею 2/14 февраля 1837 года, сообщая о распродаже за 3 дня 4000 экземпляров «Евгения Онегина»⁸⁷.

* * *

Мы вправе спросить себя, что привлекало лучших писателей к Смирдину, почему в его магазин, на Невском проспекте, так любили они заходить, чтобы услышать о книжных

новостях, получить нужную справку, купить новую книгу? Потому, что это был лучший в стране книжный магазин, считавшийся «центром литературной и умственной деятельности, откуда вкус и знания разливались по всей матушке обширной России»?⁸⁸ Несомненно. Потому, что над магазином находилась «первая по богатству и полноте», как писала в свое время «Северная пчела», библиотека? Бесспорно. Бесспорно и то, что Смирдин располагал наиболее полными для своего времени библиографическими данными о русской книге⁸⁹ и со множеством русских литераторов сотрудничал как издатель, платя им высокие гонорары. Все это так. Однако было бы несправедливо не учитывать незаурядность его личности, его книгоиздательского таланта, деловитость, обязательность и, наконец, чисто человеческие качества.

По широте просветительской и патриотической деятельности Смирдина как издателя и книгопродавца не без основания сравнивали только с одним предшественником — Н. И. Новиковым, хотя уровень их образования был достаточно различен. «Хвала и честь А. Ф. Смирдину, воскресшему в наш век времена умного и трудолюбивого Новикова. Он первый после Новикова и «Истории» Карамзина принялся за сооружение памятника нашей словесности, достойного русских и могущего показать и нам, и всему миру наше богатство, нашу славу в литературе...»⁹⁰ — читаем мы в одной из газетных статей 1830-х годов. Сравнение с Новиковым встречается и у Плетнева: «Карамзин сначала только и писал для Новикова, тогдашнего Смирдина» (Письмо к Я. К. Гроту от 28 октября 1844 года)⁹¹. И еще одно высказывание современника: «То, что делала в предыдущем столетии целая компания Новикова, делал Александр Филиппович один»⁹².

При известной правомерности сопоставления Смирдина с Новиковым, издательская практика которого была все же иной, надо заметить, что деятельностью Смирдина ознаменован качественно новый этап в развитии русской книжности. Это хорошо осознавалось еще при его жизни. Вот что писал Вяземский А. И. Тургеневу 6 февраля 1833 года: «Давно ли Карамзин продавал все сочинения свои тысяч за десять с небольшим, Батюшков все свои — за две тысячи рублей? А теперь Смирдин за второе издание их предлагает семь или восемь тысяч рублей. Стало, Русь начинает книжки читать, и грамота и у нас на что-нибудь годится. Можно головою прокормить брюхо: слава Те, Господи!»⁹³ Особенно существенна здесь мысль о том, что именно Смирдиным была прочно введена система гонорарной оплаты литературного

труда. Это и обусловило завершение и признание профессионализации русских писателей, начало которой уже можно было видеть в деятельности издателей «Полярной звезды» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева⁹⁴. «Что сделал и что сделает Смирдин, того со времени Новикова не бывало и, может быть, не будет на Руси после него. Он открыл словесность, дал ей жизнь, разбудил публику и писателей, сдружил их и положил первое основание новому сословию: *сословию литераторов*... Выгоды, доставленные Смирдиным литераторам, позволяют им свободно и досужно заниматься делом, а не урывками между сном и департаментом»⁹⁵ — так писала в 1833 году «Северная пчела». А когда Смирдина не стало, именно профессионализацию труда писателей ставила ему в заслугу газета «Русский инвалид». В ней говорилось: «Смирдину мы обязаны тем, что ныне литературные занятия дают средства к жизни и довольству посвящающим им свое время и способности. Мы помним, как нападали в современных журналах на это... Времена эти прошли, все поняли важность и необходимость вознаграждения за литературные труды, но честь и слава и вечная память тому, кто дал этому началу первое движение»⁹⁶.

Таким образом, будучи распространителем книг в народе в масштабах до того невиданных, а также издателем книг, неслыханно дешевых, Смирдин был еще и тем, кто окончательно утвердил оплату литературного труда. Было бы странно думать, что все это происходило случайно, а не обуславливалось незаурядностью его личности, готовностью в интересах дела идти на риск и даже на заведомые убытки.

О том, каким человеком был Смирдин, есть немало свидетельств. Вот некоторые из них. «Чем больше я этого узнаю человека, тем более чувствую к нему любви и уважения: это благороднейшее и добродушнейшее создание, каких немного встретишь в жизни. Под необделанною грубою корою у него хранится добрейшее сердце и благороднейший ум» (Николай Полевой). И еще одно высказывание Н. Полевого: «Смирдин — неограниченный драгоценный бриллиант»⁹⁷.

«Смирдин был первый книгопродавец, поставивший себя, а за собою и всю торговлю в правильные отношения к литературе и читателям. Главное достоинство его было то, что он любил литературу, как умел, любовью младенца может быть, но тем не менее чистою и бескорыстною» (Из предисловия к «Сборнику... памяти Александра Филипповича Смирдина») ⁹⁸.

«Книгопродавец Смирдин исполнил со своей стороны все,

чего публика была в праве от него требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показал он и в издании журнала» (Н. В. Гоголь, в связи с выходом журнала «Библиотека для чтения») ⁹⁹.

«Честный, добрый, простодушный, но без всякого образования...» (П. В. Анненков) ¹⁰⁰.

А. В. Никитенко писал: «Смирдин истинно честный и добрый человек, и, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы! вряд ли ей дожидаться другого такого бескорыстного и простодушного издателя. Я не раз предостерегал его. Но есть рок, от которого нельзя защититься — это наша собственная слабость» ¹⁰¹.

«В конце тридцатых годов выдающееся место в литературном и издательском петербургском мире занял... Александр Филиппович Смирдин, отличный, добрейший, благороднейший человек, каких мало бывает на свете» (П. Юркевич) ¹⁰².

Даже Фаддей Булгарин был вынужден, чтоб не выглядеть хуже других, сказать об издателе, что «он умный, добрый, честный, сметливый русский человек, страстно влюбленный в свое ремесло, желающий матери своей, России, славы и пользы и жертвующий для этой цели всем» ¹⁰³.

Все эти высказывания не нуждаются в каком-либо комментарии, кроме, пожалуй, одного: редко, когда столь разные люди так единодушны в суждении об одном человеке.

Сохранились воспоминания и о внешности Смирдина, и о его поведении, правда, их меньше, чем о моральном облике издателя. Судя по одному из них, Александр Филиппович «...с лица был человек постоянно серьезный, никогда не видели его смеющимся или даже улыбающимся, чрезвычайно привязанный к своему делу и трудолюбивый до смешного... Обыкновенно большая часть книжных торговцев не приходили в свои лавки торговать по воскресеньям, он же приказывал открывать свой магазин и в воскресенье...» Эти слова дополняют представление о Смирдине.

Кроме словесных описаний и виньеток для «Новоселья», до нас дошло два родственных изображения издателя (портрет маслом и гравюра), а также два связанных с ним рисунка. На одном из них (карандашном рисунке и гравюре с него), оказавшемся в альбоме отца А. Ф. Кони — издателя журнала «Репертуар и Пантеон» Ф. А. Кони, изображена лавка Смирдина в доме лютеранской церкви ¹⁰⁴. На другом рисунке, предположительно А. А. Агина, мы видим самого Смирдина и его

новую лавку, тоже на Невском, но уже в доме Энгельгардта у Казанского моста, куда книгопродавцу пришлось переместиться в 1845 году, когда дела его пошатнулись. Книжная лавка размещалась на первом этаже, в том же доме находился и концертный зал, где в 30-е годы проводились балы и маскарады, на которых бывали Пушкин и многие его знакомые, в частности и Д. Ф. Фикельмон. Известна еще и карикатура на Смирдина работы Н. А. Степанова¹⁰⁵.

Не могу здесь не сказать также и об одном скульптурном портрете Смирдина, о существовании которого до сих пор, кажется, нигде не упоминалось. Занимаясь в Отделе рукописей ленинградской Публичной библиотеки, я вычитал в письме внука книгоиздателя — А. В. Смирдина к П. К. Симони от 27 июля 1927 года следующее: «Помнится еще мне, что в нашем семействе... стоял на мраморной колонне гипсовый бюст АФС, долгие годы белым, а впоследствии домаш. [ними] средств. [ами] окрашенный темным, темно-стального цвета, а после 1882 года был отцом моим сдан в Публичную библиотеку, где его в 1890-х годах видел... Мне говорили... что бюст схож с гравюрой ляйпцигского портрета»¹⁰⁶. Не надеясь на удачу, спросил сотрудников Отдела рукописей, не известна ли им судьба скульптурного портрета. И как же приятно было узнать, что он цел и находится совсем рядом, за дверью, в фондах Отдела рукописей. Бюст хорошо сохранился. Он был создан умелым мастером, к сожалению, неизвестным.

Говоря о Смирдине, меньше всего хотелось воссоздать его иконописный портрет. Не со всеми, с кем сталкивала его жизнь, удавалось ему поддерживать добрые отношения. С известным предубеждением, а порой и просто недружелюбно относились к нему Гоголь и Плетнев. Неприязненно писал о Смирдине Краевский. Бывали сложности во взаимоотношениях с издателями, в частности с Плюшаром. Конечно же, Смирдиным была совершена не одна ошибка — как из-за недостатка образования, так и из-за мягкости характера, наивной веры в возможность сотрудничества литераторов пушкинского окружения с людьми, давившими всякое проявление свободолюбия. Не всегда обоснованным был отбор авторов и произведений для печати. Некоторые из допущенных ошибок Смирдин старался, поняв их, исправлять. Почувствовав консервативную диктаторскую односторонность и полную беспринципность Сенковского, редактора «Библиотеки для чтения», он в 1838 году попытался противопоставить ему Н. Полевого, сделав его негласным редактором второго своего журнала «Сын отечества», что, впрочем, ни к

чему не привело. Потерпев неудачу с изданием «Ста русских литераторов», о чем речь впереди, он сделал для себя вывод и приступил в дальнейшем к выпуску Полного собрания сочинений русских авторов.

Как видим, Смирдин имел и свои слабости и свои недостатки, порой больше руководствовался чутьем, чем знаниями, был чрезмерно доверчив, что в известной мере и привело его к разорению. Но о человеке и его деле судят не по слабостям и ошибкам, а по тому, что сумел сделать, каков результат его жизненных усилий. Именно это и побуждает прежде всего говорить об огромном положительном вкладе Смирдина в развитие книжного дела и всей русской культуры.

Кроме упоминавшихся книг Пушкина, Крылова и других русских писателей, в 30-е годы, будучи в зените славы, он издал еще четыре тома Сочинений Державина, хорошо иллюстрированные книги «Константинополь и турки», «Путешествие по Сицилии...» А. С. Норова, сочинения знаменитых путешественников Ф. П. Литке и Ф. П. Врангеля и др.

В 1839 году Смирдин предпринял монументальное по замыслу издание «Сто русских литераторов». Эта серия книг должна была состоять из десяти томов, однако появилось только три, что объяснялось большой пестротой издания: имена Пушкина, Крылова, Бестужева-Марлинского, Давыдова перемежались в нем с именами второстепенных и третьестепенных авторов — Сенковского, Булгарина, Кукольника, Зотова, Маркова, Веревкина, Масальского. Второй раз попытался объединить Смирдин разнородных литераторов, но это не привело к успеху. Если в «Новоселье» доминировали ведущие литературные силы и это определило значение альманаха, то в новом издании произведения лучших писателей потонули среди сочинений посредственных. Белинский, высоко ценивший деятельность Смирдина в целом, о вышедших томах издания «Сто русских литераторов» писал, что оно «предпринято без всякого плана, без всякого порядка», что в нем «старые писатели смешаны с новыми, гениальные с бездарными, знаменитые с неизвестными, хорошие с плохими...»¹⁰⁷. Критически отозвался о втором томе «Ста русских литераторов» и Некрасов (1841)¹⁰⁸.

В полиграфическом отношении все три тома «Ста русских литераторов» были изданы с большим совершенством. Каждый том иллюстрирован, произведениям каждого автора предшествовал его портрет. Как издательский принцип это явилось новинкой, хотя случаи публикации портретов авторов перед их произведениями бывали и раньше («Кавказский

пленник» Пушкина и др.). Смирдин знал и неоднократно видел многих русских писателей, ему казалось, что для полного понимания написанных ими произведений читатели также должны видеть их, и он предоставил такую возможность. Другое дело, что не все авторы заслуживали включения в издание, а следовательно, и публикацию их портретов, на это указывал и Белинский. Но сама идея сопровождения художественных текстов портретами авторов была разумной, что подтвердила вся последующая издательская практика.

В «Ста русских литераторов» есть ряд хороших портретов, но, пожалуй, особенно дорого и ценно изображение декабриста Александра Бестужева, которое, может быть, распространилось и для нас сохранилось только благодаря Смирдину. Он проявил тогда двойную смелость: раскрыл псевдоним «А. Марлинский» и опубликовал его портрет, полученный от сестры декабриста Е. А. Бестужевой. Он был послан ей братом еще из Якутска, а затем — вновь с Кавказа. Для придания романтичности Е. А. Бестужева «накинула» на плечи брату бурку. Публикация портрета А. Бестужева привела Николая I в ярость. Многолетний управляющий канцелярией III отделения А. Н. Мордвинов за недосмотр получил отставку, Смирдину, несмотря на цензорское разрешение, пришлось по требованию жандармского генерала Полозова писать специальные объяснения, а сам портрет из значительной части тиража 1-го тома, по указанию Дубельта, был изъят. К счастью, некоторое количество книг уже было раскуплено и полностью уничтожить портреты Бестужева III отделению не удалось¹⁰⁹. Из Пушкина в первом томе «Ста русских литераторов» были опубликованы купленные у Опеки трагедия «Каменный гость» и отрывок, начинающийся словами «Гости съезжались на дачу...», гениальностью которых восторгался Толстой. Это была последняя публикация произведений любимого писателя Смирдиным. Она сопровождалась известным портретом поэта, гравированным Н. И. Уткиным.

Третий том незавершенной серии «Сто русских литераторов» вышел в 1845 году, когда Смирдин уже находился на грани разорения. Упадок его дела начался еще в начале 40-х годов. Каковы причины этого? Их много. Одна из них общее ослабление книжной торговли в кризисные для всей русской экономики годы. Другая — обилие толстых журналов, начало изданию которых сам же Смирдин и положил. Многие читатели, особенно в провинции, предпочитали их авторским книгам. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что

40-е годы не были столь обильны талантами, как предыдущие. Свою негативную роль сыграл также не всегда удачный выбор Смирдиным авторов для издания. Более конкурентной и спекулятивной, с коммерческими уловками и прямым обманом стала в эти годы книжная торговля, что также пагубно сказалось на книгоиздательской деятельности доброго, доверчивого и честного Смирдина, который, хотя и был коммерсантом, видел в книге не только и не столько источник дохода, сколько орудие просвещения¹¹⁰.

Немало способствовали разорению Смирдина Сенковский, Греч и Булгарин. Об этом не раз вспоминают мемуаристы¹¹¹. Сенковский, относившийся к Смирдину свысока и даже не подававший ему руки (издатель его не любил, но вынужден был с ним сотрудничать), не гнушался, однако, как редактор «Библиотеки для чтения» бесчестно наживаться, пользуясь доверчивостью владельца журнала. Он получал гонорары за переводы и перепечатку как за оригинальные сочинения. «Сенковский, — писал «Русский вестник», — таким манером перепечатывал в «Библиотеке для чтения» иногда целые книги, а статьи сплошь и рядом... За эти перепечатки чужого добра Сенковский брал с благодушного Смирдина, вверявшегося в него, словно в евангелие, крупную полистную плату...»¹¹².

Больших разорительных расходов стоили Смирдину экономические контакты с Гречем и Булгариным. В конце 30-х годов Смирдин решил арендовать у них «Северную пчелу», надеясь, что при участии Н. Полевого эта первая частная русская газета увеличит тираж и принесет доход. Согласившись на предложение Смирдина, Греч и Булгарин получили с него 60 тысяч и оговорили свое право браковать любые статьи. В середине января 1838 года после выхода 5-го номера газеты бывшие ее владельцы расторгли договор, оставив Смирдина в большом убытке. Можно привести еще один факт. Издавая у Смирдина «Живописное путешествие по России» с текстом к иллюстрациям, Булгарин должен был по контракту заказать высококачественные гравюры в Лондоне, на что получил крупную сумму. Однако он представил скверные дешевые репродукции, подготовленные в Лейпциге, а оставшиеся деньги присвоил себе. Все это не оставляет сомнения в причастности реакционного «журнального триумвирата» к разорению Смирдина.

Крупный ущерб Смирдину принес и А. А. Плюшар, взявший в банке для издания «Энциклопедического лексикона» большую ссуду под поручительство Смирдина. Дело с изда-

нием «Лексикона» не пошло, и Плюшар обанкротился. Смирдину как поручителю пришлось выплатить 100 000 рублей. Это заставило его в начале 40-х годов распродавать имущество и на кабальных условиях закладывать книги¹¹³.

Пытаясь выйти из финансовых затруднений, Смирдин начал делать долги. Но это не помогло. В 1841 году он отказывается от издания «Библиотеки для чтения». В это время, стремясь помочь Смирдину, петербургские литераторы издают в его пользу сборник «Русская беседа», содержащий обращение к читателям с призывом помочь Смирдину «Неужели те самые, которые ему столько обязаны... не поддерживают такого человека теперь, когда критическое состояние книжной торговли, огромные потери, испытанные им от дурного хода чужих дел и от собственного своего бескорыстия, поставили его в затруднительное положение и остановили его полезную деятельность?» — говорилось в одной из статей этого сборника. Однако его появление мало облегчило положение издателя. Книга не имела спроса, так как состояла, по словам Белинского, из произведений «отставных беллетристов». Попытка дешевой распродажи большой массы скопившихся в складах книг тоже не дала нужного эффекта¹¹⁴. Смирдин был вынужден заложить свои книги сначала за 70 000 руб. архитектору Императорской Академии наук Д. Е. Филиппову, затем под ростовщические проценты бывшему чиновнику министерства финансов М. Д. Ольхину, пажившемуся на «открытии контрабанды», к которому и перешла в собственность значительная часть книг Смирдина в 1842 году¹¹⁵.

В начале 40-х годов Н. Полевой писал брату Ксенофону о трудном положении книгопродавца: «Дела Смирдина не только не улучшаются, но кажется ухудшаются. Ему вышло теперь пособие от государя: велено дать тридцать тысяч рублей серебром на шесть лет займа с залогом. Но чтобы выкупить залог из частных рук, он употребит почти всю сумму и что же из того. Он переложит книги из кладовых Филиппова, Ольхина и Жернакова в казенные кладовые, а дела его останутся прежние... Долгов его счет потерян... Он хочет все заплатить и лучше остаться нищим, нежели бесчестным...»¹¹⁶

Но и в черные свои дни Смирдин не переставал быть деятельным, борясь за свое любимое дело. Одной из инициатив, посредством которой он пытался выйти из затруднений, были организованные им в 1843 и 1844 годах две книжные лотереи¹¹⁷, давшие ему около 150 000 рублей, едва ли не

целиком ушедшие на погашение долгов, в том числе и правительственной субсидии. И хотя поправить свои дела он все же не смог, лотереи имели положительное значение и как действенное средство распространения книги, и как фактор оживления книжной торговли. Бывший приказчик Смирдина, книгопродавец Н. Г. Овсянников, писал, что лотереи принесли «громадную пользу движению книжной торговли и книжному рынку», так как «вербовали новых читателей и покупателей»¹¹⁸.

Дела Смирдина тем временем шли все хуже и хуже. Ему пришлось продать свой дом на Лиговке, лишиться собственной типографии и переплетной. В 1845 году он перестает арендовать дорогое помещение в доме лютеранской церкви и открывает более скромную лавку в доме Энгельгардта у Казанского моста. Она просуществовала лишь около двух лет и закрылась навсегда в 1846 году. Ее изображение воспроизведено на выпущенном Смирдиным сборнике «Вчера и сегодня» (1845), который подготовил В. А. Соллогуб. Тогда же книгопродавец осуществил второе издание «Новоселья» с дополнительным третьим томом. И эти книги не оправдали его надежд. В 1847 году, так и не издав целиком третьего, уже набранного прибавления к своей «Росписи...», Смирдин расстается со своей знаменитой библиотекой, которой активно пользовались многие деятели русской культуры от Крылова и Пушкина¹¹⁹ до Чернышевского¹²⁰. В том же году она перешла к его бывшему приказчику П. И. Крашенинникову.

Долги железным обручем сдавили Смирдина. И все же он с удивительной стойкостью духа продолжал трудиться, надеясь снова стать на ноги. Уплатив самые неотложные долги благодаря доходам от двух лотерей, погасив правительственную ссуду и вынужденно отказавшись от книготорговли, он предпринимает новую крупную издательскую акцию. По примеру француза Жерве Шерпантье в 1846 году Смирдин начинает выпуск большой баснословно дешевой (по рублю за том) серии под названием «Полное собрание сочинений русских авторов»¹²¹, которая должна была состоять более чем из ста томов. Для того чтобы начать эту серию, он испрашивает новую правительственную субсидию (30 000 рублей на 6 лет с залогом) и занимает 25 000 рублей у М. П. Погодина. В письме к нему от 25 июля 1846 года с просьбой о займе книгоиздатель сообщил: «Я теперь предпринял издание всех русских авторов, чтобы сделать их доступными к приобретению всякому... [Предполагаю] каждого автора продавать за том по одному рублю серебром. Начал печатать сочинения

Державина, Ломоносова, Озерова и Фонвизина»¹²². Тогда же, впервые в практике русской книжной торговли, Смирдин организует «Контору издания русских классиков и высылки их иногородним» — далекий прообраз «Книга — почтой».

Серия «Полное собрание сочинений русских авторов» была последним подвижническим делом Смирдина-издателя, его «последней услугой», по словам Кс. Полевого, русской книжности и русскому просвещению. Как удавалось Смирдину на протяжении 10 лет издавать книги этой серии, мы не знаем. Но иначе как подвигом и чудом это не назовешь, ибо у книгоиздателя уже давно не было никаких средств, а долги доходили до 500 000 рублей. С 1846 по 1855 год Смирдин издал свыше 70 томов, более чем 35 русских авторов, в том числе Батюшкова, Богдановича, Веневитинова, Гнедича, Грибоедова, Давыдова, Даля, Дельвига, Державина, Измайлова, Кантемира, Капниста, Карамзина, Княжнина, Козлова, Кострова, Кукольника, Лермонтова, Ломоносова, Марлинского, Озерова, А. Погорельского, В. Л. Пушкина, Растопчина, Тредиаковского, Фонвизина, Хемницера и др. Собрания сочинений некоторых из этих писателей, например Кантемира и Тредиаковского, были подготовлены впервые, и сделал все это Смирдин в основном один. Осуществил он издание только этих 70 томов, и тогда бы имел величайшую заслугу перед русской культурой.

Издание серии русских классиков (семьдесят книг за 70 рублей) имело определенный успех. Белинский писал: «Почтенному нашему книгопродавцу А. Ф. Смирдину... приходило в голову много хороших мыслей к пользе русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли издания в маленьком красивом формате, сжатою (компактною) печатью, полного собрания сочинений русских авторов. ...Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы!»¹²³ Положительно отзывался о новой книжной серии издателя и Достоевский. «Осуществилось, — писал он в 1847 году, — издание русских классиков Смирдина, которое увенчалось полным успехом и будет продолжаться безостановочно»¹²⁴. Однако из долгов Смирдину выбраться все же не удалось.

Хотя вопрос о целенаправленности всей издательской деятельности Смирдина не вполне изучен, уже одна его последняя книжная серия, в которой главное место занимают выдающиеся представители русской литературы, говорит о многом. Если даже только ее одну сравнить с книжной

продукцией других русских издателей 30—50-х годов прошлого века, то и этого достаточно, чтобы представить себе ту огромную роль, которую сыграл Смирдин в развитии русского книжного дела и всей нашей национальной культуры.

Сам Смирдин считал основной целью жизни издание полной и подробной русской библиографии (о ней он продолжал мечтать и в годы своего заката) и сочинений русских писателей. К работе над полной библиографией он хотел приступить еще в 1838 году. В беседе с В. Т. Плаксиным, которому заказал составить план ее повременного издания, Смирдин тогда сказал: «Дотоле я не буду спокоен, пока не издам этой библиографии, дотоле не умру, пока не напечатаю всех русских классиков». Вспоминая о разговоре со Смирдиным, Плаксин замечает: «Надо было видеть его в ту минуту, когда он говорил это; лицо его всегда и постоянно было озабочено, но в это время он был под влиянием какого-то горячего восторга, который трудно было в нем предполагать»¹²⁵. Оба своих заветных желания Смирдин осуществил, к сожалению, лишь отчасти, но и то, что удалось ему, поистине грандиозно. Ни в библиографическом, ни в книгоиздательском отношении он никем в свое время превзойден не был, хотя судьба в последние годы жизни и жестоко была его.

Все еще веря в свою звезду, когда положение его было уже катастрофическим, на исходе 1851 года Смирдин подал министру внутренних дел графу А. Л. Перовскому прошение о разрешении правительством новой (третьей) книжной лотереи. В этом прошении говорилось: «...Действуя на поприще книжной торговли для пользы русской словесности более сорока лет, я в последние 25 лет издал значительное число русских и переводных книг. Ныне, приближаясь к пределу жизни и желая прекратить мою торговлю, а заняться только продолжением издания предпринятого мною *полного собрания сочинений русских авторов*, таковых уже мною изданы сочинения *двадцати пяти писателей*, в сорока томах, всех же готовлюсь издать более ста томов, кроме того употребляю остальное время на составление издания полной русской библиографии всех вышедших в России книг гражданской печати, коих собрано мною более двадцати тысяч званий»¹²⁶.

Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с всепокорнейшею просьбою довершить Ваши мне благодеяния исходатайствованием мне разрешения, дабы в окончание

предпринятых мною в прошедших годах двух книжных лотерей обратить ныне в лотерею оставшиеся у меня остальные книги...

К этой мере понуждают меня приступить не столько мои уже преклонные лета, сколько болезненное мое положение после многолетней борьбы с неудачами, среди которых я заботился сохранить честное имя и поддерживать многочисленное семейство из последних сил, не оставляя трудов для пользы распространения русской словесности, но совершенно оскудев в денежных средствах, необходимых для успешного продолжения издания русских авторов... Всепокорнейше прошу Ваше сиетельство быть великодушным моим представителем...»¹²⁷.

На свое прошение Смирдин получил два отказа. И словно в насмешку, в конце того же 1851 года он и вся его семья были причислены к потомственным почетным гражданам, только денег на получение из геральдии грамоты о почетном гражданстве у книгоиздателя не было¹²⁸. В 1852 году все оставшиеся у Смирдина книги были по требованию кредиторов описаны.

Можно только гадать, как и на какие средства в 50-е годы книгоиздатель все же сумел выпустить около тридцати томов из ставшей его лебединой песнью серии «Полное собрание сочинений русских авторов». Последние из них (два тома произведений И. И. Козлова и один том Сочинений Д. В. Веневитинова и В. Л. Пушкина) вышли в 1855 году. А между тем в эти годы у Смирдина кроме былой славы и доброго имени уже ничего не оставалось.

Непомерно тяжело и трудно было «благородному книжнику» в конце его жизни. Встречавшийся с ним в годы разорения П. В. Анненков воспроизводит в своих воспоминаниях беседу с издателем о том, как обманывал и грабил его Булгарин, и далее пишет: «Когда Смирдин рассказывал этот пассаж, усталые воспаленные глаза его наполнились слезами, голос задрожал: «Я напишу свои записки, я напишу «Записки книгопродавца», — бормотал он»¹²⁹. Этим «запискам», так же как и «полной библиографии», не суждено было появиться.

В октябре 1856 года произошло самое страшное, чего боялся Смирдин, — он был объявлен несостоятельным должником и после этого впал в меланхолию. Жил в нищете. 16(28) сентября 1857 года знаменитого русского издателя не стало. Его похоронили на Волковом кладбище в приделе кладбищенской церкви. Мало кто из бывших знакомых при

существовал на похоронах¹³⁰. Выступивший на погребении актер и драматург П. И. Григорьев завершил свою речь стихами:

Мы славный памятник по Смирдине имеем,
Хоть был он книжником, но не был фарисеем.

И это правда, обманщиком, лжецом и лицемером Смирдин никогда не был. Его любовь к книге — пример чистого и честного служения ей.

Незадолго до своей кончины Смирдин потерял жену. После него осталось семеро нуждавшихся в поддержке детей, три сына и четыре дочери. Один из сыновей, Александр, еще при жизни отца пытался помогать ему и даже начать свое издательское дело. Но оно просуществовало совсем недолго, а сам А. А. Смирдин умер в начале 60-х годов совсем молодым.

Год кончины А. Ф. Смирдина одновременно был и годом пятидесятилетия его деятельности. Петербургские издатели и литераторы намеревались ознаменовать юбилей старейшего русского книжника специальным сборником. Шесть томов его вышли в 1858—1859 годах, однако были уже посвящены не самому юбиляру, а памяти о нем. Они имели длинное название: «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца — издателя Александра Филипповича Смирдина. Издание петербургских книгопродавцев на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника». Первый том «Сборника...» открывался портретом Смирдина и предисловием, в котором говорилось, что имя его «не должно умереть на страницах истории русской литературы». А заканчивалось оно словами: «Вечная память Александру Филипповичу Смирдину». Своим участием в «Сборнике...» память издателя почтили: Н. В. Берг, Ф. Н. Глинка, Г. П. Данилевский, М. П. Погодин, Е. П. Ростопчина, П. И. Григорьев, Н. В. Кольчик, А. Фет, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, В. Г. Бенедиктов и др. В нем помещены также произведения М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, А. Е. Измайлова, которых уже не было в живых.

Предполагали что-то дать для «Сборника...» И. С. Тургенев, И. И. Лажечников, Д. В. Григорович, И. И. Панаев. В организации и финансировании шеститомного памятного сборника участвовало 14 петербургских книгопродавцев, в том числе С. Базунов, М. Вольф, И. Глазунов, П. Крашенинников, Н. Овсянников. Какими были доходы от «Сборника...» и

в какой мере они облегчили жизнь детей Смирдина, мы не знаем. Известно лишь о том, что некоторые из них в 60-е годы жестоко бедствовали¹³¹.

Закончим наш рассказ о выдающемся русском книжнике примечательными словами неизвестного автора в журнале «Библиотека для чтения»: «Смирдин первый оживил у нас литературу благородной оценкой труда, первый не захотел пользоваться обыкновенною беспечностью таланта и первый стал вознаграждать прибылью, получаемой от издания его творений. Все это необыкновенное движение в нашей литературе в течение последних пятнадцати лет было следствием его деятельности, его благородного образа мыслей, его усердия к умственной славе России и того неограниченного доверия, которое умел он своей честностью внушить к себе всему пишущему и читающему классу. Пушкин прекрасно называл его «*Libraire gentilhomme*»¹³².

Вот, собственно, и все основные сведения о жизни и деятельности А. Ф. Смирдина, которые удалось собрать и без которых было бы, как нам кажется, трудно говорить о значении и культурно-исторической ценности его библиотеки, обнаруженной в Чехословакии. А теперь перейдем к рассказу об этой библиотеке и ее судьбе.

* * *

Данных о работе Библиотеки для чтения Смирдина, как таковой (число и социальный облик читателей, характер активного спроса, годовой книгооборот и т. д.), до нас, к сожалению, дошло немного. По одному из экслибрисов (наборному), видимо более позднему¹³³, можно узнать об условиях пользования библиотекой. После заглавного текста «Из Библиотеки для чтения А. Смирдина» и номера (№...) по «Росписи...» на нем сказано: «За год 10 руб. сереб. За полгода 6. За 3 месяца 4. За месяц 2. За чтение книг с журналами 20 руб. сср. Новые книги держать не более двух недель»¹³⁴. Плата за пользование книгами Смирдина была не слишком высокой, если вспомнить, что вышедшее в 1830 году отдельной брошюрой второе издание второй главы «Евгения Онегина» стоило, например, 5 рублей.

Среди читателей библиотеки, как можно думать, были многие участники «смирдинского новоселья»¹³⁵, а также и те, с кем в разное время книгопродавец так или иначе сотрудничал, кого издавал (Н. А. Полевой, В. Т. Нарезный, Ф. Н. Слепушкин, П. В. Анненков, И. И. Панаев, А. И. Га-

лич, А. В. Никитенко¹³⁶, А. С. Яковлев, а также В. И. Даль, И. П. Мятлев, В. А. Соллогуб, П. И. Григорьев, Н. И. Надеждин, В. Г. Бенедиктов и др.). Трудно представить, чтобы лавку и библиотеку Смирдина не посещали Белинский, Лермонтов, Некрасов, Тургенев¹³⁷. Почти наверняка в Библиотеке для чтения на Невском бывал Ф. А. Кони. Могли входить в число ее читателей и А. И. Герцен¹³⁸, и Ф. М. Достоевский, и Д. В. Григорович, и многие другие. Достоверно известно, что книгами из библиотеки Смирдина, когда они уже перешли к Крашенинникову, пользовались Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин¹³⁹. Уже одного этого перечня (а специальные изыскания безусловно могли бы его расширить) достаточно, чтобы представить себе значение и место библиотеки Смирдина в русской духовной жизни своего времени. Так же как и все его книжное дело, она сыграла исключительно важную роль в привлечении внимания читающей России именно к русской книге, в том числе и к изданным самим Смирдиным произведениям Пушкина, Державина, Крылова, Жуковского, Марлинского, Вяземского, Давыдова, Баратынского, Ершова, Слепушкина и др. О составе библиотеки мы уже отчасти говорили. Надо еще только заметить, что, кроме подавляющего большинства русских авторов и многих запрещенных изданий, библиотека включала в себя и переводные книги на русском языке. Помимо произведений Новикова, Радищева, Пнина, ряда декабристов и всех сколько-нибудь заметных писателей-современников, в ней были русские переводы Петрарки, Э. Роттердамского, Горация, Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, Лессинга Шиллера, Гете. Это — если говорить только о художественной литературе.

О количестве книг библиотеки Смирдина позволяет судить ее «Роспись...» (1828). В нее, вместе с двумя прибавлениями (1829, 1832), входило 12 036 названий, в то время как в библиотеке В. А. Плавильщикова в 1820 году их насчитывалось только 7009. Продолживший «Роспись...» Смирдина и издавший еще два прибавления к ней (1852, 1856), с сохранением нумерации и имени бывшего владельца библиотеки, П. И. Крашенинников довел число последовательно пронумерованных названий до 18 364, а с добавлениями — до 18 772 экз.¹⁴⁰ Эта цифра характеризует расширение библиотеки Смирдина за период с 1832 по 1847 год и позднее, когда она уже принадлежала П. И. Крашенинникову. Откликнувшийся на последнее прибавление к «Росписи...» (1856) Чернышевский писал: «В настоящее время

количество книг в библиотеке восходит до восемнадцати тысяч четырехсот названий; если принять в соображение число изданий одной и той же книги, показанных в каталоге под одним номером, и многотомные издания, особенно журналы, то число томов втрое и вчетверо превзойдет цифру названий и представит такое собрание русских книг, которое может уступить в обширности только русскому отделу Публичной библиотеки». Словно бы предвидя судьбу библиотеки Плавильщикова — Смирдина — Крашенинникова, он замечает: «Пользоваться этой библиотекой очень удобно, и она, конечно, всегда будет по своей общедоступности для читателей приносить большую пользу, лишь бы только сохранилась в одних руках и дополнялась старыми и новыми книгами, как это было до сих пор»¹⁴¹.

О том, как функционировала библиотека при Крашенинникове, сведений почти нет. Известно только, что ее история и изначальная принадлежность пропагандировались новым владельцем. В сознании читателей она оставалась знаменитой библиотекой В. А. Плавильщикова и А. Ф. Смирдина. В проспекте, опубликованном П. И. Крашенинниковым в 1859 году, говорится: «Означенная Библиотека есть та самая, которая в 1815 году открыта была В. А. Плавильщиковым и по смерти его перешла в 1823 году к известному книгопродавцу Александру Филипповичу Смирдину... Можно сказать, что Библиотека эта поистине есть единственная не только в Петербурге, но и во всей России, столь обильно снабженная всеми произведениями отечественной литературы... Книги в моей Библиотеке расположены по отделениям смирдинского каталога... В Библиотеке моей более 18 000 названий русских книг и журналов в 60 000 томах. Причем количество книг с каждым днем увеличивается: книги тотчас по выходе в свет поступают в Библиотеку...»¹⁴²

Таким образом, перешедшая в 1847 году к П. И. Крашенинникову библиотека продолжала еще долго существовать именно как смирдинская. Она была закрыта лишь после 1864 года, когда умер П. И. Крашенинников. Затем основная часть оказалась у владельца известной во 2-й половине XIX века библиотеки на Невском проспекте (против памятника Екатерины II) адвоката А. А. Черкесова¹⁴³. Где точно находилось книжное собрание Смирдина с середины 60-х до конца 70-х годов и что с ним в это время происходило, полной ясности нет. О его дальнейшей судьбе узнаем из появившейся в 1879 году заметки «Продажа библиотеки Смирдина», где сказано: «В скором времени предстоит продажа знаме-

нитой Смирдинской библиотеки, составляющей в настоящее время часть библиотеки А. Черкесова и К^о в Петербурге... Библиотека Смирдина будет продаваться по частям»¹⁴⁴. Когда именно началась распродажа, шла ли она по частям, как говорилось в заметке, что именно и кому было продано Черкесовым — об этом тоже мало данных. Следующее документальное свидетельство о смирдинской библиотеке относится к 1886 году, когда журнал «Библиограф» сообщил о ней: «Недавно мы узнали, что известный в России рижский книгопродавец г. Н. Киммель приобрел в свою собственность знаменитую библиотеку и что в ней сохранились почти все более замечательные и редкие произведения старой русской литературы; он намерен в непродолжительном времени напечатать каталог ее с обозначением более современных цен книгам»¹⁴⁵. В этом отрывке из статьи «Смирдинская библиотека», подписанной «Н. Г.» (библиограф Н. В. Губерти), обращают на себя внимание слова: «сохранились почти все более замечательные и редкие произведения...» Из них следует, что какая-то часть смирдинских книг уже, видимо, была продана.

Приобретя книги смирдинской библиотеки, Н. Киммель с 1887 по 1890 год действительно издал 6 специальных выпусков «Антикварного каталога...», заключающих в себе перечень книг из библиотеки А. Смирдина, ставших его собственностью¹⁴⁶. В них те же, в сущности, разделы, что и в «Росписи...» Смирдина: богословие и философия, правоведение, политика и политико-экономические науки, история и география, словесность (ей посвящено два выпуска каталога), военные и морские науки. В общей сложности во всех шести выпусках «Антикварного каталога...» Н. Киммеля обозначено 11 938 названий, в том числе в отделе «словесность» 5510. Предполагалось, что выйдут еще каталоги с описанием остальных книг смирдинской библиотеки по математике и техническим наукам, медицине, философии и педагогике. Но они почему-то не вышли.

Несмотря на то что изданием своих каталогов Н. Киммель преследовал исключительно коммерческие цели, они представляют определенный историко-книговедческий интерес. По ним можно проследить изменение книжных цен (в целом они понизились). Но самое любопытное в них то, что они содержат некоторую информацию о том, какие книги библиотеки Смирдина были наиболее читаемы в свое время. Характеристика книг в каталогах Киммеля нередко сопровождалась такими ремарками об их состоянии: «сильно за-

читано», «сильно подержанный экземпляр», «со следами употребления» и т. д. Из этих пометок мы узнаем, что среди «сильно зачитанных», «сильно читанных» и «сильно подержанных» были книги Богдановича, Державина, Жуковского, Пушкина («Кавказский пленник», «Борис Годунов», «Цыганы»), Ф. Глинки и др. «Сильно зачитанными» оказались также произведения ныне полузабытых и забытых авторов Розена, Загорского, Фомина. Большим спросом пользовались мало кому известные теперь, но в свое время «зачитанные» пьесы «Говорун», «Немецкая башмачница», «Брак по календарю». Описание прижизненного издания стихотворений Козлова сопровождается словами «со следами употребления». Уже отдельные примеры показывают, что книги из библиотеки Смирдина имели спрос и не залеживались на полках, что литературные вкусы читателей были разнообразны.

Одна часть книг Смирдина в результате их распродажи Киммелем, а возможно, и раньше попала в Петербург в Публичную библиотеку, что-то оказалось в Исторической библиотеке в Москве, некоторые же книги стали достоянием книголюбов.

На этом история библиотеки Смирдина долгие годы считалась оконченной, а сама она — безвозвратно исчезнувшей. Так, например, Н. Н. Абалов сорок пять лет назад писал о ней: «А. Ф. Смирдин и его библиотека сохраняют (часто в преданиях) такую широкую известность и популярность, что уже в близкое к нам время (в «Красной газете», вечерний выпуск, 1929, № 250) мы могли бы прочесть такое сообщение, вызванное преданиями о знаменитой библиотеке под заголовком «Найдена библиотека Смирдина»: «Вчера из Риги сообщили об обнаружении в Латвии библиотеки в 12 000 томов, принадлежавшей известному в XIX веке книгоиздателю А. Ф. Смирдину. В библиотеке имеются произведения, лично подаренные Смирдину авторами: Пушкиным, Жуковским, Крыловым, Кольцовым, Баратынским, кн. Вяземским и др.». Это сообщение свидетельствует о широкой популярности и значительном интересе к библиотеке Смирдина...»¹⁴⁷ А дальше Н. Н. Абалов замечает: «Большинство книг, полученных Киммелем, было распродано по частям... Возможно, что какая-то, во всяком случае незначительная, часть осталась на складах Киммеля, а книги с автографами выдающихся писателей и другие примечательные книги — и в шкафах личной библиотеки Киммеля и его последников.

Во всяком случае библиотека Смирдина в целом, как памятник материальный, не дошла до нас, и сообщение «Красной газеты», приведенное нами выше, основано на каком-то недоразумении»¹⁴⁸.

Те же мысли в 1957 году, вслед за Н. Н. Абаловым, спустя 17 лет высказал и Н. П. Смирнов-Сокольский: «В 1929 году в ленинградской «Вечерней Красной газете» промелькнула заметка, сообщающая о нахождении в Латвии библиотеки Смирдина. По-видимому, речь шла о книгах, попавших в личное собрание Киммеля. Дальнейшая судьба их неизвестна. Так закончила свое существование славнейшая библиотека...»¹⁴⁹ К счастью, не закончила. В действительности, к счастью, все оказалось не так. В то время, когда писались эти слова, книжное собрание А. Ф. Смирдина (пусть не полное, но именно собрание, а не отдельные книги) уже более двух десятилетий находилось в Праге. Установить его местонахождение помог случай.

Это произошло в 1965 году. Находясь в Праге и занимаясь в Славянской библиотеке, являющейся теперь частью Государственной библиотеки ЧСР, я как-то заказал книгу, шифр которой начинался буквами «Sm». Ее долго не приносили. В небольшом читальном зале библиотеки на 4-м этаже, под самой крышей было жарко и душно, читателей было мало. Время перевалило за полдень. Я чувствовал себя усталым, хотелось выйти на свежий воздух и отдохнуть. Каково же было мое удивление и возбуждение, когда, получив просимую книгу, я увидел на ней штампель со словами «Библиотека А. Смирдина N...». Усталость сразу прошла. Да и кто бы мог остаться безразличным к судьбе этой библиотеки, к судьбе уникального собрания русских книг, которыми пользовались выдающиеся деятели русской культуры? Не мог не заинтересоваться ею и я. И вот что выяснилось.

Закупив в середине 80-х годов библиотеку А. Ф. Смирдина — П. И. Крашенинникова, рижский книгопродавец Н. Киммель пустил ее в розничную продажу, однако раскуплена она тогда все же не была. Не получила сбыта не только несколько устаревшая литература по технике и естествознанию, но и многие гуманитарные книги, объективная ценность которых с годами не утратилась, а если иметь в виду позднейший библиографический и историко-книговедческий интерес к ним, то и возросла. Так или иначе многие книги библиотеки оказались в конце XIX века у Киммеля нераспроданными. В 1929 году, чтобы освободить складские помещения, владельцы решили продать оставшиеся книги

оптом. Об этом, как видно, и сообщала тогда «Красная газета», причем довольно достоверно¹⁵⁰. К уцелевшей части библиотеки Смирдина проявила интерес незадолго до этого образованная в Чехословакии Славянская библиотека (1924), в задачу которой входило комплектование специальных книжных фондов по истории и культуре славянских народов. В 1932 году Славянская библиотека закупила книги Смирдина и вывезла их из Риги в Прагу.

К сожалению, в 1965 году у меня не было возможности собрать более полные сведения об истории приобретения библиотеки А. Ф. Смирдина и ее современном составе. Поэтому я обратился тогда с просьбой к сотрудникам Славянской библиотеки написать о ней хотя бы небольшую заметку для нашей печати. Эта просьба была выполнена¹⁵¹.

Только в 1975 году мне удалось увидеть все книжное собрание А. Ф. Смирдина, составляющее особый самостоятельный фонд Славянской библиотеки, обозначенный в каталоге буквами «Sm», узнать несколько подробнее о новой жизни этого собрания.

В годовых отчетах Славянской библиотеки начала 1930-х годов не раз упоминается о приобретении библиотеки Смирдина. Так, например, в отчете за 1932 год читаем: «Как уже сообщалось, Славянская библиотека при значительной поддержке Славянского института приобрела публичную библиотеку петербургского книготорговца просветителя А. Ф. Смирдина (1795—1857) и его последователей в том виде, в каком она до наших дней сохранилась. Библиотека эта, состоящая исключительно из русских книг, была известным центром пушкинской генерации русских писателей и любителей литературы. Содержание библиотеки довольно точно отражает духовную атмосферу того времени и является важным источником для изучения истории культуры и языка эпохи»¹⁵².

Весьма существенно для нас сообщение о собрании Смирдина, содержащееся в следующем годовом отчете, составленном после инвентаризации купленных книг: «Эта библиотека является целостным собранием книг времени первого расцвета русской культуры на рубеже XVIII и XIX столетий... В течение времени некоторые экземпляры из библиотеки были утрачены или проданы (рукописи, книги церковнославянские, первые издания классиков, редкие библиографические издания), но и в теперешнем своем состоянии уцелевшая часть библиотеки представляет собой необычайно ценное собрание не только в количественном отношении, за пре-

делами русских границ, но и по своему общему составу, позволяющему представить важный период русской культуры.

О значении библиотеки Смирдина лучше всего свидетельствует то, что ее каталог, изданный в 1828 г. на более чем 800 страницах, вместе с прибавлениями, вышедшими в 1829, 1832, 1852, и 1856 гг., всегда был и остается по сей день одним из основных библиографических справочников по русской литературе предшествующего времени.

Из библиотеки Смирдина в основной состав Славянской библиотеки включено 11 262 единицы и в обменный фонд — 5741 единица дубликатов (в том числе 647 дефектных).

Славянская библиотека будет стремиться восполнить в этом ценном собрании недостающие экземпляры, включая в него книги, уже приобретенные в других местах, а также посредством новых покупок и обмена¹⁵³.

Некоторое представление о состоянии книжного собрания А. Ф. Смирдина, в каком оно было приобретено Славянской библиотекой, дают следующие сопоставительные выборочные данные. Так, например, из 605 названий, относящихся к отделению «История российская» «Росписи...» Смирдина (1828), в Славянскую библиотеку в 1932 году поступило только 140, из 122 номеров отделения «Романы, повести и сказки» — 21, из 82 номеров «Произведений словесности пиитической» — всего 13. Значительно лучше обстояло дело с такими отделениями, как «Медицина» и «Домоводство», где из 650 проверенных номеров сохранилось 468¹⁵⁴.

Начатая еще в 1930-е годы реставрация книжного собрания Смирдина по его «Росписи...» и четырем прибавлениям к ней продолжалась и после второй мировой войны. На книги, включенные в фонд Смирдина взамен утраченных, а также на все другие книги собрания, не имевшие экслибриса Смирдина, ставился специально изготовленный Славянской библиотекой штампель, о котором шла речь выше — «Библиотека А. Смирдина». Так обозначались и книги, указанные в двух последних прибавлениях к «Росписи...» Смирдина (1852, 1856). Однако довести работу по реставрации до конца практически оказалось невозможным. Как мне сообщил бывший директор Славянской библиотеки доктор Йозеф Стрнадел (в письме от 24 июля 1975 года), за истекшие годы состав книжного собрания Смирдина несколько изменился. Теперь фонд «Sm», согласно документам 1975

года, составляет 7809 номеров (шифров), или 12 938 книг среди них 8938 подлинных из библиотеки Смирдина и его продолжателей и 4000 — пополнивших фонд в соответствии с «Росписью...» и четырьмя прибавлениями к ней¹⁵⁵. Книги фонда Смирдина в Славянской библиотеке имеют ту же, что и в «Росписи...», нумерацию и надлежащим образом размещены¹⁵⁶.

Фонд Смирдина занимал 11 двусторонних стеллажей, что составляло примерно 340 погонных метров книжных полок. Сколько-нибудь внимательно осмотреть его, не говоря уже об изучении, за один визит, конечно, невозможно. Меня особенно интересовала собственно художественная литература, прежде всего книги — современницы Пушкина. Из их числа в 1975 году я видел в Праге издания Тредиаковского, Батюшкова, Дмитриева, Державина, Жуковского, Гнедича, Гоголя, Козлова, самого Пушкина. Странное было чувство, когда держал их в руках. Ведь они были свидетелями торжественной встречи выдающихся русских писателей по случаю новоселья Смирдина на Невском проспекте в 1832 году, слышали тост председательствовавшего за обедом Крылова в честь Пушкина и других писателей, голос и смех самого Пушкина, его адресованную Булгарину и Гречу остроту о двух разбойниках...

В октябре 1978 года состоялась еще одна моя встреча с книгами из фонда Смирдина. Я провел около них несколько часов, промелькнувших удивительно быстро. Разумеется, и этого времени было крайне мало для ознакомления с более чем 12 000 книг. Идя от полки к полке, от стеллажа к стеллажу, я лишь выборочно просматривал их. Оказалось, что на ряде экземпляров, принадлежавших Смирдину, с его экслибрисами, есть надписи. Так, например, на книге «О воспитании детей. Господина Локка. Переведено с французского на русский язык. Часть I. Печатано при Императорском московском университете 1760 года» имеется владельческая надпись: «Сия книга Огея Луркина Куплена 1761 год июня 1 дня». На «Политической карте Европы в течении 1805 и первых трех месяцев 1806 года...» можно прочесть — «Василию Никитичу господину Бринкину...», а на титуле «Офицерских упражнений» (1777) — «Из книг Павла Ст. Кушелева». На книге «Нума Пампилий второй царь римский» (СПб., 1788) есть подпись Мельгунова, очевидно, екатерининского деятеля, издателя журнала «Уединенный Пошехонец». Эти и другие надписи показывают, что библиотека Плавильщикова — Смирдина — Крашенинникова формиро-

валась разными путями, в том числе и посредством покупки подержанных книг у частных лиц.

Представляют интерес экслибрисы и надписи на книгах, которыми пополнялась библиотека Смирдина в процессе реставрации. Многие из них, судя по книжным знакам, входили в Измайловскую библиотеку, в Библиотеку для чтения А. А. Ольхиной, в библиотеки М. Д. Ольхина, Н. Г. Овсянникова, А. А. Черкесова. Есть среди пополнивших смирдинский фонд и экземпляры с экслибрисами известных московских книгопродавцев А. С. Ширяева и М. П. Глазунова. Интересны в ряде случаев и владельческие надписи, в частности А. Иванова (возможно, одного из живописцев, отца или сына), жителя Вологды А. М. Платунова, конной гвардии ротмистра Ивана Вишневецкого, дьякона И. М. Протелова, О. Турчанинова, Ивана Воронинова, Павла Литова, Никиты Сербского, Александры Павловой, Молостова, Константина Панченко и т. д. Любопытна надпись на книге «Похождения Аристея и Телазии» (перевод с французского, СПб., 1774): «Ис книг Андрей Михайлова Платунова. Куплена в Вологде дано 90 копеек, подписал своеручно 1873 году августа 1. Проба пера». Бытование книг в прошлом как-то характеризует и надпись на книге Феофана Прокоповича «Четыре сочинения» (М., 1773.): «Отцу Диякону Ивану Матвеевичу Протелову в знак памяти М. Н. Тальянов». «Новороссийский календарь на 1855 год» (Одесса, 1854) отмечен автографом П. Кешпена, известного русского ученого, библиографа, этнографа и слависта. Вторая часть Собрания стихотворений одной из первых русских поэтесс Анны Буиной (СПб., 1821) имеет авторскую дарственную надпись: «Его высокоблагородию Федору Самарину»¹⁵⁷. В заключение выборочного перечня надписей на старых русских книгах, вошедших в фонд «Sm» уже в XX веке, приведем еще одну. Она украшает обложку «Великих и достохвальных деяний российских государей, полководцев, гражданских чиновников и других людей» (СПб., 1803):

Музеум сей для толь великих дел,
Достоин, чтоб великой им владел.

Вторичный, к сожалению, тоже очень непродолжительный просмотр книжного фонда Смирдина показал, что, кроме уже упоминавшихся авторов, он содержит книги Ломоносова, Прокоповича, Княжнина, Хераскова, Веневитинова, Катенина, Марлинского, Слепушкина, Ф. Глинки и других русских известных писателей. Есть в нем и довольно много сочине-

ний русских авторов, ныне уже мало кому известных, таких, как С. С. Бобров, Н. Ф. Грамматин, Н. В. Сушков, Б. М. Федоров, Мария Болотникова, Г. В. Кугушев и т. д. Немало в смирдинском фонде и переводных книг, драматургических произведений. Судя по виду, они активно читались. Сохранившиеся книги, так же как и каталог Киммеля, в какой-то мере дают представление о духовном уровне читателей и различии их интересов. Зачитанными выглядят не только сочинения Державина или Жуковского, но и такие книги, как «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» (М., 1828), «Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы» (М., 1839) и др. Среди периодических русских изданий начала XIX века в фонде Смирдина обратили на себя внимание «Русский вестник» и «Московский альманах на 1829 год», издававшиеся Сергеем Глинкой, «Московский курьер» П. Ю. Львова, «Улей» В. Г. Анастасевича, «Труды Вольного общества любителей российской словесности» и др. Имеются также в смирдинском книжном собрании в Праге исторические сочинения М. Д. Чулкова, Ф. А. Эмина и множество других библиографических редкостей. Запомнилась еще совсем маленькая (всего 24 страницы) в синей мягкой обложке «Карманная книжечка, заключающая в себе: разговор о добре и зле, между двумя лицами Д и З» (СПб., 1827), изданная в типографии А. Смирдина. Автор ее не обозначен, и характеризует она, пожалуй, не столько библиотеку Смирдина, сколько самого издателя, свойственную его просветительскому умонастроению гуманность, пусть порою и религиозно окрашенную. Начинается диалог между добром и злом так:

«Д. Что такое добро?»

З. То, из чего не истекает и не должно истекать зло»

А завершается следующими словами:

«Д. И так, друг мой, ...удалимся от всяких неправд. Пусть суетный свет злословит нас.

З. Впрочем, не худо припомнить и то, что Езоп, за любовь свою к правде, которую не все люди любят, свержен был с горы в море. Это же научает нас — быть скрытными, не всякому без разбору говорить правду, а чаще молчать или говорить с оглядкой и помнить, что *правда глаза колет*».

Читая эти сентенции, я невольно думал о самом Смирдине, простодушном, добром и честном, которому несомненно были близки приведенные мысли и который в конце концов также был свержен с горы благополучия и успеха в море полного разорения, отчаяния и нищеты.

Не стану говорить о волнении, испытанном при соприкосновении с книгами, которые мог держать в своих руках Пушкин. Его не передашь словами. Трудно предвидеть, что может дать тщательное обследование уцелевших книг А. Ф. Смирдина. Но важно, что такая возможность появилась.

* * *

Администрация и все работники Славянской библиотеки в Праге, где сосредоточено крупнейшее в мире (свыше полумиллиона книг) специализированное собрание славистической литературы, хорошо понимают научную и культурно-историческую ценность фонда Смирдина как целостного собрания редких русских книг и бережно сохраняют этот драгоценный памятник русской культуры, считавшийся утраченным. За это мы можем быть только признательны. Когда я видел книги Смирдина в 1978 году, мне говорили, что их предполагается переместить в новое, более благоприятное помещение.

Кроме основного фонда Смирдина, состоящего из 12 938 книг, которыми пользуются читатели, в Славянской библиотеке есть еще довольно значительное число дубликатов, выделенных из фонда. Небольшая часть их (около 200 разрозненных книг по сельскому хозяйству, медицине, экономике, несколько изданий по филологии и истории) летом 1978 года была передана в Словакию. После реставрации они стали экспонатами в одной из мемориальных комнат сестры жены Пушкина А. Н. Фризенгоф (Гончаровой), находящейся рядом с залом, посвященным Пушкину, в ее замке в Бродзянах, где в 1979 году был открыт Литературный музей А. С. Пушкина. Сейчас в Славянской библиотеке насчитывается около 2000 дубликатов, на многих из которых стоят экслибрисы Смирдина. Есть среди них и весьма ценные.

Приятно и радостно сознавать, что библиотека Смирдина, хотя и не на берегах Невы, а Влтавы, продолжает существовать и выполнять свою изначальную функцию. Она живет и активно служит людям. Ею уже не один десяток лет снова пользуются не только читатели-пражане, интересующиеся русской литературой, но и ученые-слависты разных стран в том числе и из Советского Союза. По утрам читальный зал Славянской библиотеки, расположенный неподалеку от Карлова моста, в одном из старинных барочных зданий Клементинума¹⁵⁸, заполняют посетители. Нередко на их требованиях можно увидеть шифр, начинающийся буквами «Sm».

Иногда я думаю о своих первых встречах с книгами Смирдина. Вспоминаю, как не без грусти отрывался от них, как медленно спускался после их осмотра с антресолей по винтовой металлической лестнице, как отмывал затем почерневшие от вековой пыли руки, каким непередаваемым удивительным чувством был переполнен тогда. Ведь это совсем не часто выпадает счастье вот так, почти физически, осязая свою родную историю, непосредственно соприкоснуться с ее материальными памятниками, судьбы которых бывают так превратны. Библиотека Смирдина — прекрасная и светлая страница истории культурной жизни русского народа. Как хорошо, что Н. Н. Абалов и Н. П. Смирнов-Сокольский ошиблись в предположениях, будто она совсем исчезла. И как хорошо, что предания о ее существовании, вопреки всему жившие среди соотечественников, нашли убедительное подтверждение в самой действительности.

В 1983 году у меня состоялась еще одна, третья, встреча с книгами Смирдина. Они уже несколько лет находятся в новом, специально отведенном для них светлом помещении. По данным последней инвентаризации 1979 года, в собрании пестербургского книжника выявлено 7832 названия и насчитывается 13 000 томов. Покинув здание Славянской библиотеки, я остановился во дворе Клементинума и еще раз посмотрел на одно из окон верхнего этажа, за которым остались смирдинские книги, таящие в себе так много ценных сведений о русском прошлом.

Очерк о Смирдине и его книгах был уже написан, когда произошло событие, о котором отрадно сообщить. 6 июня 1984 года, в день 185-летия рождения Пушкина, 95 книг-дубликатов из смирдинского собрания, вышедших до 1837 года, были торжественно переданы нашими чешскими друзьями в дар Государственному музею А. С. Пушкина в Москве. В поступившей коллекции — книги, написанные знакомыми Пушкина, а отчасти и Смирдина (М. Я. Мудровым, М. П. Погодиным, А. И. Галичем, Ф. Н. Глинкой и А. П. Нащокиным). Есть в ней и такая большая редкость, как изданный А. А. Дельвигом и О. М. Сомовым альманах «Подснежник» (1829), где впервые появились стихи Пушкина «Приметы» («Я ехал к вам. Живые сны...») и «Литературное известие».

Советская общественность высоко оценила дружеский акт со стороны Государственной библиотеки ЧСР и Славянской библиотеки. Возвращение части смирдинских книг пушкинского времени домой получило широкое освещение в пе-

части¹⁵⁹. Газета «Советская культура» писала: «Пройдет время, и эти книги займут достойное место в экспозиции музея, справят свое второе новоселье на родине»¹⁶⁰. В сущности, оно уже состоялось, это новоселье, только на сей раз в Москве, где родились Пушкин и Смирдин. Лучшего места для подаренных смирдинских книг, пожалуй, и не найти.

Тродзянские
реликвии

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

ста сорока километрах к северо-востоку от Братиславы, в живописной долине реки Нитры близ города Партизанске, среди невысоких лесистых холмов, расположено небольшое селение Бродзяны, где когда-то жила сестра жены Пушкина Александра Николаевна Фризенгоф (Гончарова). Название этого селения известно чехословацким и советским читателям по ряду появившихся в последние десятилетия в Чехословакии и СССР журнальных и газетных статей о найденных в Словакии пушкинских материалах, принадлежавших свояченице поэта, а также по книге Н. Раевского «Если заговорят портреты»¹. После окончания второй мировой войны Бродзянский замок, где в свое время находилось много привезенных из России или же связанных с ней вещей (рисованных портретов, альбомов с семейными фотографиями, акварелей, гравюр, книг, писем и т. д.), в том числе и относящихся к Пушкину, долго нустовал. Сейчас он реставрирован и в нем размещается Литературный музей А. С. Пушкина, открытый в 1979 году, когда отмечалось 180-летие со дня рождения поэта. Неподалеку от обновленного замка, в парке, под сенью вековых деревьев, установлен его погрудный памятник (скульптор Ладислав Снопек, архитектор Мартин Кусы). Он высечен из монолитного белого камня, привезенного из Югославии, на пьедестале только одно слово «А. Пушкин» — автограф поэта.

История знает немало случаев, когда не обозначенные ни на одной карте мира мало кому знакомые небольшие деревушки и селения, с которыми так или иначе была связана жизнь и деятельность выдающихся представителей культуры, впоследствии получали широчайшую известность. Таковы Михайловское, Тарханы, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Пенаты и др. И это легко понять: тени великих, их дела и наследие неодолимо влекут к себе потомков, тревожат их память, будоражат воображение, дают пищу для размышлений о прошлом и настоящем и тем самым обогащают нашу духовную жизнь.

Но бывает и так, что внимание культурной общественности вдруг неожиданно начинают привлекать места, непосредственно не связанные с тем или иным писателем, худож-

ником, музыкантом или ученым, а лишь как бы озаренные далеким светом жизни тех, кто нам дорог, о ком с благоговением и благодарностью вспоминаем. Один из примеров такого внимания — селение Маркучай близ Вильнюса, где в доме, в котором когда-то жил младший сын Пушкина — Григорий Александрович, открыт литературный музей А. С. Пушкина. И хотя сам поэт никогда в Вильно не был, теперь жители Литвы оказались сопричастны с теми, кто бережно хранит память о нем, черпая радость и животворные мысли в кристально чистом роднике его поэзии.

Нечто подобное можно усмотреть и в теперешней судьбе Бродзян, где расположен замок, купленный в 40-х годах прошлого века австрийским дипломатом бароном Густавом Фризенгофом на имя первой его жены Наталии Ивановны (урожденной Ивановой) — действительной или названной кузины, а может быть, и тети сестер Гончаровых, младшая из которых была замужем за Пушкиным. Позже, начиная с 1852 года, в том же замке долгое время жила родная сестра Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской (в девичестве Гончаровой) — Александра Николаевна Гончарова, ставшая второй женой овдовевшего Густава Фризенгофа. В разные годы к ней приезжали в Бродзяны братья, Наталия Николаевна, дети поэта и, как есть основания полагать, многие русские знакомые, в том числе и близко знавшие Пушкина.

Вот так в силу сложившихся обстоятельств Бродзянский замок стал местом сосредоточения русских культурно-исторических ценностей, накоплению которых способствовали и Наталия Ивановна Фризенгоф (Иванова) и Александра Николаевна Фризенгоф (Гончарова), последняя, конечно, в большей степени, так как она много лет, в сущности, была членом семьи Пушкина и прожила долгую жизнь. Так и протянулась ниточка от Бродзян к Пушкину, которого в Словакии и Чехии знали и любили еще при его жизни. В наши дни Бродзяны — насчитывающее около тысячи жителей селение, приписанное к г. Партизанске, хотя и находится от него в нескольких километрах. Свою родословную оно ведет от XI века, первые письменные известия о нем относятся к 1293 году. Испокон веков здешние жители занимались сельским хозяйством. И сейчас в Бродзянах находится сельскохозяйственный кооператив, основанный после 1945 года. В годы второй мировой войны многие жители Бродзян оказывали сопротивление нацистам, 41 человек стал участником Словацкого национального восстания. В 1942 году на башне лет-

него замка (Вавилон), построенного на прилежащем к Бродзянам холме дочерью Александры Николаевны, местными партизанами было водружено красное знамя.

Большая известность и популярность, которую получили Бродзяны после 1945 года, связана с обнаруженными там пушкинскими материалами. Интерес к ним в Чехии и Словакии, где творчество русского поэта всегда было и остается необычайно популярным, велик. Нет необходимости говорить, как взволновали советских людей сообщения о находящихся в Словакии пушкинских реликвиях. Показателем огромного интереса к Бродзянскому архиву являются десятки посвященных ему статей, появившихся в послевоенные годы не только в Чехословакии и СССР, но и в других странах. Об этом архиве и обо всем, связанном с ним, и пойдет далее речь. При этом по возможности постараюсь отметить некоторые ошибки и неточности, а также малоаргументированные предположения, встречающиеся в разного рода работах о Бродзянах, опираясь на объективные данные истории и современной науки, на результаты разысканий бродзянских реликвий, в которых много лет принимал участие.

А теперь, после небольшого вступления, перейдем к рассказу о том, что предшествовало созданию Литературного музея А. С. Пушкина в Бродзянском замке, бегло перелистаем связанные с ним страницы истории, познакомимся с судьбой хранившихся в нем культурно-исторических ценностей, подведем некоторые итоги их поискам и попытаемся дать общую характеристику тому, что уцелело и найдено, остановимся на значении дошедших до нас бродзянских материалов, главным образом иконографических.

А. Н. ФРИЗЕНГОФ (ГОНЧАРОВА) И БРОДЗЯНЫ

Большая часть сохранившихся бродзянских материалов связана с именем и жизнью Александры Николаевны Фризенгоф (Гончаровой). Эта женщина явилась многолетней хранительницей не только того, что сама вывезла из России и получала позже от русских знакомых, но и русской части архива своей родственницы, первой жены Г. Фризенгофа — Наталии Ивановны Ивановой, приемной дочери тетки сестер Гончаровых, Софьи Ивановны Загряжской, мужем которой был французско-русский писатель, художник и ученый Ксавье де Местр. Поэтому именно с нее, как главной обитательницы Бродзянского замка, мы и начнем разбираться в тех хитросплетениях человеческих судеб, которые объективно

привели к тому, что Бродзяны стали одним из своеобразных центров художественной и культурной жизни в Нитранском крае и местом, где скопилось значительное количество культурно-исторических ценностей, вызывающих столь сильный и непреходящий интерес.

Нельзя сказать, что в России совсем забыли об Александре Гончаровой после ее замужества и отъезда за границу, что ничего не знали о ее дальнейшей жизни. В издававшемся П. И. Бартеневым «Русском архиве» (за 1908 г.) имеется, например, заметка, где говорится об Александре Николаевне Фризенгоф и ее дочери Наталии Густавовне, вышедшей замуж за герцога Ольденбургского². Однако все же случилось так, что никто из русских и словацких пушкинистов долгое время не предполагал, что у Александры Николаевны могут быть относящиеся к Пушкину и его семье материалы и никто не искал их там. А между тем, как теперь выяснилось, они были у свояченицы поэта и находились в Бродзянском замке.

Но прежде чем говорить о них, вспомним о самой Александре Николаевне. Родилась она в русской дворянской семье, родоначальником которой был богатый калужский купец Афанасий Абрамович Гончаров (1699—1784). Владелец полотняного завода и лучшей в России бумажной фабрики, поставщик парусного полотна для флота Петра I, он вел большую торговлю с Англией. Есть известия, что А. А. Гончаров состоял в «близком родстве» с предком Пушкина — А. П. Ганибалом, который, возможно, содействовал покровительству «промышленным предприятиям своего родственника»³ со стороны Петра I. При Елизавете А. А. Гончаров в 1742 году получил чин коллежского асессора и личное дворянство. Потомки основателя завода уже служили. Старший сын Николай был секунд-майором, а его внуку, секунд-майору и надворному советнику Афанасию Николаевичу Гончарову (1760—1832), деду Александры Николаевны, Екатериной II в 1789 году было даровано потомственное дворянство⁴. О баснословном богатстве и роскоши, в которой жили дед и отец Александры Николаевны в последние годы царствования Екатерины II и при Павле I, рассказывает в своих «Воспоминаниях» известный русский дипломат А. П. Бутенев, живший тогда в семье Гончаровых. Кроме Полотняного завода в те годы Гончаровы владели еще целым рядом поместий (села Спасское, Доманово, Денисово и др.). Была у Гончаровых близ Полотняного завода роща с оленями, держались на цепи отловленные для охоты лисы и волки. Гончаровские выезды на сопровождаю-

щуюся увеселениями и пирами охоту длились неделями. Летом семья жила в Полотняном заводе или других имениях, а зимой в Москве, в прекрасном собственном доме на бойкой улице неподалеку от Андрониковского монастыря⁵.

О характере жизни семьи Гончаровых, состоявшей из трех человек — хозяина, его жены и сына (будущего отца Александры Николаевны), вместе с которым Бутенев получал домашнее образование, свидетельствует уже то, что, помимо бесчисленной прислуги обоих полов, в их доме находились три гувернера (в том числе два иностранных), «немец — доктор», «венгерец — капельмейстер», заведовавший 30—40 музыкантами, игравшими на духовых и струнных инструментах, часть из них составляла особый оркестр охотничьей роговой музыки, в котором каждый играл только одну ноту. Кроме того, держались еще верховые в особых мундирах для охоты, множество экипажей с соответствующим числом людей и лошадей. Дом и стол были почти ежедневно открыты для многочисленных соседей. Любопытно, что в Полотняном заводе у Гончаровых жила одно время опальная при Павле I Е. Р. Дашкова⁶.

Отец Александрины, или Ази, как называли ее близкие, Николай Афанасьевич Гончаров (1787—1861) был одарен и прекрасно образован. Он сочинял стихи и в отличие от многих хорошо писал по-русски. Одним из учителей юного Н. А. Гончарова, как вспоминает А. П. Бутенев, был брат деятеля Французской революции конца XVIII века Марата — Д. И. Будри, назвавший себя так в России по наименованию родного города в Швейцарии. Позже Д. И. Будри стал профессором Царскосельского лицея. Кроме специальных предметов, Н. А. Гончаров и его товарищи (А. П. Бутенев, И. Н. Скокарев) обучались музыке, рисованию, танцам и верховой езде. «Что касается изящных искусств, — пишет Бутенев, — то один только из нас, молодой Гончаров, сделался отличным скрипачом...» Далее, говоря о жизни зимой в Москве, он замечает: «Раз в неделю у нас были квартеты, которые исполнялись лучшими музыкантами в Москве, для поощрения рано развивавшегося и замечательного дарования к музыке в молодом Николае Афанасьевиче Гончарове»⁷. Любовь к музыке будущий тесть Пушкина пронес через всю жизнь, продолжая и в преклонные годы, уже больным, играть на виолончели. В начале царствования Александра I Н. А. Гончаров был определен в пажи, а в 1804 году зачислен на службу в Коллегию иностранных дел. Талантливый, музыкальный, знавший несколько иностранных языков, красивый и пре-

успевающий, он вращался в великосветском обществе Петербурга. В 1807 году Н. А. Гончаров женился на славившейся своей красотой фрейлине Наталии Ивановне Загряжской (1785—1848) и затем вскоре, в 1808 году, переехал в Москву, где служил в штабе военного губернатора, а затем в московском отделении сената.

Мать будущей владелицы Бродзян Наталия Ивановна Гончарова (урожденная Загряжская) принадлежала к старинному дворянскому роду. Ее отец, гвардейский офицер И. А. Загряжский, имея жену и троих детей, оказавшись в Дерпте, влюбился в юную баронессу Поссе (Липгардт) и, нарушив закон, вторично обвенчался с нею. От этого брака и появилась на свет Наталия Ивановна, которую первая жена Загряжского после смерти второй избранницы мужа (1791) удочерила и воспитала, ничем не отличая от своих детей.

Александра, средняя дочь Гончаровых, родилась 27 июня 1811 года под Петербургом (мыс Борятинский). Ее старшая сестра Екатерина (1809—1843), впоследствии жена убийцы Пушкина Ж. Дантеса-Геккерна, появилась на два года раньше, а младшая Наталия (1812—1863), которой было суждено стать женой поэта и матерью четверых его детей, родилась год спустя в поместье Загряжских Кариан Тамбовской губернии, куда Н. А. Гончаров, состоявший тогда при калужском гражданском губернаторе, отправил свою семью в связи с войной 1812 года. В 1818 году родилась еще одна сестра Софья, но вскоре умерла. Кроме сестер, у Александры Гончаровой было три брата: Дмитрий (1808—1860) — чиновник министерства иностранных дел (ему довелось разбирать вещи погибшего в Персии Грибоедова), вышел в отставку в 1835 году надворным советником, Иван (1810—1881) — сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку, ушел в отставку ротмистром в 1840 году, позже вернулся на службу, за участие в Крымской кампании в 1854 году получил полковника, впоследствии стал генерал-майором, был предводителем дворянства Волоколамского уезда, и Сергей (1815—1865) — служил в кавалерии, вышел в отставку поручиком и поселился в Москве, в доме Гончаровых на Никитской улице, был заседателем Московского совестного суда, а затем старшиною Московского городского суда. Все братья и сестры Гончаровы хорошо знали Пушкина, жили в его доме в 30-е годы. Из братьев это прежде всего Сергей, к которому особенно были расположены Наталия Николаевна и сам поэт, писавший жене, что «очень рад ему», что «он очень мил». В свою очередь, С. Н. Гончаров также хорошо отзывал-

ся о Пушкине, «говорил, что у Александра Сергеевича был самый счастливый характер для семейной жизни, ни взысканий, ни капризов»⁸. Бывал у Пушкина также и Иван. Это о нем заботился поэт, прося разрешения в одном из своих писем к Е. М. Хитрово (конец [31] января 1832 года) представить своего шурина на балу у Фикельмонов. В ноябре 1836 года И. Н. Гончаров, вместе с Е. И. Загряжской и В. А. Жуковским, принимал участие в улаживании конфликта А. С. Пушкина с Дантесом.

Детство и юность сестер и братьев Гончаровых прошло в Москве, в имении деда Полотняном заводе (Калужская губерния) и имении матери Яропольце близ г. Волоколамска. Взаимоотношения родителей между собой, с одной стороны, и деда А. Н. Гончарова с ними, с другой, были сложными. Промотав огромное состояние⁹ и разойдясь с женой (урожденной Н. М. Мусиной-Пушкиной), Афанасий Николаевич завел любовницу-француженку, отстранив сына от управления Полотняным заводом, которое тот успешно осуществлял с 1808 по 1812 год, когда отец был за границей. Вероятно, это и явилось причиной развития душевной болезни у Николая Афанасьевича Гончарова, признаки которой явно обнаружились в 1814 году после падения с лошади. Все заботы по семье пали на мать Гончаровых Наталию Ивановну, женщину властную, неуравновешенную и раздражительную. С годами она становилась все более деспотичной, была сурова с дочерьми, и те боялись ее, а когда подросли, сторонились и недолюбливали. Поведение матери и вся домашняя обстановка наложили свой отпечаток на детские годы сестер Гончаровых. При всем этом они получили совсем неплохое для своего времени домашнее образование, во всяком случае не хуже, чем в других русских дворянских семьях. Их учили истории, географии, литературе, мифологии, закону божьему, а также танцам и музыке. Особое внимание придавалось языкам, кроме русского они изучали английский, немецкий и французский. Известно, что Александра Николаевна владела немецким и особенно распространенным в России французским. Большинство уцелевших ее писем написаны на французском, очевидно, он и стал позже основным языком семейного общения в Бродзянах.

В феврале 1831 года самая младшая и самая красивая из сестер Гончаровых Наталия Николаевна вышла замуж за А. С. Пушкина. Через несколько дней после венчания (24 февраля) поэт писал Плетневу: «Я женат — и счастлив. Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось —

лучшего не дождусь»¹⁰. До мая месяца Пушкины жили в Москве на Арбате, затем пересхали в Петербург. В 1834 году Н. Н. Пушкина, стремившаяся помочь своим незамужним сестрам устроить личную жизнь, пригласила их к себе. С этого времени Екатерина и Александра Гончаровы жили в Петербурге в семье поэта до самой его трагической кончины.

По свидетельству современников, Александра была поклонницей поэзии Пушкина, знала наизусть стихотворения будущего зятя и была влюблена в него заочно¹¹. Став в Петербурге членом семьи Пушкина, принимала участие в ее делах, уделяла внимание воспитанию племянниц и племянников. Александра пользовалась расположением и доверием поэта, ее имя встречается в его письмах, а зарисовки профиля — в рукописях. Она хорошо знала многих людей из окружения Пушкина (Вяземских, Карамзиных, Мещерских, Россет, Жуковского, Даля, Плетнева, Данзаса и др.). Вращаясь в высшем петербургском свете в 30-е годы, встречалась с Е. М. Хитрово и ее дочерьми, В. А. Соллогуб вспоминает об одном из раутов у гр. Фикельмона (16 ноября 1836 года), на котором «по случаю смерти Карла X все были в глубоком трауре, — одни Гончаровы приехали в белых платьях»¹². Младшая из внучек Кутузова, Д. Ф. Фикельмон, впоследствии так же, как и А. Н. Фризенгоф, жила в Австрии, но там они уже, судя по всему, не виделись.

В отличие от Наталии Николаевны, во многом унаследовавшей мягкость, доброту и душевное тепло отца, Александра была более решительной, волевой и даже суровой, в чем скорее походила на мать. Трудная в общении, она не отличалась уравновешенностью. Вспыльчивая, остроумная, ироничная и нередко язвительная, Александра временами после бурного веселья и смеха становилась мрачной и молчаливой. О внешности средней из Гончаровых сохранились весьма разные суждения. О. С. Павлицева, сестра Пушкина, считала, что свояченица ее брата красива, хотя и уступает его жене, А. И. Кирпичников вспоминал, что Александра «была известна в обществе под названием бледного ангела». А. В. Трубецкой же писал, что она «была очень некрасива», а ее племянница А. П. Арапова, дочь Н. Н. Пушкиной-Ланской от второго брака, видела в чертах тетки карикатуру на внешность своей матери. Добавим к сказанному еще одно мнение, принадлежавшее Ксавье де Местру и, пожалуй, наиболее объективное: «Вдова знаменитого поэта, — писал он в 1839 году, — очень красивая женщина, а сестра ее, хотя и не так одарена природою, однако тоже весьма хороша»¹³. В Бродзянском

архиве сохранилось множество портретов А. Н. Фризенгоф разных лет, которые позволяют проверить приведенные высказывания.

Но вернемся к петербургскому периоду жизни Александры. В число ее тогдашних увлечений входили книги музыка (игра на фортепьяно), верховая езда (она была прекрасной наездницей), танцы и светские забавы. Любовь к книгам и музыке была чем-то постоянным и серьезным¹⁴, а все остальное, видимо, больше связано с желанием найти жениха, устроить личную жизнь. Однако надежда на скорое замужество не сбылась. Правда, еще в 1831 году к Александре Николаевне при посредничестве Пушкина сватался калужский помещик А. Ю. Поливанов, брат декабриста И. Ю. Поливанова, но браку помешала мать Гончаровых, не пожелавшая даже принять его. Мысли о неустроенности Александры и Екатерины, на которой Наталия Ивановна хотела женить Жуковского, занимали Пушкина. 1 мая 1834 года, еще до переезда сестер в Петербург, он писал жене: «Теперь из богатых женихов остался один Новомлинский... Кого-то выберет он, Александру ли Николаевну или Кат. Ник. (Екатерину Николаевну.— *Л. К.*). Как думаешь?» В письме к ней же от 21 июня 1834 года читаем: «Ты пишешь мис, что думаешь выдать Кат. Ник. (Екатерину Николаевну.— *Л. К.*) за Хлюст. (Хлюстина.— *Л. К.*), а Алекс. Ник. (Александрю Николаевну.— *Л. К.*) за Урби: ничему не бывать, оба влюбятся в тебя, ты мешаешь сестрам...» И еще один отрывок из письма к жене из Тригорского от 25 сентября уже 1835 года: «Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтобы без моего благословения не шли». В Петербурге Александра увлеклась братом приятельницы Пушкина А. О. Россет (Смирновой) офицером Аркадием Осиповичем Россетом, который отвечал ей взаимностью. Но и этот брак не состоялся, так как А. Н. Гончарова была бесприданницей, а А. О. Россет не располагал нужными для семьи средствами¹⁵. Несомненно, и это как-то сказалось на становлении характера А. Н. Гончаровой.

К концу 1836 года тучи над семьей Пушкина сгустились, оставалось совсем немного дней до трагической развязки. Не станем останавливаться на событиях, предшествовавших гибели поэта. Они известны. Заметим лишь, что в роковом конфликте Пушкина с Дантесом Александра Николаевна, преданно любившая Наталию Николаевну, оказалась в основном на стороне ее мужа. Такому утверждению не противоречит то, что она присутствовала на свадьбе сестры Екатерины с Дантесом-Геккерном 10 января 1837 года и затем

иногда встречалась с нею, видела ее после кончины Пушкина перед отъездом во Францию, где она через несколько лет умерла. В письме от 22—24 января 1837 года, т. е. за три дня до дуэли Пушкина, Александра Николаевна писала брату Дмитрию о старшей сестре: «Жизнь молодоженов идет своим чередом, Катя (Екатерина Николаевна. — Л. К.) у нас не бывает; она видится с Ташей (Наталией Николаевной. — Л. К.) у тетушки и в свете. Что касается меня, то я иногда хожу к ней, я даже один раз там обедала, но признаюсь тебе откровенно, что я бываю там не без довольно тягостного чувства. Прежде всего я знаю, что это неприятно тому дому, где я живу, а во вторых мои отношения с дядей и племянником (Геккерны. — Л. К.) не из близких; с обеих сторон смотрят друг на друга довольно косо, и это не очень-то побуждает меня часто ходить туда»¹⁶.

Еще одним свидетельством дружеских и доверительных отношений между Александрой Николаевной и Пушкиным, испытывавшим большие материальные затруднения, можно считать то, что она позволила поэту заложить все свое личное серебро. Только в 1839 году ввиду «невозможности возвратить взятые у нее покойным А. С. Пушкиным вещи» А. Н. Гончаровой была выплачена Опекой лишь частичная их стоимость — 3460 рублей ассигнациями¹⁷.

26 января 1837 года Пушкин послал приемному отцу Жоржа Дантеса — голландскому посланнику Л. Геккерну письмо, фактически означавшее вызов на дуэль. Вместо него, как это и предполагал Пушкин, вызов принял Дантес. Александра Николаевна была единственной из родственников, кому поэт сообщил об этом своем письме. Когда на другой день к вечеру после дуэли смертельно раненного Пушкина привезли домой, она неотлучно находилась рядом с убитой горем Наталией Николаевной, дежурила у дверей кабинета, в котором лежал поэт, вскакивала от испуга, слыша его стоны. Умиравший Пушкин просил княгиню В. Ф. Вяземскую передать после его смерти свояченице натальный крест с цепочкой. П. И. Бартенев, который слышал об этом от самой Вяземской, писал: «Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что возбудило в княгине подозрение»¹⁸. Насколько точно передан Бартеневым рассказ Вяземской и какова причина смущения Александры Николаевны, если оно было, мы не знаем. 28 января утром, когда Пушкину стало немного лучше, он простился с женой, свояченицей, детьми и друзьями¹⁹. Больше его Александра Нико-

лаевна живым не видела. Неотрывно находившийся при умирающем Пушкине А. И. Тургенев записал: «1 час (29-го) Пушкин слабее и слабее... Жена подле него, он беспрестанно берет ее за руку. Александра — плачет, но еще на ногах Жена — сила любви даст ей веру — когда уже нет надежды! Она повторяет ему: Tu vivras!»²⁰ 29 января днем, в 2 часа 45 минут Пушкин скончался. «Солнце нашей поэзии закатилось!» — эти слова В. Ф. Одоевского появились тогда в одной из газет, вызвав недовольство властей. А Ф. И. Тютчев писал в те печальные дни о поэте:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Через две недели после отправки гроба с телом Пушкина в Псковскую губернию, 16 февраля 1837 года, Наталия Николаевна Пушкина с сестрой Александрой и детьми выехала к старшему брату в имение Полотняный завод, где прожила в соответствии с предсмертным пожеланием Пушкина почти два года. Навестивший в 1837 году в Полотняном заводе внуков и сноху отец Пушкина Сергей Львович нашел, что сестра ее более, чем она, огорчена потерей ее мужа²¹. Но такое впечатление могло быть и субъективным, люди по-разному переносят горе.

Таковы некоторые сведения о А. Н. Гончаровой, без них, как нам кажется, было бы трудно говорить о ее последующей жизни, большая часть которой прошла в Бродзянах, и рассказать о значении Бродзянского архива.

Поздней осенью 1838 года вдова Пушкина с детьми и Александрой Николаевной возвратились в Петербург. Некоторое время спустя сестры начали появляться в свете, с января 1839 года Александра Николаевна по протекции тетки Екатерины Ивановны Загряжской становится фрейлиной, хотя постоянной придворной службы и не несет. Именно в это время в жизни Александры Гончаровой происходит событие, которое двенадцать лет спустя приведет ее в Бродзяны. В июле 1839 года она и Н. Н. Пушкина знакомятся и близко сходятся с Густавом Фризенгофом, его женой — своей кузиной Наталией Ивановой, и фактически ее приемными родителями — Ксавье (Ксаверием Ксавериевичем) де Местром и Софьей Ивановной де Местр (урожденной Загряжской), родной теткой сестер и братьев Гончаровых.

Кто они, эти новые знакомые и родственники Александры Николаевны и вдовы поэта? Начнем со старшего поколения

Граф Ксавье де Местр (1763—1852), французский аристократ, брат многолетнего (с 1803 по 1817) сардинского посланника в России, религиозного философа Жозефа де Местра. О Ксавье де Местре, как и о его брате, сохранилось немало мемуарных, эпистолярных и содержащихся в научной литературе разного рода сведений, к сожалению, нередко противоречивых. По ним тем не менее все же можно как-то реконструировать основные моменты биографии Ксавье де Местра. Он родился в Савойе, в г. Шамбери в семье президента местного сената. Избрав военное поприще и став офицером, провел свою молодость в гарнизоне одного из пьемонтских городов. После Французской революции 1789 года и перехода Пьемонта в руки французов братья де Местры покинули родину. Вместе с другими французскими эмигрантами в 1798 году, а возможно, и раньше, Ксавье де Местр оказался в России, где в чине капитана поступил на военную службу и в 1800 году принял участие в знаменитом итальянском походе Суворова, которого знал лично²². Когда на вернувшегося из похода Суворова обрушилась новая опала Павла I капитан Ксавье, как он сам себя называл, не отвернулся от своего начальника и в результате, оказавшись не у дел, попал в бедственное положение. С 1802 по 1805 год Ксавье де Местр находился в отставке и жил в Москве, зарабатывая на жизнь исполнением портретов-миниатюр. Широко известен относящийся к тому времени единственный достоверный портрет матери Пушкина — Надежды Осиповны, созданный де Местром. По свидетельству сестры Пушкина О. С. Павлицевой, будучи в Москве, де Местр «почти ежедневно» бывал в доме Пушкиных и часто читал у них «свои стихотворения»²³. Племянник поэта Л. Н. Павлицев пишет в своих воспоминаниях, что его мать Ольга Сергеевна с успехом обучалась у Ксавье де Местра портретной акварельной живописи²⁴. Если все это верно, то он просто не мог не встречаться тогда с маленьким Пушкиным. Бывал де Местр и в доме Вяземских, где написал детский портрет будущего поэта вместе с двумя его сестрами²⁵. О московской жизни де Местра, когда ему приходилось содержать и себя, и состоящую из семи человек семью сестры, напоминают еще дошедшие до нас портреты членов семьи Одоевских, а также, возможно, и одной из Шаховских. К самым ранним миниатюрам де Местра, связанным с Россией, относится портрет Суворова (1800), на котором полководец изображен без парика, в рубашке. Этот портрет неоднократно гравировался и сыграл свою роль в развитии суворовской иконографии²⁶.

В 1805 году, по протекции брата, Ксавье де Местр вернулся на военную службу и уехал в Петербург, где был директором Морского музея и библиотекарем Адмиралтейства. Во время войны с Персией в 1810 году де Местр находился на Кавказе и был ранен в битве под Ахалцыхом. В дальнейшем он как русский офицер принимал участие в Отечественной войне 1812 года, служа при главном штабе, а в 1815 году вместе с русскими войсками вступил в Париж.

В 1813 году уже немолодой Ксавье де Местр сделал блестящую партию, женившись на состоятельной тридцатипятилетней фрейлине Софье Ивановне Загряжской (1778—1851), сестре Н. И. Гончаровой, будущей тещи Пушкина. О С. И. Загряжской мало что известно. По отзыву встречавшегося с нею французского критика и поэта Ш. О. Сент-Бёва, «это была прелестная женщина, поражающая своей красотой и симпатичностью». В одном из писем И. Н. Гончарова (12 ноября 1839 года) есть строки о вечерах в гостиной тетушки Местр, которая старается делать все возможное, чтобы они были оживленными. О том, что С. И. Загряжская была хлебосольной и очень приветливой хозяйкой, что однажды графиня читала собравшимся гостям повесть французского писателя Ксавье Мармье, что она ездила в театр, упоминается в обращениях к Я. К. Гроту письмах П. А. Плетнева, который в 40-е годы часто бывал у де Местров в Петербурге.

В 1817 году, когда открылась связь Жозефа де Местра с иезуитами и он был вынужден покинуть Россию, Ксавье де Местр, дослужившийся до генерал-майора, окончательно вышел в отставку. С этого времени до 1825 года он жил с семьей в Петербурге, поддерживая знакомства со многими представителями светского общества, в том числе и из пушкинского окружения. К ним относились В. А. Жуковский, княгиня Зинаида Волконская (урожденная княжна Белосельская-Белозерская), семья барона А. С. Строганова, на ходившаяся в родстве с С. И. Загряжской, и др.²⁷.

На правах члена семьи Ксавье и Софии Ивановны де Местров с ними жила Наталия Ивановна Иванова, их воспитанница, а по существу приемная дочь²⁸. Дату ее рождения (7 августа 1801 года) до нас донесла сохранившаяся на ее могиле в Александро-Невской лавре эпитафия. О ее происхождении существует ряд предположений. До последнего времени склонялись к тому, что она была внебрачной дочерью де Местра²⁹. Однако некоторые данные позволяют все же думать, что отцом Наталии Ивановны, носившей до замужест-

ва фамилию Ивановой³⁰, мог быть Александр Иванович Загряжский, владелец тамбовского имения Карпан, неженатый брат Софии Ивановны, от которого она в год своего замужества получила крупное наследство. Показательно, что своих воспитателей Наталия Ивановна называла «дядя» и «тетя». Де Местры были очень привязаны к ней, своих четверых детей они потеряли в их раннем возрасте (двух — дочь Александру и сына Андрея — в России до 1825 года и двух — имена неизвестны — позже в Италии). В то же время пока, вероятно, нельзя безоговорочно отвергать и имеющиеся в литературе сообщения о том, что отцом Н. И. Ивановой был Иван Александрович Загряжский³¹, отец Софии Ивановны де Местр, дед сестер Гончаровых по материнской линии. Если Наталия Ивановна действительно являлась дочерью одного из Загряжских, а, по всей видимости, так оно и есть, то тогда она была не только условно названной, но и действительной кузиной или же тетей сестер Гончаровых, по возрасту, конечно, скорей кузиной.

В пользу предположения, что отцом Наталии Ивановны мог быть брат Софии Ивановны де Местр, говорит рождение Наталии Ивановны Ивановой в Тамбове, там, где жил А. И. Загряжский. Другой довод — свидетельство о смерти Н. И. Фризенгоф, в котором сказано: «По метрической Исаакиевского собора книге значится, что барона Фризенгофа супруга Наталия Ивановна, урожденная Загряжская, волею божиею помре октября двенадцатого дня тысяча восемьсот пятидесятого года и погребена того же года и месяца семнадцатого числа в Александро-Невской лавре»³². Что же касается приводимого И. Ободовской и М. Дементьевым текста эпитафии Н. И. Фризенгоф на кладбище Александро-Невской лавры, где будто бы указано ее происхождение³³, то ими допущена неточность. За версию о том, что Наталия Ивановна была дочерью И. А. Загряжского говорит, с одной стороны, та же приведенная выше запись в метрической книге Исаакиевского собора, с другой — часто принятый в помещичьих семьях обычай давать внебрачным детям отчество и фамилию по имени отца (Иван Загряжский — Наталия Ивановна Иванова). В интересующем нас случае все аналогично тому, как было, например, с именами внебрачных детей дяди Пушкина — Василия Львовича, которых звали Маргарита Васильевна Васильева и Лев Васильевич Васильев.

В свое время Ксавье де Местр был довольно известным писателем, художником и ученым. Его литературное наследие в основном составляют прозаические произведения «Пу-

тешестве вокруг моей комнаты» (1794), «Ночное путешествие вокруг моей комнаты» (1812), «Пленники Кавказа» (1815), «Юная сибирячка» (1815), «Прокаженный в Аосте» (1817). Де Местр писал по-французски, и первоначально его произведения появлялись во Франции. Однако в переводах ряд из них был широко известен и в России, особенно «Юная сибирячка», выходявшая под разными названиями («Молодая сибирячка», «Параша Лупалова»), которая даже инсценировалась (пьеса «Параша сибирячка» Н. А. Полевого). На один из русских переводов де Местра (Параша Лупалова. СПб., 1845) откликнулся Белинский. Не найдя в нем особых литературных достоинств, он в то же время писал: «Эта книжка интересна по событию истинному и прекрасному, которое в ней описано...»³⁴ В «нравственной стороне» события видел Белинский успех произведения де Местра, в котором рассказано о том, как юная Параша пешком пришла из Ишима в Петербург и испросила у Павла I помилование своему сосланному в Сибирь отцу.

Не исключено, что какие-то произведения Ксавье де Местра мог знать Пушкин, хотя у него и нет прямых упоминаний о нем. Поэт даже мог встречаться с ним самим не только в раннем детстве, но и в послелицейские годы в Петербурге, в доме родителей или у общих знакомых. О том, что де Местр восстановил в Петербурге свои встречи со старшими Пушкиными, свидетельствует сделанный им в мае 1819 года портрет Л. С. Пушкина, который жил тогда с родителями. В литературе об А. С. Пушкине высказывались предположения, что его поэма «Кавказский пленник» могла быть в прямой или опосредствованной связи с повестью де Местра «Пленники Кавказа»³⁵.

Особенность повестей французского писателя — отражение в них действительных событий. В 1839 году Сент-Бёв, отмечая его близость к Мериме, писал: «У него все правда. Нет ничего романтического; он с удивительной точностью описывает действительность»³⁶. В этом смысле Ксавье де Местр стоит у истоков французской реалистической прозы. Несомненной его литературной заслугой может считаться ознакомление им европейских читателей с русской жизнью, со своеобразием самобытных русских характеров. Наряду с прозой де Местр писал много стихов, хотя большей частью и не печатал их³⁷. Он переводил на французский язык басни Крылова, русские песни.

Кроме упоминавшихся портретов-миниатюр и автопортретов³⁸, де Местр-художник создал ряд пейзажных и жанро-

вых картин на русские сюжеты. Таковы «Спящие солдаты», «Кавказский пейзаж с коровами», «Русская девушка, пасущая стадо овец». Как полагают искусствоведы, де Местр подписывал далеко не все свои работы и поэтому теперь их трудно выявить. А было их, как считают, не мало. Такое предположение подтверждают письма П. А. Плетнева к Я. К. Гроту, в которых не раз упоминается, что и в преклонном возрасте де Местр увлекался живописью, продолжая писать картины³⁹.

Отличительной чертой де Местра была проницательная им через всю жизнь любознательность, стремление понять и объяснить мир и явления природы. Он еще в XVIII веке летал на воздушном шаре, позже занимался геологическим изучением южных районов России, писал научные статьи и брошюры по химии, физике и метеорологии. Одна из книг называлась «Отчего происходит град». Де Местр был знаком с известным русским астрономом А. Н. Савичем и высоко ценил его. Вот что писал П. А. Плетнев 7 марта 1842 года о Ксавье де Местре: «В четверг приезжал ко мне старик граф Местр... Он беспрестанно наблюдает явления природы и составляет статьи о них»⁴⁰.

В отличие от своего брата Жозефа, паписта и реакционера, почувствовавшего «декабристский» дух среди русских военных задолго до 14 декабря 1825 года⁴¹. Ксавье де Местр был и более либерален и более демократичен. Его интересовала жизнь русского простонародья, к которому он относился сочувственно. О николаевской России он писал как о стране, «где дышат только в непосредственной атмосфере императора»⁴².

Таковы некоторые черты Ксавье де Местра, который охарактеризован подробнее других потому, что имеет непосредственное отношение к бродзянским материалам и существенно причастен к русской культурной жизни первой половины XIX века.

С 1825 по 1839 год семья де Местра жила за границей, по преимуществу в Италии. Однако связь с Россией не прерывалась благодаря переписке и нередким встречам с русскими путешественниками. Одним из них, очевидно, был поэт В. А. Жуковский, в 1832—1833 годах лечившийся за границей. Свидетельством его дружеского общения с ними еще с Петербурга является уцелевшая в Бродзянах книга «Стихотворения В. Жуковского» (Санкт-Петербург, 1824) с дарственной надписью: «Графу Местру от Жуковского в знак душевного уважения». А Наталии Ивановне, которая,

видимо, нравилась ему, поэт вписал в альбом стихотворение «Мотылек и цветы» (1824). Ей же он подарил альбом зарисовок с видами Швейцарии. Можно полагать, что русская девушка пользовалась успехом не только у него. Свое внимание ей уделял и князь Петр Мещерский, один из друзей Пушкина. Был среди посетителей семьи де Местра и Дмитрий Долгоруков, дипломат, знакомый Пушкина по «Зеленой лампе». Ему в 1838 году де Местр подарил свой автопортрет с любопытной надписью: «У меня был один (друг), смерть отняла его у меня. Она унесла его в самом начале жизненного пути в ту минуту, когда его дружба стала настоящей потребностью моей души. 1786. С той поры я испытал другие потери: четыре брата, пять сестер, все товарищи моей юности, все мои дети. Но уже небольшой промежуток отделяет меня от них; я не ропщу — 1838. Счастья, здоровья и долгой жизни моему превосходному другу Дмитрию Долгорукому Кс. М.»⁴³. С Д. И. Долгоруковым знакомство было давним, еще в 1819 году де Местр создал его портрет. Можно думать, что за границей семью де Местров посещал и знакомый Пушкина князь Г. Г. Гагарин, его рисунки в альбоме де Местра — рядом с другими, относящимися ко времени пребывания де Местров в Италии. Сводила ли в Италии судьба семью де Местра с семьей Е. М. Хитрово, о которой речь впереди, к сожалению, выяснить не удалось.

Весной 1830 года в Риме с Наталией Ивановной встретился молодой юрист, атташе австрийского посольства в Неаполе Густав Виктор Фогель барон фон Фризенгоф (1807—1889), за два года до этого окончивший Венский университет. Знакомство длилось 6 лет, 17 апреля 1836 года Густав Фризенгоф и Наталия Ивановна поженились. Если верить приведенной выше дате рождения, то невеста была старше жениха. К сожалению, до нас дошло мало сведений об этой паре. Уцелевшие изображения позволяют думать, что Наталия Ивановна если и не отличалась красотой, то во всяком случае была в молодости мила и привлекательна. Она видится женщиной духовно содержательной, умной, спокойно рассудительной, расположенной к людям. По крайней мере, такие мысли вызывает находившийся в Бродзянах масляный портрет, на котором Н. И. Фризенгоф запечатлена уже в зрелые годы. Ее, несомненно, интересовала поэзия. Она рисовала, собирала гербарии, создавая из засушенных цветов и трав своеобразные художественные композиции.

По-видимому, Наталия Ивановна питала нежную привязанность к своему мужу, о чем говорит один из ее рисунков

с его явно опоэтизированным изображением. Сам Фризенгоф на основании разного рода косвенных данных, предстает в нашем воображении как человек хорошо образованный, воспитанный, незлобивый, тактичный и, очевидно, мягкий, подверженный влиянию более сильных волевых натур. В то же время он был мнительным и осторожным, нерешительным и щепетильным, придающим большое значение общественному мнению. Как и у многих слабохарактерных людей, эти свойства порой сочетались у Фризенгофа со вспыльчивостью. На это указывают некоторые письма Наталии Николаевны к П. П. Ланскому, относящиеся к июлю 1852 года. И еще одно известие о Фризенгофе. Судя по письмам к брату, он недолюбливал тетушек, как Софью Ивановну де Местр, так и Екатерину Ивановну Загряжскую.

Через три года после свадьбы, не без воздействия своей русской родни, Густав Фризенгоф становится сотрудником австрийского посольства в России. По приезде в Петербург, Н. И. и Г. Фризенгоф поселились летом на Каменном острове рядом с семьей Н. Н. Пушкиной, вместе с которой жила Александрина и их тетка, фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская, сестра жены де Местра. С первых же дней Фризенгофы и де Местры встречаются с Н. Н. Пушкиной и А. Н. Гончаровой. Вот что писал об этом Густав Фризенгоф брату Адольфу 25 июня (7 июля) 1839 года: «Мадам Пушкину и ее незамужнюю сестру видим каждый день... Она (Н. Н. Пушкина. — Л. К.) прекрасна, хотя и меньше, нежели я предполагал, ее лицо не меняет выражения, но мне кажется, думаю, что в этом не ошибаюсь, мне кажется — она добросердечный человек...» Из целого ряда других упоминаний о Наталии Николаевне и ее сестре, встречающихся в письмах Фризенгофа, написанных в первое лето пребывания в России, приведем еще только одно: «Пушкиных видим каждый день; я привык к ним и полюбил их...» (1 августа 1839 года). Интересны относящиеся к тому же далекому лету слова из письма свояченицы поэта брату Дмитрию: «Фризенгофы тоже очаровательны. Муж — молодой человек, очень остроумный» (10 июля 1839 года.)

Наталия Ивановна Фризенгоф вернулась на родину беременной. 19 января 1840 года в Петербурге у нее родился сын Григорий (Грегор). Вместе с маленьким сыном, мужем и приемными родителями в августе — сентябре 1841 года она три недели гостила в родовом имении Пушкина Михайловском (Псковская губерния). Там познакомилась с друзьями Пушкина из Тригорского — с его хозяйкой Прасковьей

Александровной Осиповой и ее детьми, у которых поэт часто бывал в годы ссылки и посвятил им не одно свое стихотворение. О пребывании Фризенгофов в Михайловском теперь напоминает ряд интересных рисунков Наталии Ивановны, сделанных ею там, и несколько листов ее гербария с растениями, которые собирали жена, дети и свояченица Пушкина. За несколько дней до приезда Фризенгофов в Михайловское (30 июля 1841 года) Наталия Николаевна писала о них брату Дмитрию: «Мы связаны нежной дружбой с Натой, и Фризенгоф во всех отношениях заслуживает уважения и дружеских чувств, которые мы к нему питаем». Как видим, приязнь между Н. Н. Пушкиной, А. Н. Гончаровой и Фризенгофами была взаимной.

В 1844 году 16 июля Н. Н. Пушкина вторично вышла замуж за генерал-майора Петра Петровича Ланского (1799—1877). При этом Александра Николаевна по-прежнему осталась с сестрой, помогая ей вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. Материальное положение семьи, часто очень неустойчивое, после замужества упрочилось. Иным стало и положение в обществе. Казалось бы, все изменилось к лучшему. Однако Александра Николаевна не очень ладила с П. П. Ланским, ревновала к нему сестру, которая уже не могла уделять ей столько внимания, как раньше. Только большая выдержка и врожденная корректность П. П. Ланского позволили ему сохранять отношения с новой родственницей, не доводя их до серьезного конфликта⁴⁴.

Ко времени второго замужества Наталии Николаевны Фризенгофов, по-видимому, уже не было в России. По данным словацкой печати, их отъезд из России произошел в 1844 году. Однако, как это следует из письма Наталии Николаевны от 30 июля 1841 года, они уже в том году совсем покинули Петербург и отправились в Вену, захав по пути в Михайловское. Так или иначе вскоре после возвращения из России, где дипломатическая служба Фризенгофа прервалась или закончилась, в середине 40-х годов он приобретает на имя жены имение Бродзяны. В его состав, помимо земельных угодий, входили старинный парк, по которому протекал ручей, двухэтажный замок с четырьмя башнями по углам, заложенный еще в XVI веке, первоначально ренессансный, а позднее не раз перестраивавшийся, и ряд хозяйственных построек. Все это требовало приведения в порядок, так как до Фризенгофов у Бродзян было 27 владельцев⁴⁵. Но новые хозяева были рады имению и с увлечением занялись его благоустройством.

Дружеские связи между семьей Наталии Николаевны и Фризенгофами после их отъезда из России не прерывались о чем свидетельствуют несколько уцелевших писем Н. Н. Пушкиной к Н. И. Фризенгоф, оказавшихся в архиве А. П. Араповой. Все они относятся к 1841 году. Приведем отрывок из письма вдовы поэта от 16 декабря, которое подтверждает ее дружеские чувства к Фризенгофам, прежде всего к Наталии Ивановне: «...Я получила ваши хорошие письма, мои добрые, дорогие друзья. Спасибо, Ната, что ты потрудилась написать разборчиво... Я очень вас жалею, милая Ната, что вы живете в чужой стране без друзей. Хотя *настоящие друзья* встречаются редко, и всегда чувствуешь себя признательной тем, кто берет на себя труд *ими казаться*, Вы, по крайней мере, можете сказать, что оставили истинных друзей здесь, они вам искренне сочувствуют»⁴⁶. Переписка между Фризенгофами — с одной стороны и Н. Н. Пушкиной и А. Н. Гончаровой — с другой продолжалась на протяжении всех 40-х годов. В 1849 году Наталия Николаевна писала Ланскому, что получила от Фризенгофов письмо об их желании приехать весной 1850 года, чтобы провести со стариками де Местрами в России целый год.

Как и намеревались, в 1850 году Фризенгофы вновь прибыли в Петербург. Здесь Наталия Ивановна тяжело заболела и 12 октября 1850 года умерла. Ее отпевали в Исаакиевском соборе и похоронили в Александро-Невской лавре. Во время болезни за Н. И. Фризенгоф ухаживала Александра Николаевна. Менее чем через два года овдовевший Густав Фризенгоф, на некоторое время уезжавший из России, женился на ней, вторично выбрав себе русскую жену. В начале 1852 года он писал брату из Петербурга: «Ты знаешь, что обе сестры Гончаровы уже с первого нашего пребывания здесь стали нам — Наталии и мне — искренними друзьями и что мы имели особенно к Александре большую склонность, вызванную оценкой ее характера. Когда моя Наталия переезжала в город перед своей смертью, Александра... была постоянно при ней... ее терпеливой сиделкой. Естественно, что вследствие всего предшествовавшего я целую зиму охотнее всего ходил к Ланским и находился в обществе Александров, с которой одной во всем Петербурге мог говорить о своей Наталии... находя в этом утешение и поддержку»⁴⁷. Незадолго до этого письма, в августе 1851 года в Петербурге умерла теща Фризенгофа — Софья Ивановна де Местр, которая способствовала тому, чтобы он сделал предложение ее племяннице. А в июне 1852 года в доме Ланских скончался

сам Ксавье де Местр⁴⁸. Густав Фризенгоф остался один.

Итак, Александра Николаевна Гончарова, которой уже было за сорок, в 1852 году с разрешения двора, скорее всего в мае месяце, стала второй женой Густава Фризенгофа. Наталия Николаевна очень беспокоилась, что женитьба Фризенгофа на ее сестре может не состояться, о чем писала мужу летом 1851 года из Годесберга, где находилась вместе с сестрой и дочерьми на лечении. Но все завершилось благополучно, хотя за несколько лет до замужества Александра Николаевна очень пессимистично смотрела на свое будущее. «Что касается меня, то я живу и прозябаю, как всегда, — писала она брату Дмитрию в конце 1847 года. — Годы идут и старость с ними, это печально, но верно. Ничто не вечно под луною, и все иллюзии исчезают». Уже не верила Александра Николаевна в какие-либо перемены своей жизни к лучшему, однако это произошло. После скромной свадьбы в Петербурге она, по-видимому, осенью того же года выехала с мужем и осиротевшим Грегором в Австрию, увозя с собой из России любимые книги, ноты, альбомы с портретами близких и другие дорогие сердцу реликвии и памятные вещи.

Вероятно, уставшая от светской суеты, переживаний и длительного жизненного неустройства, Александра Николаевна была рада осесть в тихих, окруженных невысокими зелеными Трибечскими горами Бродзянах, оказаться вдали от шума больших городов, среди чарующей природы, в одном из живописных мест Словакии. И хотя ей приходилось порой жить не только в Бродзянах (например, в Вене, имении зятя — Эрлаа и других местах), именно с ними прежде всего связана ее почти сорокалетняя жизнь на чужбине.

В 1854 году у Александры Николаевны родилась дочь, которую, по-видимому, в честь первой жены Фризенгофа, а может быть, также и Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской назвали Наталией. Дочь унаследовала многие черты матери — сильный характер, неуравновешенность, замкнутость. Если говорить об увлечениях Наталии Фризенгоф, то к ним следует отнести интерес к поэзии, музыке (юная баронесса писала стихи и пела), к живописи (она училась ей в Мюнхене и была незаурядной художницей) и пристрастие к лошадям и собакам, которых дочь Александры Николаевны держала помногу и любила до глубокой старости.

В 1876 году⁴⁹ Наталия Фризенгоф вышла замуж, как она сама впоследствии говорила, не по любви, а из сострадания, за герцога Антуана-Готье-Фредерика-Элимара Ольденбургского (1844—1895), в котором текла кровь многих европей-

ских династий, в частности шведских королей⁵⁰. Таким образом, юная баронесса стала герцогиней. Муж был тихим и мечтательным человеком, значительно старше ее, сочинял стихи и музыку, аккомпанировал молодой жене при пении. У Наталии и Элимара Ольденбургов родилось двое детей — сын Александр (умер 54 лет, был женат, имел 4 детей) и дочь Фридерика (очень одаренная, умерла 24 лет от туберкулеза). Мать была далека от них, непомерно баловала и воспитывала их Александра Николаевна.

О семейной жизни Александры Николаевны и ее времяпрепровождении в Бродзянах мы знаем немного. С дочерью, крещенной в православной церкви, большой близости у нее не было, но она любила ее и делала для ее воспитания все, что могла. Что же касается пасынка Грегора, то к нему она была в лучшем случае равнодушна и безразлична, хотя еще до замужества в письме к Адольфу Фризенгофу от 4 (16) января 1852 года и обещала заменить ему мать⁵¹. В этом отношении нам представляется, что И. Ободовская и М. Деметьев в своем стремлении реконструировать духовный облик А. Н. Фризенгоф в книге «После смерти Пушкина» несколько идеализируют ее⁵².

В доме Фризенгофов в какой-то мере сохранялись русские порядки, готовились русские блюда. Мы уже говорили, что Александра Николаевна активно поддерживала связь с русскими родственниками и знакомыми, переписывалась с ними и встречалась. В Бродзянах не раз бывали братья Александры Николаевны, дети Пушкина, Наталия Николаевна Пушкина-Ланская и ее дети от второго брака, П. П. Ланской и др. От окружавшей замок простой деревенской жизни Александра Николаевна, видимо, совсем не отгораживалась, участвовала в сельских праздниках, одевая при этом словацкую национальную одежду. Впоследствии так же поступали ее дочь и внучка. Судя по некоторым данным, Александра Николаевна и в Бродзянах сохранила свою любовь к книгам и музыке (в замке была большая библиотека, содержащая и русские издания, имелись два фортепьяно). В последние годы жизни баронесса не могла ходить и ее возили на прогулки по парку в коляске. Глядя на вековые буки, могучие платаны, широко раскинувшие ветви каштаны и клены, она, очевидно, вспоминала парк Полотняного завода, Яропольца и Михайловского. Может быть, с воспоминаниями о родине было связано несколько необычное завещание Александры Николаевны, чтобы ее похоронили в гробу, устланном дубовыми листьями, которое и было выполнено. По рассказу А. М. Игумновой,

хорошо знавшей герцогиню Ольденбург, ее мать перед смертью сожгла все письма.

Тем не менее некоторые эпистолярные материалы до нас дошли. Таковы оказавшиеся в семейном архиве Гончаровых уцелевшие письма А. Н. Фризенгоф и ее мужа из Бродзян в Россию к И. Н. Гончарову (1854—1870), к которым не так давно привлекли внимание И. Ободовская и М. Дементьев. Письма эти в какой-то мере дополняют и подтверждают уже имевшиеся сведения о жизни Фризенгофов в Бродзянах.

Вот что, например, писала А. Н. Фризенгоф брату 12 ноября 1854 года: «Мы живем по-прежнему, очень довольны своей судьбой. Маленькая Таша (дочь.— Л. К.) растет хорошо: кажется, скоро у нее будут резаться зубки, но что-то это продвигается медленно... Живя вдаль от военных бедствий, мы страдаем только душою, когда какая-нибудь прискорбная неудача случается с русскими. Да ниспошлет им господь помощь в их неудачных сражениях и дарует им славную победу в обороне Крыма». Последние строки примечательны тем, что, как следует из них, Александре Николаевне не были чужды общественно-политические интересы и патриотические чувства.

Характеризуя бродзянскую жизнь почти шесть лет спустя, Густав Фризенгоф писал И. Н. Гончарову: «Жизнь наша течет спокойнее, чем когда-либо; в отношении сельского хозяйства год удовлетворительный. Заботы, конечно, в этом прелестном подлунном мире всегда есть, но пока бог сохранит мне мою жену, любящую и добрую, и моих детей, которые пока преуспевают как нельзя лучше, с моей стороны было бы несправедливо жаловаться на небольшие облака на картине...» Что означает упоминание об «облаках», неясно: то ли хозяйственные неполадки, то ли денежные затруднения.

Кстати, денежные вопросы — это лейтмотив переписки А. Н. Фризенгоф с братом Иваном, ставшим после смерти старшего брата Дмитрия (1860) во главе всех гончаровских владений. У него были финансовые обязательства по отношению к Александре Николаевне, сначала по наследству от матери, потом от отца, которые он выполнял не аккуратно, а иногда и просто не выполнял — не платил сестре даже проценты по векселям. Особенно трудным материальное положение Фризенгофов сложилось, когда именно постигли стихийные бедствия, неурожай и вдобавок к этому управляющий их дома в Вене присвоил себе крупную сумму хозяйских денег. «Густав сейчас очень стеснен в деньгах и в большом

затруднении, где их достать. Ради бога, дорогой Ваня, приходи нам на помощь как можно скорее и пришли нам то, что ты должен» — это строки из письма А. Н. Фризенгоф от 22 января (3 февраля) 1860 года. С такими призывами она обращалась к брату не раз.

Из писем Александры Николаевны к брату мы узнаем также и о том, что она часто переписывалась с Наталией Николаевной, интересовалась судьбой ее детей (особенно замужеством Марии Пушкиной) и всей гончаровской родни. В письмах есть упоминания о приездах в Бродзяны Ивана и Сергея Гончаровых, младшей дочери Пушкина.

Смерть Наталии Николаевны Александрина переживала тяжело и долго. Тщетно обращаясь к брату по поводу выплаты причитающегося ей наследства, что в конце концов привело к охлаждению отношений, в письме от 9 (21) июля 1868 года она писала: «К горьким сожалениям, которые я не перестаю испытывать в связи с потерей нашей горячо любимой сестры, часто примешивается мысль, что в ней я нашла бы самого ревностного помощника в тех затруднениях, что сыплются на меня в связи с нашим несчастным семейным разделом. С ее пламенной, преданной своим близким душой она, я не сомневаюсь, сделала бы все возможное, чтобы вывести меня из этого лабиринта». Перед нами еще одно подтверждение высоких моральных и духовных свойств жены поэта.

В целом отправленные когда-то из Бродзян в Россию письма позволяют думать, что жизнь супругов Фризенгофов проходила в мире и согласии, как писала сама Александра Николаевна, «тихо... среди семейного счастья». Опасения Наталии Николаевны о том, что «Сашеньке будет трудно сладить» с характером Фризенгофа, высказанные в письме к Ланскому от 10 (22) июля 1851 года, когда уже предвиделась свадьба, оказались напрасными. Умная и волевая Александра Николаевна, судя по всему, нашла нужный подход к мужу: она безмятежно прожила с ним 37 лет. И все же часто была замкнутой, неразговорчивой, печальной. Что-то, видимо, угнетало ее вдали от родины — события ли, связанные с гибелью Пушкина, тоска ли по России, другие ли причины, сказать трудно. Только Наталия Густавовна рассказывала своему внуку, жившему с нею в Бродзянах, что ее мать всегда становилась грустной и молчаливой, когда заходила речь о дуэли Пушкина. По словам дочери, Александру Николаевну никогда не видели смеющейся⁵³.

Первым (в 1889 году) в замке скончался Густав Фризен-

гоф, а вскоре, 9 августа 1891 года, не стало и Александры Николаевны. Оба были похоронены на бродзянском кладбище, а затем в 1894 году их останки перенесли в семейный склеп, составляющий нижнюю часть часовни, построенной Наталией Ольденбург на склоне горы неподалеку от замка⁵⁴. Гору эту по ее же распоряжению засадили лесом. На вершине ее, по желанию герцогини, возвели летний замок, так называемый Вавилон, в котором она позже часто уединялась и ночевала одна, охраняемая своими любимыми собаками. Крыша замка была застеклена, герцогиня любила засыпать, глядя на звезды.

После смерти отца, матери, а затем и мужа (1895)⁵⁵, который также похоронен в фамильной усыпальнице, Наталия Ольденбург до самого конца 30-х годов XX века осталась единственной хранительницей всех тех культурных ценностей, которые история отложила в Бродзянском замке (это — и часть художественного наследия де Местра, и часть архива Н. И. Фризенгоф, и все, что принадлежало А. Н. Фризенгоф — ее матери, не говоря уже об остальном). Надо сказать, что берегла бродзянские реликвии герцогиня добросовестно, хотя возможно, и не всегда понимала, о чем они могут поведать.

Несмотря на некоторые странности поведения, властность, подозрительность и какое-то недоверие к людям, Наталия Густавовна в то же время была очень добра и щедра, готова помочь каждому, кто в этом нуждался. Хозяйством она не занималась, все земли держали в своих руках арендаторы, которые ее постоянно обманывали и обкрадывали. Порой у нее не было, как бы теперь сказали, даже карманных денег⁵⁶. При ней в Бродзянском замке жило немало непризнанных или неустроенных поэтов, художников, музыкантов, приезжавших из разных стран. Иногда, прибыв на неделю или месяц, они находились в нем годами и десятилетиями⁵⁷. Человек большой культуры, знавшая, по словам помнящих ее, пять языков, Наталия Ольденбург, в сущности, превратила Бродзяны в небольшой культурный центр. При этом принимала самое активное участие в жизни Бродзян: организовывала по вечерам публичные концерты и театральные представления, сама читала просветительские лекции, устраивала в деревне больницу и приют для престарелых и сирот. Летом по вечерам перед замком нередко играл цыганский оркестр, собиралась и танцевала бродзянская молодежь в словацких национальных костюмах. В Бродзянах и сейчас живут люди, которые помнят, как перед пасхой герцогиня приходила в школу и опрашивала детей, кому что надо купить из обуви

и одежды. Если денег на праздничные подарки не было (а без средств она оказывалась часто), то ее камеристка ехала в Вену закладывать фамильные драгоценности. Два раза в год Наталия Густавовна обязательно устраивала для всех жителей Бродзян праздники. Одним из таких непременно ежегодных праздников были «дожинки» — традиционный славянский праздник «последнего снопа», т. е. окончания жатвы. По воспоминаниям знавших герцогиню, она надевала национальный костюм и участвовала в словацких народных играх.

Жизнь и заботы односельчан не были безразличны дочери Александры Николаевны. В одном из редких словацких изданий удалось обнаружить статью, в которой говорится о том, что Наталия Ольденбург и ее брат Грегор принадлежали к организаторам Продовольственного кооператива в Бродзянах, преследовавшего защиту экономических интересов крестьян. На протяжении более 30 лет она была председателем этого кооператива, стремясь, по собственным словам, «облегчить жизнь бедных людей». Лишь в 1935 году, когда Наталии Ольденбург исполнился 81 год, она попросила освободить ее от этих обязанностей. За многолетнюю работу в кооперативе односельчане преподнесли ей почетный диплом. Сохранилась фотография, на которой Наталия Ольденбург снята с группой бродзянских крестьян — членов Продовольственного кооператива. За годы председательства Наталии Густавовны в Бродзянах на средства Продовольственного кооператива провели электричество (1908)⁵⁸, а несколько раньше, в 1904 году, в селе построили здание под названием «Казино», одну часть которого занимало правление кооператива, а другую — клуб, где собирались члены «Крестьянского читательского кружка», выступал духовой оркестр, проходили спектакли, чтения книг для детей и т. д. Все это активно отвлекало жителей от корчмы⁵⁹. Здание «Казино» сохранилось, теперь в нем находятся почта и магазин. Много лет на стене «Казино» висела мемориальная доска, напоминавшая об основании в 1898 году в Бродзянах Продовольственного кооператива⁶⁰. Помимо него, в Бродзянах существовало еще два кооперативных объединения — Касса взаимопомощи (возникла в 1895 году) и Крестьянский арендный кооператив (основан в 1908 году), к организации и деятельности которых также была причастна Н. Г. Ольденбург. В крестьянском кооперативе был общий скотный двор, конюшня, его члены совместно обрабатывали землю⁶¹. Часть земли для арендного кооператива, объединявшего малоимущих крестьян, пре-

доставила Наталия Густавовна. Созданные в Бродзянах кооперативы были первыми не только в Горной Нитре, но и на всей территории Словакии и Венгрии. Они стали примером для других селений. Выступая на одном из собраний Продовольственного кооператива, Н. Г. Ольденбург сказала, что знает о недоброжелательном отношении шляхты и богатых торговцев к ее деятельности. Вспомнив при этом о Парижской коммуне, она заметила, что вопреки всякого рода трудностям хочет помогать социально слабым.

Как видим, образ герцогини никак не вписывается в обычные представления о высшей аристократии. Не похожа она была на людей своего круга и в быту. По свидетельству очевидцев, в 30-е годы одевалась так, как одевались в середине XIX века, новых платьев не шила⁶², иногда ходила в мужском костюме. До глубокой старости регулярно по утрам делала гимнастику, по-мужски верхом ежедневно ездила на прогулку в сопровождении любимых собак. Ее не видели праздною: она занималась либо кооперативными делами, либо живописью (много писала), либо музыкой (до старости пела), либо чтением. Болезненную привязанность к лошадям, которых любила объезжать сама, и собакам относили к странностям Наталии Ольденбург. Она же нередко говорила: «Если бы у меня не было моих собак, я бы уже давно перестала верить в благодарность и верность»⁶³. Хозяйка не забывала о своих животных и после их смерти, создала в Бродзянах собачье и конское кладбище с надгробиями и эпитафиями. Однажды, когда почти все ее собаки погибли от эпидемии, герцогиня удалилась в лесную избушку и долго жила там в одиночестве. А потом поехала в Вену и снова купила двух щенков любимой ею породы леонбергов. Еще одной странностью Наталии Густавовны была ее личная неприязнь к врачам и медицине. Она лечилась сама и лечила жителей Бродзян гомеопатическими средствами и травами, что, однако, не мешало ей вызывать врачей к больному.

Закончим характеристику герцогини Ольденбург словами из ее записной книжки, которые передала автору А. М. Игумнова: «Ни один человек не слишком плох для меня, чтобы я могла оказать ему какую-либо помощь, если это в моих силах»⁶⁴. Сама же владелица Бродзян «какую-либо помощь» от других принимала неохотно. Такой предстает дочь Александры Николаевны в воспоминаниях знавших ее. И хотя она была далека от русской жизни и культуры, в значительной мере именно благодаря ей сохранились в Бродзянском замке многие пушкинские реликвии. Здесь

надо, однако, заметить, что точных данных об отношении Наталии Ольденбург к жившим в России родственникам, к русской культуре пока все же нет. Есть сведения, что в начале 20-х годов она помогала кому-то из своих русских родственников и в 30-е годы переписывалась с кем-то из Гончаровых. Н. Раевский, а вслед за ним и другие утверждают, что она не знала русского языка⁶⁵, следовательно, не читала русских книг. По-видимому, это не совсем так или совсем не так. Жительница Бродзян Й. Самелова, лично знавшая Н. Г. Ольденбург (крестница ее воспитанницы и камеристки Анны Бергер), во время одной из бесед сообщила, что герцогиня знала пять языков, в том числе и русский. А писателю Р. С. Белоусову во время встречи в марте 1981 года в Будапеште правнук Александры Николаевны — Георг Вельсбург рассказал, что перед смертью его прабабушка Н. Г. Ольденбург, находясь в кресле, неожиданно произнесла непонятные русские слова «переложите меня на кровать», о значении которых узнали только потом. Все это не согласуется со сложившимся мнением о незнании дочерью А. Н. Фризенгоф русского языка⁶⁶.

Что же касается словацкой жизни, то герцогиня, если и не сливалась с ней, то не была от нее оторванной. О Наталии Ольденбург у жителей Бродзян живет добрая память. Она умерла 83 лет в 1937 году и похоронена в том же склепе, где и ее родители. Людей, лично знавших и помнящих Александру Николаевну и ее мужа, в Бродзянах уже не осталось, но дочь их помнят многие.

Мы не рассказали еще об одном члене семьи Фризенгофов — Грегоре (1840—1913)⁶⁷, который, хотя и был представителем иноземного дворянства в Словакии, по праву может быть отнесен к деятелям словацкой культуры и науки. Из устных рассказов не очевидцев, а уже их потомков, известно, что сын Фризенгофа от первого брака, как его называли родные, Гришон, в детстве был полностью предоставлен себе. О нем мало кто беспокоился. Он рос одиноким, сторонился людей. Правда, к концу жизни, по свидетельству старожилов, стал более открытым и общительным, иногда любил пошутить, однако о грустном детстве не забывал. В 1859—1863 годах Грегор Фризенгоф изучал право в Венском университете, а затем с 1863 по 1865-й учился в Сельскохозяйственной академии, более соответствовавшей его склонностям. После академии некоторое время он арендовал участок земли в Недановцах, а с 1887 года поселился в деревне Красно (в 4 километрах от Бродзян), где уже имел

небольшое хозяйство. С Наталией Ольденбург у Грегора были натянутые отношения, очевидно, потому, что он был первым и прямым наследником Бродзян, а не герцогиня. Надо, правда, заметить, что еще задолго до смерти отца имение оказалось в больших долгах, которые оплатил герцог Ольденбург. Неприязненность между сводными братом и сестрой смягчала жена Грегора Ирма, происходившая из дворянской семьи Шимони, жившей в Шимонованах (7 километров от Бродзян). Мы упоминаем названия деревень Красно и Шимонованы, поскольку и в них попали связанные с Бродзянами материалы.

Грегора Фризенгофа не без основания считают основоположником метеорологии и агрометеорологии в Словакии. Он создал метеорологическую станцию и издавал в Красно специальные метеорологические известия (печатный станок Грегора Фризенгофа сберег краевед из Красно Йозеф Шарина). Грегору Фризенгофу принадлежит несколько книг и множество статей по метеорологии и сельскому хозяйству, которые публиковались на словацком, немецком и венгерском языках. В 1864—1884 годах он был постоянным автором издававшегося писателем-популяризатором Даниэлем Лихардом сельскохозяйственного журнала «Обзор». В 60-х годах, еще студентом, Грегор Фризенгоф печатался в словацком журнале «Сокол», редактором которого являлся В. Пулини Тот. Поселившись в Красно, брат Наталии Ольденбург, так же как и она, активно участвовал в создании сельских крестьянских кооперативов, которым позволял пользоваться и своей землей. Младший Фризенгоф был организатором и на протяжении 40 лет руководителем добровольного пожарного общества в Бродзянах (основано в 1873 году), существующего и поныне. В течение ряда лет, до 1902 года, Грегор Фризенгоф возглавлял и Продовольственный кооператив.

Имя Грегора Фризенгофа мы находим среди членов — основателей Матицы словацкой (1863), первой общенациональной словацкой культурно-просветительской организации. Сообщение об этом содержится в словацком журнале «Сокол». Там же в 1863 году опубликовано два стихотворения, посвященных Грегору Фризенгофу. В одном из них, прославляющем «выдающегося словацкого деятеля», сказано, что в Бродзянах «Мать Славия воспитала сына, смелое сердце которого бьется за собственный род», не зная «греха измены». Анонимный автор, причисляя Грегора Фризенгофа к словакам, видимо, знал о его славянском

происхождении. Имеющиеся в печати сведения, будто членом Матицы был не Грегор, а Густав Фризенгоф, ошибочны⁶⁸.

Все говорит о том, что для родившегося в России и какое-то время жившего там Грегора Фризенгофа Словакия стала второй родиной, которую он искренне любил, стараясь всемерно помочь ее национальному и культурному развитию.

Такова краткая история личных судеб и событий, предопределившая концентрацию в Бродзянах культурных ценностей, сделавшая их своеобразным центром художественной и общественной жизни, явившаяся в наши дни причиной организации в Бродзянском замке Литературного музея А. С. Пушкина, посвященного не только великому русскому поэту, но и истории словацко-русских и словацко-советских литературных связей.

БРОДЗЯНСКИЕ РЕЛИКВИИ

Думая о связанных с именем Пушкина бродзянских реликвиях (сохранившихся и исчезнувших материалах, найденных и не найденных), приходишь к мысли, что, конечно, не только они определяют историческое и культурное значение Бродзян. Строго говоря, это и замок Фризенгофов, где гостили родные и знакомые поэта, и флигель с библиотекой, содержащей привезенные из России книги, и старинный парк, помнящий шаги жены и детей Пушкина, и часовня, где нашла свой последний приют его свояченица, и посаженный когда-то бродзянскими крестьянами на склоне голой горы, теперь разросшийся лес, и сооруженный на ее вершине романтический Вавилон, и вся неповторимая природа одного из красивейших уголков словацкой земли вокруг деревни, с прилегающими к ней садами, полями и могучими старыми ивами по берегам Нитры. А рядом с этими и другими рукотворными и нерукотворными ценностями живет народная память о тех, кто ушел, об их радостях и печалях, об их труде, плоды которого они оставили нам, о причудливых нитях, соединявших людей в прошлые времена. И эта историческая память также относится к культурным ценностям — ведь без нее не сохранилось бы и самой культуры. Разве не далекие предки жителей Бродзян, их ум и трудовые руки создали многое из того, о чем говорилось, разве не благодаря им до нас

дошла культурная эстафета из минувшего столетия, в частности пушкинские материалы, большой интерес к которым как бы собрал в единый фокус все, что относится к истории Бродзян. Эти реликвии — существенная часть и своеобразное объединяющее начало бродзянского культурного наследия. К рассказу о них мы теперь и перейдем.

В 1948—1949 годах пишущий эти строки, еще будучи студентом, работал над темой «Пушкин в Чехословакии» и тогда впервые услышал о Бродзянском архиве от московского литературоведа Н. Н. Вильмонта. Он сообщил, что после второй мировой войны в Бродзянах были обнаружены какие-то пушкинские материалы и будто бы среди них даже имелся альбом одной из Гончаровых с рисунками и автографами стихов Пушкина, которые поэт заносил туда, бывая в доме невесты. К сожалению, известие об этом альбоме не подтвердилось. Зато сам факт наличия пушкинских материалов в Словакии оказался достоверным. В одном из номеров «Литературной газеты» за 1947 год (№ 38, 13 сент.) нашлась небольшая заметка о передаче делегацией чехословацких писателей каких-то связанных с Пушкиным предметов из Бродзян Союзу писателей СССР. Кое-что сообщалось тогда и в словацкой печати. Но все это были лишь самые общие и отрывочные сведения. Более подробно об архивном наследии Александры Николаевны Фризенгоф рассказал, как мы уже говорили, в середине 60-х годов в книге «Если заговорят портреты» и других работах Н. А. Раевский, который еще в 1938 году посетил Бродзяны. Во время этого визита правнук баронессы А. Н. Фризенгоф и его жена показали гостю золотую цепочку, будто бы ту, которую, как предполагает автор, умирающий поэт просил В. Ф. Вяземскую передать свояченице после его смерти, и кольцо с бирюзой, по преданию, также памятное, связанное с Пушкиным. Особенно много в наследии Александры Николаевны было изобразительных материалов: рисунки и фотографии ее братьев, отца, матери, Афанасия Гончарова — основателя Полотняного завода, Наталии Николаевны, самой Александры Николаевны, детей Пушкина. В столовой висели портрет Жуковского с его автографом, множество рисованных портретов и акварелей явно русского происхождения, которые, к сожалению, остались не расшифрованными. Кроме того, в замке находилось 8 альбомов рисунков де Местра, в ряде случаев также сделанных в России. Среди них были изображения одного из братьев Тургеневых и Льва Сергеевича Пушкина.

Особо следует сказать о виденном Н. А. Раевским в Бродзянах портрете Дантеса-Геккерна. О нем еще в статье «В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой», явившейся основой для книги «Если заговорят портреты», он писал: «Мы идем в столовую, и я сразу замечаю его (Дантеса.— Л. К.) портрет (сепия?), помещенный на видном месте. Портрет исполнен в 1844 году художником S. Wagner. Внизу размашистая подпись «В-on G. de Heckeren». Сидящие за столом не могут не видеть молодого еще Дантеса (ему 32 года)». Далее этот же портрет называется «рисованным... всего через 7 лет после дуэли»⁶⁹. А в книге читаем о портрете убийцы Пушкина следующее: «Мы ужинали при свечах. Все было, как во времена Александры Николаевны... В полумраке чуть видны портреты — Дантес, Жуковский... Вот здесь, в этой комнате, в этих самых креслах три четверти века тому назад сидели две стареющие женщины — генеральша Ланская и ее сестра. Опускала ли Наталия Николаевна глаза, увидев впервые портрет Дантеса? Или его на время убрали перед приездом Ланской?»⁷⁰ И так, здесь недвусмысленно говорится о том, что портрет Дантеса был «рисованный», имел автограф и украшал одну из комнат замка еще при Александре Николаевне. Эта информация стала позже предметом внимания и серьезных гипотетических построений А. Ахматовой и других авторов. А между тем, как оказалось, видел Н. А. Раевский не рисованный портрет с личным автографом Дантеса, а всего лишь черно-белую литографию⁷¹, и никаких убедительных доводов в пользу того, что он был на стене при Александре Николаевне, нет. Более того, не известно, висел ли этот портрет в замке даже за несколько лет до посещения его Раевским. Вот что пишет по этому поводу не раз бывавшая в 20-е годы у Н. Г. Ольденбург и жившая у нее в Бродзянах А. М. Игумнова: «Я совершенно уверена, что на втором этаже все не было, как во времена Александры Николаевны... мебель, портреты и все прочее внук Наталии Густавовны много раз переставлял по своему вкусу». В том же письме к автору А. М. Игумнова замечает, что долгие годы замок был, в сущности, необитаем, лишь летом гости Н. Г. Ольденбург по несколько месяцев жили на первом этаже, а на втором, нарядном, о котором говорится у Н. А. Раевского, вообще никто не жил. Правнук Александры Николаевны поселился там в 1928 году, а с начала 1937 года стал владельцем имения и мог сделать все по своему усмотрению. Таким образом, фактом можно считать лишь то, что в 1938 году

в одной из комнат замка висела литография Дантеса. Как и при ком портрет попал в интерьер, никто не знает. Не исключено, что это случилось при последнем владельце замка. Можно ли, учитывая все сказанное, считать, что портрет Дантеса висел в замке при Александре Николаевне, а все пушкинское, как пишет Н. А. Раевский, ею было «оставлено в России»? Думается, нет. Забыть «все пушкинское» означало для Александры Николаевны забыть дорожившую памятью о муже и оберегавшую ее любимую сестру⁷², а этого, как мы уже убедились, не было. Правомерен вопрос, когда вообще попал в Бродзяны портрет Дантеса? Скорее всего, это произошло еще до второй женитьбы Фризенгофа. Как следует из писем Е. Н. Дантес-Геккерн (Гончаровой), в 1843 году она и ее муж, званными или незванными, но бывали у Фризенгофов в их венском доме. Появлялся Дантес-Геккерн у Фризенгофов в Вене и позже, в 1845—1846 годах⁷³. Вот тогда-то, вероятно, и попал к ним его портрет. Документальных данных о встречах Александры Николаевны с Дантесом нет. А визитные карточки Дантеса в Бродзянском архиве⁷⁴ логичнее связывать с 40-ми годами, нежели с последующим периодом⁷⁵. Поэтому и маловероятно, что портрет Дантеса был подарен Александре Николаевне. Но даже если это и так, из этого ничего не следует. Он мог десятки лет пролежать где-то, а затем был извлечен как предмет старины для украшения интерьера правнуком Александры Николаевны, которому в равной мере были далеки и Пушкин, чьи произведения, по убеждению Л. М. Игумновой, он «вообще не читал»⁷⁶, и Дантес. Могла это сделать уже после смерти Александры Николаевны и ее дочь. Так или иначе оснований для безоговорочного утверждения, что портрет убийцы Пушкина висел рядом с портретом Жуковского при Александре Николаевне, нет, как нет их и для далеко идущих из этого выводов⁷⁷.

Свой рассказ о некогда виденных бродзянских материалах Н. А. Раевский сопроводил репродукциями четырех из опубликованных в Словакии в конце 40-х годов портретов. Но это была лишь очень малая часть того, что когда-то хранилось в Бродзянах. Несомненный культурно-исторический интерес представляли и другие иконографические материалы, которые в печати не воспроизводились. В Бродзянах Н. А. Раевский провел только один день и всего, что там имелось, увидеть, а тем более изучить, естественно, не мог. Поэтому ряд вопросов, связанных с наследием Александры Николаевны, в частности существование ее семей-

ных бумаг, нахождение в замке пушкинских портретов и др., остается открытым.

Бродзянский рукописный и иконографический архив и его судьба захватили меня. При каждом удобном случае я всюду, где мог, старался узнать что-либо о нем. Постепенно обнаружилось следующее.

Бродзяны были освобождены от гитлеровских оккупантов Советской Армией 2 апреля 1945 года. По рассказу Т. Г. Цявловской, советские ученые-пушкинисты предупредили военное командование о том, что в Бродзянах может находиться ценный с культурно-исторической точки зрения архив, и это было принято во внимание. До весны 1945 года все личные вещи свояченицы Пушкина, вывезенные из России и перешедшие по наследству к Наталии Ольденбург, а затем к ее потомкам, находились в Бродзянах⁷⁸. Были или нет у Александры Николаевны какие-то рукописи или письма Пушкина — неизвестно. Исключить такой возможности нельзя, хотя доводов в пользу такого предположения пока нет. Есть сведения, что перед смертью Александра Николаевна сожгла многие свои бумаги. Впоследствии так же поступила ее дочь, поручив это своей камеристке Анне Бергер, которая и рассказала об этом. Если такая судьба могла постигнуть интимную переписку, то трудно представить, чтобы эти образованные женщины предали огню рукописи поэта. Кое-что из рукописного наследия Александры Николаевны все же сохранилось. Напомним еще, что в Бродзянах уцелели и некоторые ценные портреты, рисунки и другие предметы, принадлежавшие первой жене Фризенгофа и ее приемному отцу или воспитателю де Местру.

В конце второй мировой войны в оставленном владельцами имении Бродзяны на какое-то время были размещены румынские солдаты, которых мало заботила судьба находившихся в нем вещей, бумаг и книг. После их ухода усадьба надолго опустела. В 1946—1947 годах разборкой уцелевших книг, рукописей и иконографических материалов занимались преподаватели Братиславского университета. В результате было сделано несколько интересных находок, о которых тогда же появились сообщения в словацкой печати. К ним, в частности, принадлежит автограф стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы», записанного им в альбом Н. И. Ивановой, о котором уже говорилось, портреты Вяземского, Карамзина и др. В то же время было выявлено письмо Густава Фризенгофа к брату Адольфу от 7 марта 1837 года с подробным сообщением о дуэли Пушкина,

сведения о которой поступили в Италию из Петербурга от Е. И. Загряжской, сестры тещи Фризенгофа — С. И. де Местр.

Однако сколько-нибудь полного описания бумаг, книг и иконографических материалов русского происхождения, имевшихся в Бродзянах, в первые послевоенные годы, к сожалению, сделано не было. И это породило разного рода легенды о них, которые порой осложняли и еще будут осложнять поиски. Помимо устной легенды об упоминавшемся альбоме со стихами и рисунками Пушкина, была и не соответствующая действительности информация, проникшая в печать⁷⁹.

В 1967 году летом мне удалось впервые побывать в Бродзянах. В новом, хорошо сохранившемся двухэтажном флигеле (по рассказам, он был построен на рубеже веков), где когда-то находилась богатая библиотека, один из шкафов которой заполняли русские книги, тогда размещался Национальный совет. В его прихожей висел портрет Пушкина. Обращенный верандой к небольшому парку, старый замок Фризенгофов, где долгие годы жила Александра Николаевна, сильно обветшал и был пуст. Построенный в ренессансном стиле и потом «бароккизированный», подвергавшийся позже изменениям по вкусу своих хозяев, он уже давно остался один на один со стихиями природы. Единоборство с дождями, ветром, снегом явно не пошло ему на пользу. В одной из комнат старого дома на втором этаже, куда мы при содействии местного учителя поднялись по приставной и не очень надежной лестнице через окно⁸⁰, еще можно было разобрать на уцелевшей, к счастью, двери надписи и отметки, обозначавшие рост гостивших в Бродзянах жены и детей Пушкина. Очень хотелось все их замерить, но сделать это было нечем.

Трудно было себе представить, что когда-то здесь, вдали от Петербурга и Москвы, в обстановке комфорта и уюта, именно в этом, ныне обветшавшем и пустующем замке с обвалившейся штукатуркой не раз встречались и беседовали там, кого Пушкин называл «мой ангел», и его свояченица — Н. Н. Ланская и А. Н. Фризенгоф. Вспоминалась ли им при этом Каменноостровская дача, последняя квартира поэта на Мойке, Михайловское? Шла ли у них речь о Пушкине, петербургской жизни... Если бы стены имели память и могли рассказать о виденном и слышанном! Какой бы это был захватывающе интересный рассказ.

Бывали под крышей старого замка и дни больших волне-

ний. Летом 1862 года Наталия Николаевна кручинилась о судьбе младшей дочери Пушкина Наталии, бросившей своего тирана мужа (офицера М. Л. Дубельта — сына генерала Л. В. Дубельта, участника посмертного жандармского досмотра бумаг Пушкина). Вот как вспоминает обо всем этом дочь Н. Н. Пушкиной-Ланской от второго брака А. П. Арапова (урожденная Ланская), находившаяся тогда в Бродзянах: «Сестра не унывала... но зато мать мучилась за двоих. Целыми часами бродила она по комнате, словно пытаясь заглушить гнетущее горе усталостью, и часто, когда взор ее останавливался на Таше (дочери Наталии.— Л. К.), влажная пелена отуманивала его. Под напором неотвязных мыслей она снова стала таять, как свеча...» Особой причиной беспокойства явился неожиданный приезд для выяснения отношений с женой М. Л. Дубельта, которого пришлось выдворить из Бродзян. И еще строки из тех же воспоминаний Араповой: «Летние месяцы провели в постоянных передрыгах и нескончаемых волнениях»⁸¹. Признаюсь, обо всем этом больше думалось потом, а не тогда, когда мы были в замке.

Спустившись вниз, я немного побродил по неухоженному, поредевшему парку. И как-то не вполне осознавалось, что под этими величавыми платанами, яворами, липами, буками, вязами, кленами и каштанами (были здесь еще сосны, ели, ясени и белая акация — мне хотелось запомнить все названия деревьев парка), в свое время прогуливалась Наталия Николаевна, звучали молодые голоса детей поэта. Может быть, перенестись в прошлое мешал стремительный темп осмотра усадьбы. Во дворе ее, на который некогда торжественно въезжали прибывавшие из Вены кареты с русскими родственниками и гостями Александры Николаевны, теперь стояла небольшая юркая машина, как бы напоминающая о том, что нам предстояло к вечеру вернуться в Братиславу. И все же прошлое было рядом. О нем, о бывших владельцах имения напоминали и стоящая на одной из прилегающих к Бродзянам возвышенностей часовня с фамильным склепом Фризенгофов, где была похоронена Александра Николаевна, и расположенный неподалеку от часовни романтический летний замок Вавилон, стены которого красиво выглядывали из-за деревьев.

Местные жители, среди которых была лично знавшая Наталию Густавовну Ольденбург крестница ее камеристки Йозефина Самелова, рассказывали, что дочь Александры Николаевны любила животных, увлекалась искусствами, что при пей Бродзяны были одним из культурных центров

в Нитранском крае. Об этом и многом другом, о чем уже говорилось, довелось услышать тогда от бродзянских старожилов. Все было очень интересно, но меня прежде всего занимали и волновали пушкинские материалы, судьба Бродзянского архива, книг и портретов Александры Николаевны. Кроме того, что в замке когда-то было множество альбомов и картин на стенах, о них тогда мало что удалось узнать. Одну — большую часть вещей — вывезли из бродзянской усадьбы еще в 40-е годы (для этого, по свидетельству очевидцев, потребовалась не одна машина), а другая тогда же попала в частные руки. В словацких журналах в конце 60-х годов сообщалось, что некоторые жители Бродзян имеют у себя дома альбомы, рисунки и портреты из дома Фризенгофов. Один из семейных альбомов свояченицы Пушкина, как выяснилось во время беседы, весной 1967 года временно или навсегда (?) переместился в Вену. И самое грустное, что в этом альбоме, по словам видевших его, был небольшой, написанный красками круглый портрет Пушкина. Много лет спустя я узнал, что в Вену были вывезены тогда не один, а два альбома. Попытки выяснить их судьбу оказались тщетны.

В целом во второй половине 60-х годов о местонахождении бродзянских материалов в Словакии никто ничего определенного сказать не мог. Об их исчезновении из поля зрения исследователей говорилось и в ряде появившихся в то время в словацкой периодической печати статей, авторы которых сетовали по этому поводу и призывали к созданию в Бродзянах литературного музея⁸².

Еще до поездки в Бродзяны я знал, что кое-что из находившихся там материалов (переписка Г. Фризенгофа с братом, женой, дочерью, его личные документы, корреспонденция А. Н. Фризенгоф, стихотворения Г. и А. Н. Фризенгофов, написанные для внучки, их письма к дочери, два альбома фотографий А. Н. Фризенгоф, портреты маслом А. Н. Гончаровой, Н. И. Фризенгоф, литографированные портреты де Местра, Дантеса-Геккерна, а также семейные фотографии Гончаровых и Пушкиных) еще в 1947 году было передано Союзу писателей СССР и затем поступило во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде (портреты и два альбома)⁸³ и Пушкинский дом (рукописи)⁸⁴. Все остальное должно было находиться в Словакии. От одного из участников разбора бродзянских материалов в первые послевоенные годы — Яна Ференчика мне стало известно, что он видел засушенные растения из Михайловского, что какая-то

часть архива и библиотеки из Бродзян была вывезена в Братиславский университет.

Вернувшись из Бродзян в Братиславу, я на другой день посетил и его. Там мне показали старое, хранящееся вместе с особо ценными книгами на кафедре русского языка издание «Стихотворения Жуковского...» (1824) с авторской дарственной надписью. Все три тома украшал отпечаток фиолетовой монограммы, состоящей из букв «N» и «O» с короной наверху (экслибрисный вензель Наталии Ольденбург — дочери Александры Николаевны). Еще одной русской книгой из бродзянской библиотеки, которую я тогда увидел, было третье издание «Истории России в рассказах для детей» (СПб., 1846) Александры Ишимовой, той, которой Пушкин перед дуэлью 27 января 1837 года написал последнее в своей жизни письмо. В нем говорилось: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать». Трудно безоговорочно утверждать, но, возможно, это письмо и побудило Александру Николаевну приобрести «Историю...» Ишимовой, скорее всего для дочери Наталии⁸⁵. Каких-либо других русских книг или вещей из Бродзян в университете не оказалось. Но зато там нашлась опись некоторых бродзянских материалов, которые 11 июля 1955 года были переданы из университета в словацкие музейные фонды. В ней значились: акварельный портрет Н. Пушкиной работы Гау, альбом с 28 рисованными портретами семьи Гончаровых и Ланских, альбом фотографий с инициалами «А. Г.», два альбома с гербариями, семь фотографий из имения Полотняный завод, один альбом рисунков Ксавье де Местра (13 рисунков), пакет с тремя рукописями и 38 фотографиями, старинные гравюры Москвы, Петербурга с пометами на французском языке, атлас Российской империи и т. д. В конце описи содержалась фраза: «В предыдущей описи план С. Петербурга записан ошибочно». Из нее можно было понять, что ряд бродзянских материалов был передан в музейные фонды ранее. Фотокопия названной описи и одна групповая фотография, перенятая и размноженная кем-то еще в 40-е годы из альбома Александры Николаевны, — таков был скромный результат моих поисков 1967 года. Попытка установить местонахождение указанных в описи материалов тогда оказалась тщетной. На привезенной фотографии, как помогла установить знаток пушкинской иконографии Т. Г. Цявловская, сняты Александра Николаевна Фризенгоф, Наталия Николаевна, ее муж П. П. Ланской,

старшая дочь А. С. Пушкина Мария. Среди других лиц угадывается Г. Фризенгоф. Не исключено, что на том же снимке запечатлены, кроме того, младшая дочь Пушкина Наталия и сын Григорий. Такой снимок мог быть сделан в 1862 году.

Обнаруженная опись бродзянских материалов, лежавшая у меня на письменном столе, которую я время от времени брал в руки, не давала покоя. Не стану здесь рассказывать о переговорах с работниками Словацкого министерства культуры, о переписке и беседах с разными лицами и учреждениями, занявшими не один год. Важно, что в начале 70-х годов в результате предпринятых поисков местонахождение упомянутых в описи от 11 июля 1955 года материалов было, наконец, установлено. Они оказались в Братиславе, в фондах Исторического института Словацкого национального музея⁸⁶. Следствием этого было появление в СССР и Чехословакии в 70-е годы целого ряда публикаций, посвященных бродзянским реликвиям.

В июне 1974 года я вновь посетил Братиславу, теперь уже точно зная, где находятся материалы из Бродзянского архива, к великому сожалению, еще далеко не все. С волнением поднимался на последний, четвертый этаж Братиславского града, где находится Исторический институт Словацкого национального музея, и с еще большим волнением получил в руки так много лет разыскиваемые материалы. Погрузившись в них, перестал замечать время.

Перелистываю страницы первого альбома с темной обложкой (26×20 см). Он открывается автографом стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы», подписанным буквой «Ж». За его текстом следуют рисунки пейзажей (Луганское озеро, Сенготард, Монблан, Женевское озеро, Вевей и т. д.), также принадлежащие Жуковскому. Они геометрически правильны, но несколько сухи и, пожалуй, бесстрастны. Однако равнодушным не оставляют: от них как бы веет временем. Так рисовали в начале XIX века⁸⁷. Все это — стихотворение и рисунки — принадлежало первой жене Фризенгофа Наталии Ивановне, которой и посвящены стихи Жуковского. Дата под стихотворением «1824 августа 26» показывает, что оно было подарено поэтом Наталии Ивановне еще в Петербурге в день ее именин⁸⁸. Лист, на котором записан текст, приклеен изнутри к верхней обложке альбома. Очевидно, раньше стихотворение находилось в каком-то другом альбоме юной Наталии Ивановны. Позже оно было изъято оттуда и присоединено к другому

подарку Жуковского, к альбому его рисунков, сделанных в Швейцарии в августе 1821 года.

Как известно, в стихотворении «Мотылек и цветы» (его рукописный текст мало отличается от печатного)⁸⁹ нашли выражение грустные мысли и настроения Жуковского, связанные с кончиной М. А. Протасовой (1823). Но то, что он записал это стихотворение в альбом Наталии Ивановны Ивановой (это отмечалось уже и при его первой публикации)⁹⁰ — несомненное свидетельство расположения и душевного доверия поэта к ней. Со всей очевидностью об этом говорит и поэтическое обращение поэта к Наталии Ивановне, следующее за текстом стихотворения «Мотылек и цветы». Оно как целое, самостоятельное стихотворение неизвестно⁹¹, поэтому приводим его:

Вот что однажды я сказал,
Смотря, как Мотылёк вертялной
Благоуханною поляной
С цветочка на цветок порхал;
Он красотой цветов пленялся,
Он ароматом их дышал,
Но ни с одним не оставался
И дале, дале улетал,
Туда, где небеса сияли,
И где на радужных крылах
Друзья эфирные играли
В веселых запада лучах...

Но лугом бытия прекрасным,
Под небом светлым иль ненастным,
Пускай летит там Мотылёк,
Куда лететь назначил рок!
Я, про него сказавши слово,
Скажу одно словцо про вас!
Оно и просто и не ново:
Кому в счастливый жизни час
Удастся встретить ненарочно
Вас на земном пути своём,
Тот и в глаза вам и заочно
От сердца скажет, что на нем
Нашел, чего любезней нет:
Прекрасный цвет *воспоминая*
И *думы сердца* милый цвет.

Как видим, здесь и перекличка с предпосланным этим строкам текстом стихотворения «Мотылек и цветы», и прямое обращение к имениннице, проникнутое чувством искренней симпатии к ней и воспевающее ее. Не мудрено, что оно было дорого Наталии Ивановне, что она бережно хранила его. Петербург, Гейдельберг, Пиза, Рим, Неаполь, Флоренция, Савойя, Париж, Вена, опять Петербург, Михайловское,

снова Вена, затем Бродзяны и, наконец, Братислава — таков дальний путь неизвестных стихов Жуковского. И вот теперь, спустя 150 лет, на берегах Дуная их разбирает его соотечественник...

С трудом заставляю себя оторваться от трудночитаемой рукописи Жуковского и рассматриваю следующий альбом, коричневый, более крупный (26 × 30 см). В нем 39 портретных рисунков, которые принадлежат де Местру и другим авторам (итальянскому художнику-портретисту Богги, О. А. Кипренскому, Г. Г. Гагарину, Н. И. Фризенгоф и др.). Среди отличающихся мастерством работ де Местра особенно привлекают изображения брата Пушкина — Льва Сергеевича и двух женщин, одна из которых, по-видимому, жена художника — Софья Ивановна. Итальянским миниатюристом Богги исполнен ряд мужских и женских портретов; на последних, очевидно, запечатлены Наталия Ивановна и С. И. де Местр. Судя по тому, что альбом де Местра открывается датированным 1824 годом портретом С. П. Бутурлина⁹² работы О. А. Кипренского, автора одного из лучших портретов А. С. Пушкина, этот альбом был начат еще в Петербурге, а затем заполнялся долгие годы.

Три женских портрета в коричневом альбоме принадлежат Григорию Гагарину — доброму знакомому Пушкина, служившему секретарем посольства в Мюнхене и много путешествовавшему по Европе. В одном из писем к матери в 1832 году Гагарин писал: «Я познакомился с Пушкиным — автором. Мы в очень хороших отношениях. Я ему рисую виньетки для «Руслана и Людмилы»⁹³. Гагарина сближали с Пушкиным демократичность взглядов на искусство. Он тяжело перенес гибель поэта. В 1844 году художник сделал благородное предложение: бесплатно проиллюстрировать сочинения Пушкина. И хотя издание не было осуществлено, некоторые иллюстрации «в дар памяти Пушкина» Гагарин подготовил. Было приятно увидеть его рисунки с изображениями неизвестной девушки, тем более что работ Гагарина сохранилось не так много. А между тем Белинский характеризовал его как «великого художника».

Завершают альбом де Местра четыре рисунка, сделанные рукой Наталии Ивановны Фризенгоф в Михайловском в 1841 году. На них любительски и в то же время достаточно умело, тонко и изящно изображены Наталия Николаевна с дочерью Машей у березы (дата рисунка 15 августа), одна Наталия Николаевна (15 августа), Александра Николаевна (8 августа). Сестры изображены в профиль, сидящими

в кресле (возможно, на террасе дома в Михайловском), на них нарядные платья и украшения. Четвертый рисунок — очень простой и выразительный автопортрет Наталии Ивановны (не датирован). Он принадлежит к лучшим ее рисункам. Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

В ходе поисков бродяжеских материалов мне все время хотелось найти в архивах или музеях СССР следы пребывания Г. и Н. И. Фризенгофов в России. В конце концов они нашлись и оказались связанными с только что названными четверьмя рисунками. В фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде хранится альбом Н. Н. Пушкиной, единственный дошедший до нас, с рисованными портретами родных и знакомых. Судьба его не совсем обычна. После смерти матери он достался Александру Александровичу, а затем старшей дочери поэта, Марии Александровне. В 1919 году во время ее поездки в Петроград альбом украли. Много лет спустя, в 1937 году случайно купивший альбом владелец передал его Литературному музею в Москве, позже он попал в Ленинград.

Есть предположение, что в начале 1840-х годов чистый альбом купил и подарил Наталии Николаевне поэт Вяземский, который в стихотворении под названием «Наталии Николаевне Пушкиной» писал:

На эти белые и свежие листы
Переносите вы свободною рукою
Дневную исповедь, заметки и мечты...
.....
Записывайте здесь живую повесть дня...⁹⁴

Альбом Н. Н. Пушкиной содержит любительские и профессиональные рисунки разных исполнителей (Н. И. Фризенгоф, английского художника Т. Райта, Н. П. Ланского, возможно, и де Местра) за период с 1841 по 1849 год. Открыли «живую повесть дня» в альбоме многочисленные рисунки Наталии Ивановны, сделанные ею в Михайловском. Здесь есть аналоги всех ее рисунков из альбома де Местра, которые относятся почти к тем же самым дням. Особенно хорош портрет Наталии Николаевны, на котором она необычайно проста и естественна, датированный 14 августа. Его, на наш взгляд, по праву можно отнести к числу лучших изображений жены Пушкина. По-видимому, в одних случаях копии, в других оригиналы четырех рисунков Наталия

Ивановна взяла на память себе, а все остальное подарила Наталии Николаевне.

Среди других рисунков-портретов Н. И. Фризенгоф в альбоме Наталии Николаевны примечательны самые ранние по времени зарисовки детей Пушкина⁹⁵, Г. Фризенгофа, а также, очевидно, Ксавье де Местра⁹⁶ и С. И. де Местр. Особый интерес представляет серия рисунков, как есть основание считать, изображающих близких друзей поэта из соседнего с Михайловским имения Тригорское, — его владелицу П. А. Осипову-Вульф, о которой А. С. Пушкин писал поэту А. А. Дельвигу, что «любит ее душевно», ее дочерей А. Н. Вульф, М. Н. Осипову, Е. Н. Вревскую (урожденную Вульф) и сына А. Н. Вульфа. Если атрибуция верна, то, возможно, сама того не подозревая, Н. И. Фризенгоф оказала будущим поклонникам Пушкина большую услугу. Ведь изображений сыгравшей исключительную роль в жизни поэта П. А. Осиповой, так же как и некоторых из ее детей, которых А. С. Пушкин хорошо знал и любил, не существует. А между тем именно этой женщине он посвятил свои стихотворения «Простите, верные дубравы!», «Подражание корану», «Быть может, уж недолго мне», «Цветы последние милей» и написал ей 24 дружеских письма. Одни из портретов Н. И. Фризенгоф ироничны и даже шутивно карикатурны, другим присуща реалистическая верность натуре и психологическая характеристика моделей. К первым можно отнести, например, предполагаемые портреты де Местра, П. А. Осиповой, ко вторым — детей и жены поэта, Александры Николаевны, С. И. де Местр. Все рисунки объединяет живость и непосредственность восприятия, быстрое одноразовое исполнение, делающие их документальными. Знакомство с рисунками Н. И. Фризенгоф в альбоме Н. Н. Пушкиной помогло установить одну из нитей, соединяющую бродзянские материалы с пушкинскими реликвиями в СССР. О русском периоде жизни де Местров напоминают еще автопортрет Ксавье де Местра и акварельное изображение Наталии Ивановны, хранящиеся в Государственном литературном музее в Москве.

Однако вернемся к рассказу о бродзянских материалах, виденных в Братиславском граде. Открываю третий альбом — в зеленом сафьяновом переплете с узорными тиснениями и с надписью «Album» (30×22 см). Передо мною рисованные портреты (всего 28), исполненные племянником второго мужа Н. Н. Пушкиной — Н. П. Ланским, военным по профессии и талантливым художником-любителем по

призванию, о работах которого положительно отзывался Айвазовский. Большинство рисунков альбома относится к 1851—1852 годам, т. е. времени предполагавшегося отъезда Александры Николаевны за границу. Возможно, по ее просьбе, как напоминание о близких, которое она хотела иметь вдали от родины, и создавался этот альбом. В него вошли портреты всех четверых детей Пушкина (сын Александр в мундире корнета конной лейб-гвардии, Григорий в форме учащегося Пажеского корпуса, дочери в нарядных платьях), их матери (она еще очень привлекательна), всех трех братьев Гончаровых — Дмитрия, Ивана и Сергея (последнего, младшего из них, особенно любила за его доброту и веселый нрав Наталия Николаевна), Петра Петровича и Павла Петровича Ланских, де Местра, П. А. Вяземского (в отличие от других рисунков, сделанных с натуры, этот является хорошей копией с портрета поэта, выполненного Т. Райтом в 1844 году и находившегося первоначально в альбоме Н. Н. Пушкиной), родственницы жены поэта графини Ю. П. Строгановой, Густава и Грегора Фризшгофов (эти портреты были сделаны позже, во время встречи в Вене в 1857 году) и ряд других. Среди этих «других» специального внимания заслуживает портрет Софьи Бибиковой, дочери декабриста Никиты Муравьева, хорошего знакомого Пушкина, одного из руководителей Северного общества, автора «Конституции Российского государства». Она была первым ребенком, появившимся в Читинском остроге среди осужденных и отправленных в Сибирь участников восстания. Ссылные декабристы очень любили ее и ласково называли Нонушка⁹⁷. На портрете Софья Бибикова заметно похожа на свою мать А. Г. Муравьеву (Чернышеву), одну из героических русских женщин, с которой Пушкин передал в Сибирь свое поэтическое послание к лицейскому другу декабристу И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный»). Рано потеряв мать и затем отца, дочь Муравьева осталась на всю жизнь верна памяти о них. Впоследствии ее дом в Москве стал своеобразным клубом и музеем декабристов, который посещали многие из них после возвращения из ссылки. Как удалось позже выяснить при знакомстве с архивом Муравьевых, Бибикова встречалась с Ланскими, была знакома с Гоголем. Из рисованных Н. П. Ланским портретов упомянем еще два — Н. А. Орлова и П. Д. Бутурлина⁹⁸, которых детьми знал Пушкин. Долго я рассматривал альбом с рисунками Н. П. Ланского. И хотя уже знал некоторые из них по фото-

копиям, все же было крайне интересно увидеть оригиналы. Черно-белые репродукции не отразили третьего, розового цвета, который использовал Н. П. Ланской в некоторых портретах, что придало им живость и особое своеобразие, свойственное принятой в середине XIX века манере рисовать.

Следующими оказались два альбома с гербариями. На первом из них (28×21 см), черном, вытеснены золотые инициалы «NI» (Наталья Ивановна). В нем — засушенные цветы и травы с пометками «Гейдельберг, 1826», «Пииза, 1828», «Неаполь, 1830» и т. д. Этот альбом начал заполняться в ту пору, когда Наталья Ивановна еще не была замужем за Фризенгофом (свадьба состоялась в 1836 году). Самая ранняя дата в записях — 1824, самая поздняя — 1838. В подписях под растениями, кроме места сбора, как правило, указывается, кто и с кем их собирал. Второй, темно-синий альбом (23×31 см), с узорным тиснением на обложке, с золотым обрезом, заполнялся в 1838—1846 годы. В эти годы Фризенгофы были не только в Париже, Вене и других европейских городах, но и в России (1839—1841). Просматриваю альбом с особым вниманием. И вот перед глазами лист растений, собранных в 1839 году в Петербурге, а далее — три листа с датой 1841, на которых читаю знакомые названия «Михайловское», «Тригорское», «Остров», (город неподалеку от Пскова, где не раз бывал Пушкин), чаще всего «Михайловское». Невольно на память приходят пушкинские строки:

Цветок засохший, безуханной,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою страпной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весной?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?..

В данном случае на все эти вопросы благодаря аккуратности владелицы альбома ответить оказалось просто. Образцы флоры из пушкинских мест собирались в промежутке между 15 августа и 7 сентября 1841 года по новому стилю, что позволяет судить о времени пребывания Фризенгофов в Михайловском⁹⁹. На одном из листов помечено, что гербарий собирали все четверо детей Пушкина и их мать, на другом указаны имена Наталии Николаевны и ее младшей дочери,

на третьем — Александра Гончарова, Анна Вульф и Густав Фризенгоф. Итак, рассказ о растениях, собранных в Михайловском, подтвердился. Наталия Ивановна собирала свои гербарии не как ботаник, хотя они и могут быть интересны с этой точки зрения. Для нее это было просто приятное светское развлечение. Она составляла из засушенных растений красивые композиции и потом, глядя на них, очевидно, вспоминала те места, которые посещала, и тех людей, с которыми сводила ее судьба.

Трудно передать чувство, испытанное мной, когда я разглядывал росшие более ста лет назад в Михайловском травы, находясь в Братиславском граде. В памяти вставали картины полей и лугов, которые так любил Пушкин. И думалось: как причудливы и необычны порою бывают судьбы людей и их вещей. Кто бы мог предвидеть, что михайловские травы, побывав в Петербурге и городах Европы, пролежав десятки лет на полках бродзянской библиотеки, вдруг окажутся на берегах Дуная в ультрасовременной комнате совсем недавно, во второй половине XX века, реставрированного замка времен Марии Терезии. Разными путями передается информация из века XIX в век XX. По листам альбомов-гербариев Н. И. Фризенгоф можно установить передвижение семьи де Местра за границей, последовательность переездов Фризенгофов¹⁰⁰. Заслуживает внимания и еще одно обстоятельство. До сих пор известны две даты заграничных поездок Наталии Николаевны — 1851 и 1861—1863 годы. На одном из листов альбома-гербария с пометкой «Вена, 1844» значатся имена: «Густав, Григорий, Мария Пушкина, Натали». Что означает эта запись, о какой «Натали» (Наталии Николаевне, младшей дочери Пушкина или же владелице альбома) идет речь? Пока ответить на этот вопрос трудно. Вряд ли только это была Наталия Николаевна, которая в 1844 году вторично выходила замуж и была не вполне здорова. Бесспорно лишь то, что в Вене и, может быть, в Бродзянах тогда была старшая дочь Пушкина, а возможно, и младшая (своего имени Наталия Ивановна в альбоме обычно не указывала). Не все ясно и с именем Григория. Сын Фризенгофов Григорий в ту пору был очень мал. Не подразумевается ли здесь Григорий Пушкин?

По определению, сделанному в отделе флоры СССР Главного ботанического сада АН СССР, кроме распространенных в Псковской области и в наши дни обычных диких растений (вереска, тысячелистника и др.), на михайловс-

ких листах гербария есть листья и цветы культурных сложноцветных — космоса, кореопсиса, гайлардии, а также петунии. Такие цветы культивировались в псковских усадьбах во времена Пушкина. В этом отношении русские листы гербария в какой-то мере могут быть полезны для придания культурной флоре в Пушкинском заповеднике, в частности цветникам в Михайловском и Тригорском, а теперь и Петровском, исторической достоверности.

Наконец, в моих руках кожаный светло-коричневый альбом семейных фотографий Александры Николаевны с ее инициалами «А. Ф.» (Александра Фризенгоф) и баронской короной (26×17 см). С тревогой и беспокойством гляжу я на него. Что скрывают за собой эти сафьяновые корки? Неужели в нем не окажется ничего нового, интересного? Оказалось. Уже на четвертой странице вижу фотографии Григория и Марии Пушкиных. Кроме них, в альбоме нашлось еще два снимка детей Пушкина (Александра и Натали), несколько поздних фотографий Наталии Николаевны, множество изображений Александры Николаевны и членов семьи Фризенгофов, портреты поэта П. А. Вяземского и его жены, Петра Ланского, мужа старшей дочери Пушкина Л. Н. Гартунга, трагическая кончина которого нашла отражение в одной из сцен «Живого труп» Толстого (самоубийство Федора Протасова), Сергея Гончарова, Юлии Строгановой, находившейся вместе с В. Ф. Вяземской в доме А. С. Пушкина, когда он умирал, родственника сестер Гончаровых — Григория Строганова, Н. В. Карамзиной (урожденной Оболенской, жены Ал. Н. Карамзина), племянницы П. А. Вяземского — Лизы Карамзиной, близких друзей Пушкина — князя П. И. Мещерского и его жены Е. Н. Мещерской (урожденной Карамзиной), которые также постоянно были в его квартире после дуэли, М. А. Голицыной, настоятеля посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского, известного своей посреднической ролью в культурном и научном обмене между Россией и славянскими народами Австрии и Австро-Венгрии¹⁰¹. Опознание фотографий облегчало то, что все они аннотированы. В конце альбома есть перечень лиц, изображенных на каждой из пятидесяти его страниц. Кроме того, под многими фотографиями имеются подписи-автографы: очевидно, Александра Николаевна специально просила их делать своих родственников и знакомых. В ряде случаев подписи-автографы наклеены: как можно предполагать, хозяйка альбома вырезала их из писем. Когда автографов под фотографиями нет, их заменяет простая ка-

рандашная надпись. Многие фотографии имеют даты, которые показывают, что альбом составлялся в начале 60-х годов.

Мы назвали лишь часть лиц, представленных в альбоме. Помимо перечисленных, не говоря уже о значительном числе людей с иностранными, венгерскими, немецкими и другими, часто титулованными, фамилиями, в нем есть фотографии многих Ланских (детей Наталии Николаевны от второго брака и родственников), многих Гончаровых (членов семей братьев). Немало фотографий и тех, чьи имена относились к петербургскому свету, с которым соприкасалась семья Пушкина (Маврокордато, Конкрини, Львовы, Озеровы, Бибиковы, Протасова, Батюшкова и др.). Но не они все же представляли первоочередной интерес.

Прежде всего, меня, естественно, занимали члены семьи поэта и его близкие друзья. На шестой странице альбома встретилось малоизвестное изображение Наталии Николаевны (в рост, в профиль), относящееся к началу 1860-х годов. В строгом темном платье с приспущенной шалью на плечах она смотрит перед собой задумчиво и как бы отрешенно. Но, забегая вперед, скажу, что еще больше поразила меня другая фотография жены поэта — из пакета с разными портретами. Она сидит с открытой книгой в руках, у нее лицо уставшей, много видевшей и много пережившей, но все еще сохраняющей следы былой красоты женщины. Горечь и какая-то затаенная грусть, как мне показалось, усматриваются в этом лице. Одета Наталия Николаевна во все черное. Это свидетельствует о том, что снимок сделан после 1861 года, когда умер ее отец. После траура по нему Наталия Николаевна уже не одевала светлых платьев. И еще одна мысль мелькнула, когда я вглядывался в ее черты. Этой женщине перед последним отъездом на Кавказ в доме Карамзиных говорил о своей дружбе и преданности М. Ю. Лермонтов. Вспомнилось и о том, что в 1851 году, познакомившись в Вятке с М. Е. Салтыковым-Щедриным, она помогла ему освободиться из ссылки.

На фотографиях Александры Николаевны (их много в ее альбоме) обращает на себя внимание, что ее лицо отмечено решительностью и порой какой-то сумрачной суровостью. Сразу же скажем и о некоторых других ее изображениях. На бывшем в Бродзянах масляном портрете еще русского периода жизни она выглядит довольно привлекательной. Выразительна и впечатляюща фотография Александры Николаевны на склоне лет. Она словно бы успоко-

илась — жизнь прошла, страсти утихли, прожитые в России, да и в Бродзянах годы стали прошлым.

Портретов близких друзей Пушкина П. А. и В. Ф. Вяземских не так много. Поэтому увидеть их было особенно любопытно. На знакомых портретах П. А. Вяземский — аристократ, известный поэт. С фотографии же из альбома Александры Николаевны, к сожалению, сильно выцветшей, смотрит обычный земной, уже немолодой человек. Он снят за работой, с пером в руке. Правда, это далеко не тот Вяземский, которому Пушкин в 1825 году писал из Михайловского:

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не плямятник Анны Львовны,
Покойной тетюшки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый.
Мой дядюшка — не дядя твой;
Но, милый, музы наши — сестры,
И так, ты все же братец мой.

И в то же время это тот человек, который сыграл значительную роль в жизни Пушкина. Фотография В. Ф. Вяземской сохранилась лучше. Она также немолода. С тех дней, когда княгиня Вяземская сидела у постели смертельно раненного поэта, прошло более двадцати лет. Очевидно, обе эти фотографии были подарены Вяземскими Александре Николаевне во время одного из посещений Вены, скорее всего, в 1859 году, может быть, они даже заезжали в Бродзяны.

Особенно привлекали в альбоме портреты детей Пушкина. Почти все они датированы 1861 годом. Марии в ту пору было 29 лет, Александру — 28, Григорию — 26 и Натальи — 25. Такими их еще никто не видел. Не буду делиться своими впечатлениями от знакомства с фотографиями детей поэта. Они могут быть субъективными. Скажу только, что в каждом из портретов мне виделись живые черты и черточки Пушкина. Детям Пушкина перед его смертью было от одного до пяти лет. На рисунках Н. И. Фризенгоф им от 5 до 9 лет, а на портретах Н. П. Ланского — от 16 до 20. В альбоме Александры Николаевны мы видим их в расцвете сил, вполне взрослыми. Каковы их судьбы?

Старший сын — Александр Александрович (1833—1914). Это о нем в год его рождения Пушкин писал из Болдина: «...а каков Сашка рыжий? Да и в кого-то он рыж? Не ожидал я этого от него...» В другом письме к жене (апрель 1834) читаем: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить

с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещегооляет, а плетью обуха не перешибет». В этом отрывке — намеки на умершего Александра I и в то время престолонаследника Александра II. Когда первому сыну исполнился год, Пушкин, словно бы предчувствуя грядущую трагедию, пишет Наталии Николаевне: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25, а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута, и что их маменька ужас как мила была на Аничковых балах». В письмах Пушкина 30-х годов еще не раз встречается имя его старшего сына. «Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: «Азя! дай мне чаю: я просить не буду», — писал поэт другу П. В. Нащокину, крестному отцу сына (Азя — это Александра Николаевна).

Первому сыну Пушкина было не полных четыре года, когда умер отец, и он сохранил живую память о нем. После окончания в 1851 году Пажеского корпуса, став корнетом, Александр Александрович некоторое время служил в лейб-гвардии конном полку, которым командовал его отчим П. П. Ланской. До 1861 года А. А. Пушкин находился в армии. Затем в чине полковника вышел в отставку (к этому времени и относятся найденные снимки), а в 1867 году снова стал военным. В качестве командира сформированного еще при Петре I 13-го гусарского Нарвского полка он участвовал в русско-турецкой войне 1877/78 года, где показал себя талантливым, честным и смелым военачальником. За личное мужество, проявленное в битве при Туркадере, награжден золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость». А. А. Пушкин дослужился до чина генерал-лейтенанта, был кавалером почти всех русских орденов и в 1890 году «с мундиром и пенсией» окончательно вышел в отставку, после чего руководил коммерческим училищем и являлся председателем Опекунского совета Москвы. В 1911 году получил чин полного генерала. От двух браков у Александра Александровича было 13 детей. Будучи взрослым, как свидетельствуют современники, старший сын поэта, представляясь, нередко шутя говорил: «Александр Александрович Пушкин — самое неудачное произведение Александра Сергеевича Пушкина».

А. А. Пушкину принадлежит особая заслуга в сохранении книг и рукописей отца. В 1860-е годы он вывез в имение жены Ивановское (Бронницкого уезда) долгое время находившуюся в подвалах казарм полка, которым командовал отчим, библиотеку А. С. Пушкина и тем самым спас ее от неминуемой гибели. В 1906 году она была передана Пушкинскому дому. А. А. Пушкину принадлежал весь архив отца. В 1880 году, в связи с открытием памятника поэту, Александр Александрович почти полностью передал архив в Румянцевский музей, за что его избрали почетным членом. Умер А. А. Пушкин в 1914 году в селе Малое Останкино Каширского уезда, неподалеку от которого из-за начавшейся первой мировой войны и был похоронен, хотя хотел быть погребенным в Лопасне, рядом с первой женой (в девичестве С. А. Ланской) и умершими ранее его детьми. В 1963 году, по просьбе родственников, это его желание выполнили, теперь могила А. А. Пушкина находится в Лопасне (г. Чехов).

Вторым сыном и третьим ребенком в семье Пушкина был Григорий Александрович (1835—1905). «Имею честь поздравить Вас со внуком Григорием»,— писал поэт теще в 1835 году. Письмо Пушкина к жене из Москвы от 14 мая 1836 года содержит слова: «...Сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя». Свое имя второй сын поэта получил в честь одного из его предков, казненных за непокорность в смутное время. Восприемником при крещении был поэт В. А. Жуковский. Так же, как и старший брат, Г. А. Пушкин окончил Пажеский корпус (1853) и, так же как он, первое время служил в лейб-гвардии конном полку П. П. Ланского. Позже Григорий Александрович был министерским чиновником, ушел в отставку в 1895 году в ранге статского советника. Более 30 лет прожил Г. А. Пушкин в Михайловском, бережно сохраняя там принадлежавшие отцу вещи; мебель, саблю, портреты, лампу. Когда 5 июля 1895 года буря сломила последнюю из трех пушкинских сосен, упоминаемых в стихотворении «Вновь я посетил...», он дарил своим близким знакомым выпиленные из нее брусочки как память об отце. По свидетельству знавших его, Григорий Александрович писал стихи, но не считал возможным их печатать, внимательно следил за литературой об А. С. Пушкине, имел все существовавшие издания его сочинений. В 1899 году, идя навстречу пожеланиям многих передовых русских ученых и писателей, младший сын поэта продал Михайловское казне, чтобы оно стало обще-

национальным достоянием. Г. А. Пушкин был женат, венчался в Вильнюсе в церкви, где в 1707 году Петр I крестил прадеда Пушкина Ганнибала. Умер Григорий Александрович в селении Маркучай близ Вильнюса и там же похоронен.

Старшая дочь поэта Мария Александровна (1832—1919), крестница своего прадеда А. Н. Гончарова, была первенцем в семье Пушкина и потому он питал к ней особое чувство. «Говорит ли Маша? Ходит ли? что зубки?» — спрашивал поэт жену в одном из писем осенью 1833 года. Два года спустя он пишет ей же из Михайловского: «Прощай, душа: целую ручку у Марии Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя». А вот отрывок из письма А. С. Пушкина В. Ф. Вяземской, написанного вскоре после рождения дочери: «...представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией моей особы». Нельзя не почувствовать здесь за иронией радости отцовства. Есть и еще одно трогательное высказывание Пушкина о первой дочери: «Дочь моя потревожила нас в течение этих пяти или шести дней: полагаю, что у нее прорезываются зубы. До сих пор еще ни одного нет. Как ни говори себе, что это всеобщий жребий, но эти созданныя такие нежные, что невозможно бестрепетно смотреть на их страдания» (письмо к П. А. Осиповой, май 1833 года). Одно из последних упоминаний о дочери Маше содержит письмо Пушкина к Н. И. Гончаровой (14 июля 1835 года), в котором он шутя писал о ее внучке, что она «просится на бал» и, «того и гляди, будет невеста». Во время кончины поэта его старшей дочери было почти пять лет, она лучше других запомнила отца. В 1860 году М. А. Пушкина стала женой генерал-майора Л. Н. Гартунга, ведавшего Тульским коннозаводским округом. Со старшей дочерью поэта, небольшое имение мужа которой находилось близ Тулы, был знаком Л. Н. Толстой, использовавший черты ее внешности при создании образа Анны Карениной. Вот что вспоминает о встрече Л. Н. Толстого и М. А. Гартунг в одном из тульских дворянских домов Т. А. Кузминская: «...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую изящную фигуру... Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»¹⁰². Из Тулы Л. Н. Гартунга перевели в Москву, и он поселил-

ся с Марией Александровной в особняке на Поварской (теперь ул. Воровского, 25^а). В 1877 году, будучи необоснованно обвинен в уничтожении долговых векселей, он, не дожидаясь приговора присяжных, застрелился в комнате для подсудимых, оставив записку: «Клянусь всемогущим богом, я... ничего не похитил и врагам моим прощаю». Это событие, о котором писали многие газеты, стало известно Ф. М. Достоевскому и произвело на него столь же большое впечатление, как и на Л. Н. Толстого. Самоубийству Гартунга Ф. М. Достоевский посвятил целую главу в своем «Дневнике...» за 1877 год (октябрь), где, размышляя о характерах «высшего общества», писал: «Был фатум, случилась трагедия: слепая сила почему-то выбрала одного Гартунга, чтобы наказать его за пороки, столь распространенные в его обществе. Таких, как он, может быть 10 000, но погиб один Гартунг. Невинный и высоко честный этот человек, с своей трагической развязкой, конечно, мог возбудить наибольшую симпатию из всех этих десяти тысяч...»

После кончины мужа Мария Александровна осталась без средств. Некоторое время жила у овдовевшего Александра Александровича, ухаживала за его детьми. Мария Александровна любила музыку и литературу, хорошо знала сочинения отца и охотно говорила о нем с близкими, была почетной попечительницей московской библиотеки-читальни им. А. С. Пушкина, существующей и поныне. Эта «Пушкинская читальня» была открыта в мае 1900 года в Басманной части, в районе, где родился Пушкин, вскоре после того, как было отмечено столетие со дня рождения поэта. Деньги, собранные на организацию библиотеки-читальни в память о высокочтимом ею отце, Мария Александровна, не желая из скромности огласки, передала тайно. Она, единственная из детей поэта, дожила до Великой Октябрьской социалистической революции. Советским правительством, по ходатайству А. В. Луначарского, ей была назначена персональная пенсия. М. А. Гартунг умерла в Москве и похоронена в Донском монастыре¹⁰³.

Вторая дочь Пушкина — Наталия Александровна (1836—1913). О ее рождении поэт писал П. В. Нащокину: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталия Николаевна благополучно родила дочь Наталию за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, все идет хорошо». Наталия Александровна отличалась удивительной

красотой, о чем есть множество свидетельств современников. Она была дважды замужем, имела шестерых детей. Первый брак с М. Л. Дубельтом оказался неудачным. Оставив его в начале 60-х годов, Наталия Александровна уехала к тетке в Бродзяны. Вторым мужем младшей дочери Пушкина в 1868 году стал принц Николай Вильгельм Насауский¹⁰⁴. В качестве его морганатической супруги она получила имя графини Меренберг. В 1876 году Н. А. Меренберг доверила И. С. Тургеневу публикацию писем А. С. Пушкина к Наталии Николаевне, а в 1882 году передала Румянцевскому музею через брата Александра Александровича 62 из 75 имевшихся у нее писем отца. Значительную часть своей жизни младшая дочь поэта, как и ее тетка — Александра Николаевна, провела за границей, так же, как и она, не порывая связей с Россией¹⁰⁵. Жила Наталия Александровна в Висбадене, а затем в Каннах, где и умерла. Не имея права как морганатическая супруга быть похороненной вместе с мужем, она просила после смерти сжечь себя и высыпать пепел на его могилу.

Таков краткий комментарий к портретам детей Пушкина. Все они свято чтят память отца и в целом выполнили свой долг перед ним, сохранив для потомков многие его рукописи и вещи. Приведем еще несколько фактов, характеризующих отношение детей поэта к его памяти. В 1880 году все дети Пушкина съехались в Москву на открытие памятника их отцу и первыми возложили венок к его подножию. Тогда на одном из торжественных обедов в их честь был произнесен тост, к которому присоединились Тургенев, Достоевский, Аксаков, Островский и многие другие. В связи с 50-летием со дня смерти Пушкина его старший сын заказал панихиду в Конюшенной церкви, где отпевали отца. На ней присутствовал писатель Гончаров. В 1899 году братья Александр и Григорий Пушкины вместе с другими родственниками приняли участие в возложении на могилу отца серебряного венка.

Пушкин был заботливым и любящим отцом. Кажется, нет у него такого письма к жене, где бы он не спрашивал о детях, не благословлял их, не беспокоился об их здоровье и воспитании. Незадолго до своей дуэли поэт писал отцу, Сергею Львовичу: «Павлищев (муж сестры Пушкина. — Л. К.) упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни за чей счет и не обязан отчетом никому, кроме детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче его сына: не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет».

Вот еще один характерный отрывок из письма к Нащокину: «...Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться». Какие простые человеческие слова. Пушкин не увидел своих детей такими, какими они предстают с рисунков и фотографий. Но он постоянно думал об их будущем, видя в них, как и в делах своих, продолжение жизни¹⁰⁶.

К настоящему времени в общей сложности учтено 37 правнуков, 46 праправнуков, 57 прапраправнуков и 49 прапрапраправнуков поэта. Большинство из них здоровы. Часть потомков Пушкина живет за границей (во Франции, на Гавайских островах, в Канаде, Италии, Швейцарии, США, Бельгии, Марокко, ФРГ, Англии, Аргентине). Многие находятся в СССР (в Москве, Полтаве, Тбилиси, Архангельске, Коростене, Горьком, Иркутске, Мичуринске, Воронеже, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Ленинграде, Клину). Среди советских Пушкиных немало участников Отечественной войны. Один из внуков поэта был командиром Красной Армии и участвовал в гражданской войне. Есть в числе потомков поэта оперные певцы, школьные учителя, военные, библиотекари, историки, ученые, преподаватели вузов, работники госстраха, полиграфии, художники, шоферы, инженеры. Все они проявляют себя как ревностные хранители пушкинской семейной традиции, в меру сил своих способствовали и способствуют распространению знаний о жизни и творчестве своего великого предка. Нередко представители пушкинского племени были людьми художественно и музыкально одаренными, некоторые из них писали стихи, которые, правда, памятуя о словах Александра Александровича: «Что можно написать после Пушкина?!», никогда не печатали.

Расскажем несколько подробнее еще о двух женских фотографиях из альбома с инициалами «А. Е.». На одной из них запечатлена внучка Суворова — М. А. Голицына (1802—1870). Пушкин познакомился с ней в Петербурге после окончания Лицея. Затем судьба снова свела его с этой женщиной в Одессе в 1823—1824 годах, где, по свидетельству будущей жены Дельвига (С. М. Салтыковой), он был «занят» ею и писал о ней «много стихов». К тому времени и относится посвященное Пушкиным М. А. Голицыной стихотворение «Давно об ней воспоминаье...», опубликованное в 1830 году с пометкой «1823 года Одесса». Восемь начальных строк этого стихотворения:

Давно об ней воспоминанье
Храню в сердечной глубине;
Ее минутное внимание
Отрадой долго было мне.

Твержу я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой.
Так мило сю повторенный,
Замеченный ее душой

Пушкин впоследствии, очевидно в 1828 году, собственноручно вписал в альбом М. А. Голицыной. Именно тогда он встречал ее в Петербурге у В. П. Голицына и в доме Лавалей, где читал «Бориса Годунова». Однако полный текст стихотворения, по-видимому, был у М. А. Голицыной с самого начала, т. к. еще в марте 1825 года поэт писал брату: «Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми их от нее». Как показывает содержание приведенных строк и всего стихотворения, с внучкой Суворова поэт связывали добрые дружеские отношения. На фотографии М. А. Голицыной далеко за пятьдесят, она еще миловидна и женственна, у нее немного грустное и задумчивое лицо. Годы, конечно, сказались на ее внешности, но не настолько, чтобы нельзя было представить себе, как она выглядела в пору знакомства с Пушкиным.

Большая дружба связывала Пушкина с Е. Н. Мещерской (1806—1867). Поэт часто встречался с нею в одной из самых дорогих для себя петербургских семей, в семье Н. М. и Е. А. Карамзиных, а также у ее дяди, П. А. Вяземского, и в ее собственном доме. Незадолго до замужества Е. Н. Карамзиной, в день ее именин 24 ноября 1827 года Пушкин вписал в альбом своей приятельницы стихи «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной»:

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

Стихотворение хорошо передает настроение Пушкина после ссылки, после расправы над декабристами. Владелице альбома безусловно было понятно содержание «Акафиста...», о каком пловец в нем идет речь.

Е. Н. Мещерская оставила одно из самых правдивых и значительных письменных свидетельств о гибели Пушкина. В феврале 1837 года, в день отъезда семьи Пушкина из Петербурга, она писала своей золовке М. И. Мещерской, будущей жене И. Н. Гончарова: «Мы были так жестоко потрясены кровавым событием, положившим конец славному поприщу Пушкина, что дней десять или недели две буквально не могли опомниться и ни умом, ни сердцем не были доступны ничему, кроме мысли о нравственных муках, предшествовавших катастрофе, кроме чувств удивления, грусти и скорби...» И далее: «В течение трех дней, в которые тело его оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба... Я все это время была у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому, что печальная судьба этой молодой женщины в полной мере заслуживает участия»¹⁰⁷.

На фотографии мы видим Е. Н. Мещерскую (она стоит справа, слева сидит ее сестра — Елизавета Карамзина) более чем через двадцать лет после кончины Пушкина. Тем не менее снимок дает представление о женщине, так глубоко переживавшей кончину поэта. Кажется, что эта фотография более точно и полно передает облик Е. Н. Мещерской, нежели ее парадный портрет, хранящийся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Завершая рассказ об альбоме с монограммой «А. Ф.», хочется сказать и об одной фотографии, на которой изображены две иностранки. Одна из них, слева в белом платье, сравнительно молода, лет сорока, вторая, в черном, преклонного возраста. В левом нижнем углу фотографии автограф: «Minona Stakelberg». В обратном прочтении имя Minona образует слово Anonim. По словам словацких историков, женщина в белом — Минона Штакельберг — внебрачная дочь Бетховена. Не берусь судить об этом, но что-то общее с композитором в овале лица у нее, может быть, и есть¹⁰⁸.

Помимо альбомов, я видел в Братиславском граде один из акварельных портретов Наталии Николаевны (20,5 × 26,5 см) работы Гау (1842)¹⁰⁹, пакет с фотографиями Ланских, Араповой, дочери Александры Николаевны и ее мужа, несколько разрозненных фотографий и небольшой дагерротип (9 × 13 см) самой А. Н. Фризенгоф (о них уже шла речь), а также снимки всех детей поэта и Наталии Николаевны. Есть еще в обнаруженной части архива Александры Нико-

лаевны портреты ее отца, матери, Афанасия Гончарова, виды Полотняного завода, старинные гравюры Москвы и Петербурга. Из рукописей нашлось только письмо Александра Александровича к Густаву Фризенгофу, касающееся раздела имущества Гончаровых. Из бродзянских реликвий уцелел также принадлежавший Александре Николаевне «Географический атлас Российской империи, царства польского и великого княжества финляндского. Расположенный по губерниям на 83 листах... Начат в 1820, окончен в 1827, вновь исправлен в 1833 году»¹¹⁰. Эту книгу мог держать в руках и Пушкин. И последнее, что запомнилось, — пакет с экслибрисами Н. Ольденбург.

Я выходил из ворот Братиславского замка, когда солнце уже клонилось к закату. Продолжая думать о виденном, долго стоял у парапета смотровой площадки холма, на котором находится град. Внизу слева раскинулась величественная панорама долины Дуная, реки, название которой так часто встречается в сочинениях Пушкина. В стихотворении «К Овидию» поэт писал:

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал:
И ни единый друг мне в мире не внимал...

А в другой стороне, правее, на пути в Брно, не так далеко находится Славков (Аустерлиц), где произошла знаменитая битва, о которой также не раз вспоминал и писал поэт. Надо заметить, что Пушкин располагал определенными сведениями о словаках. В его библиотеке имелся сборник словацких народных песен, изданный Срезневским в 1832 году в Харькове. С некоторыми из этих песен, как предполагают исследователи, связана творческая история таких произведений Пушкина, как «Русалка» и «Гусар». Пушкину посылал свои книги известный словацкий и чешский ученый-славист и культурный деятель Павел Йозеф Шафарик. По видимому, Пушкин был знаком с французским переводом сонета выдающегося словацкого и чешского поэта Яна Коллара о славянских девах из поэмы «Дочь Славы». Не исключено, что реминисценциями из этого сонета являются отдельные строки стихотворения «Клеветникам России». Одна из песен цикла «Песни западных славян» в черновике называлась «Конь словака». Как видим, муза Пушкина залетала и на словацкую землю. Но мог ли поэт предполагать, что портреты близких и дорогих ему людей окажутся здесь,

в Словакии?! Мог ли он подумать, что его жена и дети будут часто посещать Словакию, что их пребывание в Бродзянах станет одним из решающих доводов в пользу того, чтобы создать там музей?! Да, непосредственно о Бродзянах Пушкин, конечно, не думал. Но разве не относятся и к ним строки из его «Памятника»:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Разве не касаются оказавшихся в Бродзянах портретов детей и близких Пушкина сказанные им еще в 20-е годы слова: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие... Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»

Будучи в Словакии в 1974 году, я узнал, что имущество из опустевших дворянских усадеб в 40-е годы свозили в замок Червены Камен, где сейчас музей мебели. В одном из документов музея нашлось подтверждение, что какие-то вещи из Бродзян туда действительно были перевезены. Но с тех пор прошло более 20 лет. Что это за вещи и где они, предстояло выяснить. Обнаружить книги с экслибрисом Н. Ольденбург при беглом осмотре переполненного книгохранилища замка Червены Камен тогда не удалось. Но посещение замка породило надежду найти там что-то из бродзянских материалов. Сведения о Червеном Камне, которыми я поделился с коллегами из Словацкого национального музея, живо заинтересовали их. С начала 70-х годов они также активно включились в поиски архивного наследия А. Н. Фризенгоф.

В 1974 году не было возможности побывать в Бродзянах. Второе свидание с ними состоялось, как я уже писал, лишь через десять лет после первого, в сентябре 1977 года. К этому времени произошло много отрадных перемен. Было принято решение открыть в Бродзянах музей А. С. Пушкина с мемориальными комнатами свояченицы поэта, специальным пушкинским салоном и большой экспозицией, посвященной истории словацко-русских и словацко-советских литературных отношений. Старое здание замка чудесно преобразилось: оно стояло в лесах, его начали реставрировать. Вокруг парка выросла новая ограда.

Подъезжая к Бродзянам, я с тревогой думал, не исчезла ли дверь¹¹¹ с отметками роста жены и детей Пушкина. Нет, не исчезла, ее сберегли, и на сей раз удалось сделать необходимые замеры. Они показали, что Наталия Николаевна для своего времени была женщиной довольно высокой — 173 см. Рост Пушкина, по свидетельству художника Г. Чернецова, был 2 аршина и 5,5 вершка, т. е. около 166 см. Отметки на двери позволили судить и о росте детей поэта — Н. А. Дубельт (173 см) и А. А. Пушкина (174 см). Между прочим, из надписи на двери выяснилось, что младшая дочь Пушкина помимо 1862 года была в Бродзянах еще в 1858 году, а ее старший брат посещал их в 1858 и 1868 годах, что Н. Н. и П. П. Ланские, по-видимому, по дороге в Россию заезжали к Александре Николаевне в 1863 году¹¹².

За прошедшее с 1974 года время словацкие коллеги существенно продвинулись в поисках вещей из Бродзян. С радостью узнал я от сотрудницы Исторического института Словацкого национального музея С. Поляковой о том, что найдены хорошо сохранившиеся масляные портреты Густава Фризенгофа (работы Н. Ольденбург) и его первой жены, акварельный портрет Ивана Гончарова (23×29 см)¹¹³, исполненный модным в свое время в Петербурге и Москве художником К. Гампельном¹¹⁴. Все они долгие годы находились у родственников Грегора Фризенгофа в Шимонованах. В Червеном Камне обнаружались иностранные книги с экслибрисами Н. Ольденбург и большой (62×44 см) коричневый с кожаным корешком и уголками (позже я видел его) альбом с вытесненной баронской короной. По всей видимости, он принадлежал Александре Николаевне, поскольку в ряде мест содержит ее пометки. Этот альбом состоит из тонких серых листов с разными наклейками. Часть наклеек составляют виды европейских городов (Антверпен, Ватерлоо, Париж, Лондон) и модных курортов, рисунки (цветное изображение маленькой дочери Александры Николаевны, карандашная зарисовка Бродзян), фотографии (есть снимок А. Н. Фризенгоф). Интересно, что среди разного рода таких вклеек есть портрет Гарибальди и литография с надписью «Провозглашение конституции 15 марта 1848 года». Очевидно, хозяйка Бродзян не была совсем безразлична и к политической жизни Европы. Другая часть наклеек — это визитные карточки, судя по которым альбом составлялся в 1873, 1874 и 1875 годах. На них довольно много русских имен (Конкрина, Черткова, Новосильцева, Виноградского, В. А. Неверовского, Павла Ланского, Бибиковой, Но-

виковой, Полянской). К сожалению, многие из примерно 100 листов альбома оказались пусты, наклейки с них исчезли.

Большой удачей С. Поляковой явилось обнаружение нот Александры Николаевны, которые ее дочь в 30-е годы подарила словацкому мальчику-пианисту. На одних нотах стоит подпись А. Фризенгоф, на других — А. Гончарова. Последние относятся к русскому периоду ее жизни. Это — «Сборник галопов, маршей, мазурок, полек...» Гунгла, «Большой концерт для фортепьяно с оркестром» Герца, «Новые вариации на тему Фиане Обера» Майера, учителя композитора Глинки, и «Большой вальс» Шопена. Позже среди нот Александры Николаевны, относящихся к русскому периоду ее жизни, удалось найти еще «Опус 202» Черни и «Композицию на тему из оперы Моцарта «Дон Жуан»; эти ноты, как и все другие, подписаны латинскими буквами, в одном случае «А. Gontcharoff», в другом — «А.Г.». Какое-то из этих произведений в исполнении Александры Николаевны мог слышать Пушкин. Ведь, живя в его семье, она нередко музицировала.

Существенно пополнилась словацкая Пушкиниана в 1978 году в ходе подготовки экспозиции музея А. С. Пушкина, возложенной Министерством культуры Словакии на Литературно-музейное отделение Матицы словацкой. Летом 1978 года я был приглашен в Словакию для консультаций и содействия в создании пушкинской экспозиции будущего музея в Бродзянах. В поисках новых материалов вместе с сотрудником Матицы И. Седлаком мы тогда не раз побывали в Бродзянах, Красно, Шимонованах и других местах Словакии. Эти поездки не были бесплодными, чему немало помогли А. М. Игумнова, жители Бродзян Й. Самелова и Й. Кубини, а также организатор небольшого музея в Красно Й. Шарина.

В Бродзянах отыскалось несколько семейных альбомов с фотографиями Густава и А. Н. Фризенгоф, старшего сына Пушкина, а также Наталии Ольденбург, которой они, видимо, и принадлежали. Там же нам Й. Самелова показала портрет дочери Александры Николаевны, написанный в 1921 году художником Максом Шурманом, а также некоторые работы самой герцогини («Голова собаки», «Замок Вавилон»). Й. Самелова сберегла и весьма любопытную фотокопию с акварельного портрета Александры Николаевны, сделанного Гау в 1839 году (дагерротип с этого портрета я видел в Братиславском музее, но там отсутствовали дата и подпись и не было видно, что это пересъемка с акварели). Подлин-

ник акварельного портрета висел в замке рядом с акварельным портретом Наталии Николаевны, который исполнил тот же художник в 1842 году. Заслуживает упоминания еще одна групповая фотография, сделанная в 1861 году в Швальбахе, на которой сняты Александра Николаевна с дочерью и Наталия Николаевна с детьми от второго брака. Нашлись в Бродзянах и бытовые предметы из замка, представляющие музейный интерес, — личные вещи его обитателей, фарфор, мебель, часы и др. У одной из местных жительниц сохранилось официальное разрешение фрейлине Гончаровой на брак с Фризенгофом¹¹⁵.

Кладом для музейной экспозиции оказалась коллекция разного рода предметов из дома Грегора Фризенгофа, собранная и сбереженная Й. Шариной. В одном из многих альбомов Грегора Фризенгофа мне посчастливилось найти новую неизвестную фотографию младшей дочери Пушкина, видимо, она дружила со своим троюродным братом. В Красно обнаружилось и много других вещей, связанных с Бродзянами, в частности портрет еще молодой Александры Николаевны (конец 40-х — начало 50-х годов), портреты ее мужа, дочери, много альбомов с фотографиями Фризенгофов, портреты Грегора, зарисовки Бродзян, по-видимому, сделанные Наталией Ольденбург, ее же картины маслом с изображением щенят в корзине, гравированный портрет фаворита Екатерины II — Г. Орлова и, наконец, много старинной мебели (столы, кресла, шкафы). Еще совсем недавно в Красно находилось письмо посольского священника в Вене М. Ф. Раевского к Грегору Фризенгофу с вопросами о пушкинских материалах в Бродзянах, из чего следует, что ими интересовались еще в XIX веке. К сожалению, найти это письмо не удалось¹¹⁶.

Сотрудники краеведческого музея в Топольчанах также показали нам несколько вещей из Бродзян, попавших к ним. Среди них привлекли внимание фотографический профильный портрет Александры Николаевны в глубокой старости и портрет словацкого крестьянина, жителя Бродзян, написанный Наталией Ольденбург в 1915 году.

Однажды по дороге из Мартина в Бродзяны мы заехали в Шимонованы, где на втором этаже небольшого пустующего замка, разгребая в углу у печки груды старых бумаг и книг, я увидел вдруг на полу часть лица, а потом и весь большой портрет Наталии Ольденбург в подвенечном платье. Теперь он вернулся в Бродзяны.

Были мы в 1978 году и в других местах, куда вели

нити поиска бродзянских реликвий. Двигаясь по их следам, встречались и с удачами, и с неудачами, но первых было больше, потому что все, к кому мы обращались, кто хоть как-то мог помочь в поисках, охотно делали это. Конечно, из того, что представляет культурно-историческую ценность, обнаружено не все (из 8 альбомов де Местра, если они были, пока нашелся только один, неизвестно, где все русские книги из бродзянской библиотеки, где висевшие в замке портреты Жуковского, Карамзина, бывшая там групповая фотография, изображающая Александру Николаевну и Наталию Николаевну со всеми ее детьми на фоне книжного шкафа, портрет Александры Николаевны, написанный ее дочерью, барельеф П. Мещерского с пометкой «Рим. MDCCCXXXV» и некоторые другие вещи Александры Николаевны, пока остается загадкой вторая передаточная ведомость материалов из университета и т. д.). Бродзянский архив лишь отчасти приоткрыл нам свои тайны. Поиски должны продолжаться, продолжают и, конечно, будут продолжаться¹¹⁷.

Однако в целом коллективный поиск связанных с Пушкиным бродзянских материалов оказался успешным. В настоящее время можно сказать, что благодаря ему многие из этих материалов обнаружены и стали доступны исследователям, а с открытием музея А. С. Пушкина большую часть их могут увидеть все, кто хранит память о великом русском поэте, кому дорого его творчество и все, что так или иначе с ним связано.

Удивительны и необычны порою судьбы рукописей, книг, картин, фотографий, представляющих научную и культурно-историческую ценность. Они путешествуют из страны в страну, из города в город, переходят из рук в руки, появляются в поле зрения исследователей и исчезают, чтобы когда-нибудь их снова могли найти и обстоятельно изучить. Так было и с бродзянскими материалами, которые существенно обогатили нас сведениями о Пушкине и его ближайшем окружении. И прав был Гете, когда писал: «У книг тоже есть свое пережитое». Есть «свое пережитое» и у рукописей, портретов, старинных фотографий из Бродзян, позволяющих нам яснее и четче увидеть жизнь и дела человека, чье творчество принадлежит к высочайшим достижениям мировой культуры. Большинство из них вновь возвратилось в замок А. Н. Фризенгоф, где размещен Литературный музей А. С. Пушкина. Долгие годы существовавший вокруг бродзянских материалов загадочный туман во многом рассеялся.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мы пытались рассказать о культурном наследии Бродзян, о живших там людях, об оставленных ими рукописных и иконографических ценностях, о судьбе бродзянских архивных материалов и их научно-историческом значении, которое прежде всего определяется отношением к Пушкину. И не беда, что бродзянские реликвии приближают нас к поэту как бы ретроспективно. Немые свидетели давно минувших дней, они по-своему характеризуют жизнь, мысли и чувства многих из тех, кто был близок Пушкину, и уже тем самым помогают глубже проникнуть в атмосферу пушкинской эпохи, полнее постичь самого поэта.

Однако значение словацкой Пушкинианы много шире. Благодаря ей, глядя сквозь призму времени на Пушкина, мы также расширяем и наши представления о его воздействии на культурную жизнь в прошлом и настоящем. Лучшее подтверждение этому — множество статей о бродзянских материалах, появившихся в послевоенные годы и ставших заметным явлением современной культурной жизни.

Когда мы в XX веке читаем стихотворения Пушкина, посвященные друзьям и знакомым, встречаемся с его многочисленными эпистолярными и дневниковыми их характеристиками или же знакомимся с воспоминаниями современников о нем, то всегда хочется зрительно представить этих людей, соотнести их внешность с тем, что о них написано или что они пишут сами. Нередко такие сопоставления приоткрывают какие-то новые, до того не замеченные черты духовного облика тех, кто интересовал поэта, кто знал его и вспоминал о нем. Одновременно это позволяет лучше понять наследие Пушкина. В ряде случаев бродзянские портреты делают возможными такого рода сопоставления.

И еще одно существенное обстоятельство, на которое стоит обратить внимание. Культурно-историческое значение предметов из Бродзянского замка не только в них самих, хотя они и несомненно ценны. Обнаруженные рукописи, портреты, фотографии и предметы ушедшего быта очень важны для нас еще и как материальное воплощение скрытых временем глубинных связей между людьми, событиями и явлениями культурной жизни прошлого. «Культура есть благо незримое, потому что она основана не на вещах, а на незримых связях, соединяющих их друг с другом так, а не иначе»¹¹⁸, — писал А. Сент-Экзюпери. В свете этих слов не следует рассматривать бродзянские реликвии лишь в каче-

стве простых носителей бесстрастной информации. В них таится и огромный эмоциональный заряд, помогающий нашему воображению, преодолевая пространство и время, перенестись в тот далекий мир, где жил и творил Пушкин, мысленно оказаться рядом с ним и его современниками. Словацкая Пушкиниана, открывая неведомое, дает нам живое представление о тех «незримых связях», которые «так, а не иначе» соединили Бродзяны с Петербургом, Москвой, Михайловским, Яропольцем и Полотняным заводом. В исторической перспективе объективно эти связи составили одну из ярких страниц словацко-русских культурных отношений.

Когда-то поэт Н. М. Языков, близко знавший Пушкина, назвал его «пророком изящного», а известный литературный критик А. А. Григорьев сказал о нем: «Пушкин — наше все». Велико значение поэта и для наших дней. Без него нельзя представить себе современную культурную жизнь. В отдаленное прошлое уходит пушкинская эпоха, но не угасает любовь к самому поэту. Напротив, с годами она разрастается, ширится и крепнет. М. Горький видел в Пушкине «гиганта» — «самое полное выражение духовных сил России», а А. Фадеев характеризовал его как «светлый и всеобъемлющий гений». «Пушкин — певец свободы, обличитель тирании, великий патриот и провозвестник светлого будущего для своего народа»¹¹⁹ — эти слова принадлежат Александру Твардовскому. Но Пушкин дорог и близок не только советским людям, он уже давно стал достоянием мировой культуры. Еще в 1837 году, откликаясь на смерть Пушкина, крупный словацкий поэт и общественный деятель Людовит Штур писал:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звон его лютни на вольных просторах

славянства¹²⁰

А сто лет спустя, в 1937 году, Зденек Неядлы скажет: «Образ Пушкина предстает передо мной иначе, чем четверть столетия назад... Это уже не просто лирик, а гений безграничных возможностей, многогранный до необъятности, такой силы, которой обладают лишь великие борцы, — таким встает сегодня передо мной этот новый Пушкин. И поэтому он поэт новой, советской культуры. Он не только символ и живой элемент этой молодой, новой, свежей, радостной культуры. Он ее самый великий и самый любимый поэт»¹²¹.

Если говорить о поклонниках русского поэта в Чехии и Словакии, то это — Коллар, Челаковский, Коубек, Чех, Врхлицкий, Таборский, Гора, Кржичка, Сладкович, Штур, Ваянский, Гвездослав, Есенский, Крчмеры, Новомеский и многие другие. И не случайно в Праге в 1937 и 1949 годах вышли сборники «Вечный Пушкин» и «Наш Пушкин»¹²², а в 1947 и 1966 годах в Братиславе книги Р. Бртаня и Э. Пановой, посвященные теме «Пушкин в словацкой литературе»¹²³. Творчество Пушкина неотъемлемо от современной чешской и словацкой культуры, и это также объясняет большой интерес чехословацкой общественности к бродзянским находкам.

С открытием в Бродзянах Литературного музея А. С. Пушкина значение слов «бродзянское культурное наследие» как бы расширилось, обогатилось новым содержанием, ибо в музее показаны не только пушкинские реликвии, но и материалы, характеризующие многовековую историю словацко-русских и словацко-советских литературных связей, историю плодотворного дружеского культурного сотрудничества братских народов. Такого рода музеев является принципиально новым, он мог возникнуть только в условиях социалистической действительности. Его культурно-познавательное и воспитательное значение трудно переоценить.

Торжественное открытие музея состоялось 15 ноября 1979 года в дни месячника чехословацко-советской дружбы. Экспозиция этого единственного зарубежного музея, носящего имя русского поэта и в значительной мере посвященного ему, которую подготовила Матица словацкая при содействии ряда советских учреждений, своеобразна. Ее составляют 3 раздела.

Центральное место занимает собственно пушкинский раздел (автор экспозиции И. Седлак), размещенный в трех комнатах (142 кв. м) и большом зале (50 кв.м) на втором этаже. В нем две части. Три комнаты замка, где жила Александра Николаевна, отведены под мемориальную экспозицию, дающую представление об укладе ее жизни, вкусах и интересах. Своеобразным прологом к ней является картина известного чешского художника Вацлава Фиалы, на которой Наталия Николаевна и Александра Николаевна изображены в бродзянском парке на фоне замка. Посетители музея видят ее на втором этаже, до входа в комнаты А. Н. Фризенгоф. В самих комнатах многое напоминает о Пушкине. Помимо подлинной мебели и личных вещей Алек-

сандры Николаевны (фарфор, именные печатки и т. д.), в них можно увидеть множество ее альбомов с изображением всех членов семьи Пушкина, его родственников и знакомых, настенные портреты Александры Николаевны, Наталии Николаевны, Карамзина, Вяземского, Жуковского, А. Тургенева, И. Гончарова и др. В книжном шкафу вместо утраченных русских книг, принадлежавших А. Н. Фризенгоф, стоят около 200 дубликатов из оказавшегося в Чехословакии книжного собрания А. Ф. Смирдина. Там же находится ставшая экспонатом дверь с пометками роста жены и детей Пушкина (Александра и Наталии). В одной из мемориальных комнат стоит старинный рояль с нотами Александры Николаевны, вывезенными ею из России и, возможно, бывшими в квартире на Мойке. Заметим, что наряду с принадлежавшими Александре Николаевне вещами в музее экспонируются и редкие предметы русского быта пушкинского времени, подаренные москвичами (старинные складни для фотографий, гребни, пудреницы, флаконы для духов, табакерка, льняная скатерть и т. д.) Можно увидеть и яйцеобразный самовар 20—30-х годов XIX века, долгие годы пролежавший на чердаке одной из сходненских дач.

Специальный пушкинский зал, примыкающий к мемориальным комнатам, посвящен жизни и творчеству поэта и восприятию его произведений в Словакии. В нем много портретов, книг, репродукций рукописей и рисунков Пушкина, иллюстрации к его произведениям, известный бюст поэта работы И. П. Витали (дар Министерства культуры СССР), изображения многих пушкинских мест и т. д.

Однако с открытием в Бродзянах в год 180-летия со дня рождения русского поэта Литературного музея А. С. Пушкина его первые посетители увидели не только пушкинские реликвии. Помимо мемориальных комнат и пушкинского зала, экспозиция включает еще два больших раздела — Словацко-русские литературные связи (девять комнат на первом этаже, 216 кв.м) и Словацкая и советская литература после Октября (семь комнат на втором этаже, 146 кв. м). В них наряду с рукописными изобразительными материалами, характеризующими многовековую историю литературного и культурного сотрудничества братских народов, ставшего особенно плодотворным в послевоенные годы, представлено много разнообразных экспонатов, говорящих о литературных связях и книжном обмене в прошлом и настоящем, о переводах словацких писателей на языки народов СССР, русских и советских писателей — на словацкий, а также труды

словацких ученых о русской и советской литературе и советских — о словацкой¹²⁴.

Таким образом, дань высокого уважения к Пушкину, чьи произведения знали и любили в Чехии и Словакии еще при его жизни, где интерес к его творчеству всегда был и останется необычайно велик, соединилась в бродзянском музее с темой братского взаимообогащающего культурного сотрудничества. И это имеет свою логику. Ведь, как уже отмечалось, Словакия не была для Пушкина одним только отвлеченным географическим понятием, он творчески соприкасался с ее народной словесностью и поэзией. И это уже само по себе является фактом русско-словацких литературных связей.

Создание Литературного музея А. С. Пушкина в Бродзянах — большое и радостное событие в культурной жизни Чехословакии. Оно как бы увенчало собою уходящую в далекое прошлое традицию любви и интереса словаков и чехов к великому русскому поэту. Выступавший 15 ноября 1979 года на торжествах министр культуры Словакии поэт Мирослав Валек, отметив давнюю любовь к Пушкину в его стране, сказал, что открывающийся в дни месячника чехословацко-советской дружбы музей сам является продолжением этой дружбы. А председатель Матицы словацкой писатель Владимир Минач так закончил свою речь на открытии музея и памятника Пушкину в Бродзянах: «Доброе дело осуществилось. Я рад заверить всех присутствующих, что вслед за вами сюда будут приходить тысячи. Ведь доброе дело начинается...» Каких-то других слов для завершения рассказа о судьбе бродзянских реликвий, в истории которых наступил новый период, кажется, и не надо.

Музей живет и действует, набирает силы. В 1982 году его, несмотря на удаленность от Братиславы, посетило 12 тысяч человек, в том числе две тысячи из СССР. Такого большого числа посетителей ни у одного из словацких литературных музеев (а их немало) не было. Теперь посещаемость Литературного музея А. С. Пушкина, наверно, стала еще более внушительной. Да, поистине 15 ноября 1979 года в Бродзянах совершилось доброе дело.

Рукописи
и
портреты
из
Теплицкого замка

азнообразны пути и формы международных культурных связей. Многие из них предопределяются самим ходом исторического развития тех или иных стран и народов, взаимоотношениями между ними, значительными общественными событиями в их жизни. Наличие такого рода связей, даже ничего не зная о них, можно предполагать, поскольку они — неизбежный результат действия закономерностей. Но встречаются в истории культурного общения народов и такие явления, которые не столь легко прогнозировать, так как они возникают вследствие стечения в какой-то мере случайных обстоятельств. Несмотря на свою исключительность и единичность, они иногда также заслуживают внимания исследователей. И, будучи обнаруженными и изученными, порою существенно дополняют общую историческую картину международного культурного обмена, проясняют конкретные исторические события. Об одном таком довольно неожиданном случае скопления в Чехии имеющих отношение к Пушкину русских культурных ценностей, которые попали туда в XIX веке, а привлекли к себе внимание ученых лишь теперь, и пойдет дальше речь.

Это было в октябре 1978 года. Мы выехали утром из Праги, чтобы посетить Теплице и Дечин. Как часто бывает в это время года в Западной и Северной Чехии, стоял густой, непроглядный туман. Машины двигались с зажженными фарами, но и они едва пробивали плотную молочную пелену, освещая всего лишь несколько метров шоссе. Это огорчало, так как дорога пролегла по местам очень красивым и живописным. Приходилось довольствоваться восторженными рассказами моих спутников, сотрудников Института чешской и мировой литературы ЧСАН, которые не раз проезжали здесь в летнее время.

И все же я был безмерно рад. Осуществлялось мое давнее желание посетить замок, где когда-то подолгу жила внучка Кутузова Дарья Федоровна Фикельмон, урожденная Тизенгаузен, близкая приятельница А. С. Пушкина, куда заезжали при посещениях Карлсбада (Карловых Вар) П. А. и В. Ф. Вяземские и другие ее русские знакомые. Из

чешской печати я уже много лет знал о том, что бумаги Д. Ф. Фикельмон, содержащие ее записи о поэте, его жене, друзьях и врагах, а также о роковой дуэли, находятся в отделении Государственного архива в Дечине, в 30 километрах от Теплиц. Очень хотелось их увидеть, но все никак не удавалось. И вот, наконец, такая возможность представилась. Есть ли что-либо связанное с Фикельмон и ее жизнью в пушкинском Петербурге в самих Теплицах, это предстояло узнать.

От Праги до Теплиц 90 километров. Мы проехали уже более половины пути, а туман, увь, так и не рассеивался. Лишь изредка в нем появлялись как бы окна, и тогда сквозь них ненадолго были видны действительно незабываемо прекрасные и в осеннюю пору покрытые желтыми, багряными и золотыми деревьями горы, а на их склонах — причудливые по своим очертаниям, словно острова, пятна ярко-зеленых полей. Едем не очень быстро, до Теплиц еще около часа езды.

К посещению Теплицкого замка, принадлежавшего князю Эдмунду Кляри-Альдринген, мужу дочери Д. Ф. Фикельмон — Елизаветы Александры Марии Терезы (в семье ее называли Елизалекс, Элизалекс), я готовился и теперь пытался восстановить в памяти все, что знаю о Д. Ф. Фикельмон, ее муже, матери — Е. М. Хитрово, сестре — Екатерине Федоровне Тизенгаузен, близко знавших Пушкина. Думая о них, вспоминаю о графе Фердинанде (Федоре Ивановиче) Тизенгаузене, муже самой любимой из пяти дочерей Кутузова. Это она, Елизавета Михайловна (1783—1839), в первом замужестве (с 1802 г.) Тизенгаузен, во втором (с 1811 г.) — Хитрово, объединяла всех упомянутых людей, чьи судьбы в тот день очень хотелось мысленно как-то воскресить.

Граф Фердинанд Тизенгаузен (1782—1805) — флигель-адъютант, капитан инженерных войск, герой Аустерлица (20 ноября / 2 декабря 1805 года), погибший от ран, полученных в этом сражении. В какой-то мере, как считается, он послужил прототипом образа Андрея Болконского (описание его ранения) в «Войне и мире» Толстого. За несколько месяцев до поездки, просматривая книгу Федора Глинки «Письма русского офицера» (1815), я неожиданно нашел в ней довольно подробное описание гибели этого человека, о котором Кутузов писал: «Если бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанд»¹. Поскольку свидетельство Федора Глинки до сих пор, ка-

жется, не привлекало внимания, привожу его полностью: «В сражении под Аустерлицем ранен смертельно зять главнокомандующего граф Тизенгаузен, прекрасный молодой человек. Движимый духом мужества, он стремился в самые опасные места. Когда пуля пробилась ему грудь, он упал с лошади; генерал Милорадович послал к нему адъютанта Аракчеева с несколькими рядовыми; но лишь только подняли его на ружья, как наступавшая весьма близко французская колонна, открыв батальный огонь, засыпала пулями тех, кои несли, и принудила их оставить графа. Неистовые неприятели, набежав, сорвали с него эксельбанты, недавно полученный им орден и в бешенстве били еще прикладами. Наконец, когда наши прогнали их назад, то и граф был взят почти полумертвой, и через несколько дней скончался. — Такова участь смертных!»²

Писатель и журналист Сергей Глинка, используя рассказ брата о гибели Тизенгаузена, обогатил его позже некоторыми подробностями. По сообщению С. Глинки, узнав о тяжелом ранении зятя, Кутузов, также раненный (в щеку), остался совершенно спокоен и ничем не выразил своих чувств, продолжая руководить войсками, как будто ничего не случилось. А на другой день подчиненные застали его «в безмерной скорби; слезы текли ручьями; он рыдал неутешно». На недоуменные вопросы, почему же вчера он был в другом настроении, полковонец ответил: «Вчера я был начальник, — сегодня — отец»³.

Дошло до нас известие о кончине Фердинанда Тизенгаузена и с чешской стороны. Напомним, что Аустерлиц (ныне Славков) находится на территории Чехословакии, неподалеку от моравского города Брно. Сведения о последних днях Тизенгаузена содержатся в статье «Свидетели прошлого» чешского писателя Яна Гербена, который посетил Славков в конце XIX столетия. Опираясь на рассказы очевидцев, в разделе своей, как бы теперь сказали, репортажной статьи, озаглавленной «После битвы у Славкова», Гербен сообщает, что уже в сумерки смертельно раненный зять Кутузова был привезен с поля боя в деревню Силничка (в прошлом Штрассендорф). Его поместили в доме, принадлежавшем кузнецу Антонину Хмелю, где граф Тизенгаузен и умер около 6 часов утра 23 ноября (5 декабря) 1805 года на руках ухаживавшей за ним хозяйки. «Добрая кузнечиха, — пишет Гербен, — одела его в чистое и с помощью своего мужа завернула в белое полотно. Врач графа и его слуга распорядились вырыть перед окнами кузницы могилу.

Настелили в нее солому, положили на нее тело, затем снова застелили соломой и засыпали землей»⁴. Далее в статье говорится: «Через четыре месяца — когда военные события затихли — приехал в Штрассендорф русский со свитой. Это был кровный родственник похороненного. Его сопровождал барон Рудени, австрийский офицер. Русского графа выкопали и в тройном гробу увезли из Моравии в Россию»⁵. Спустя некоторое время после отъезда русских семья моравского кузнеца получила от неизвестного отправителя 500 рублей, а в 1834 году, когда русский царь останавливался в Брно, еще 200 австрийских золотых⁶. Можно предположить, что отправителями денег в обоих случаях были родные Тизенгаузена (жена и дочери). На месте первоначального погребения зятя Кутузова был установлен крест, который Гербен видел и описал⁷.

Читая статью Гербена, я живо вспоминал долину Золотого потока (так теперь называется приток р. Литавы), возвышающийся над ней Праценский холм, неподалеку от которого был ранен Тизенгаузен. На этом холме, близ деревни Праце, где когда-то был центр «битвы трех императоров», в 1910—1911 годах в память о сражении под Аустерлицем воздвигли памятный монумент «Мавзолей мира». И хотя я был на поле аустерлицкого сражения за год до поездки в Теплице (в сентябре 1977 года) и, конечно, за сто семьдесят с лишним лет на нем многое изменилось и исчезло, все же статья Яна Гербена и воспоминания Федора Глинки соединились в моем сознании с чем-то исторически зримым, конкретным, не так давно реально виденным.

Кутузов тяжело переживал гибель зятя и старался, как мог, не говоря прямо о кончине мужа, успокоить и утешить дочь, которая находилась тогда поблизости от русских войск в силезском городе Тешин. Сразу же после битвы он писал ей: «Лизанька, мой друг сердечный, у тебя детки маленькие, я лучший твой друг и матушка; побереги себя для нас. Жаль очень, что я не могу с тобой сейчас видеться. Я пойду с армией по другой дороге через Венгрию, куда тебе никак в теперешнее время доехать нельзя. Поезжай поскорее к своим деткам и к матушке, и я скоро к вам приеду. Боже тебя благослови и подкрепи. Верный друг Михайла Г. Кутузов». Вероятно, это письмо с предложением ехать в Россию было доставлено адресату вторым зятем Кутузова — Ф. П. Опочининым, мужем Дарьи Михайловны, который также находился в войсках и был послан тестем, чтобы от-

везти овдовевшую Елизавету Михайловну к детям в Ревель (Таллин). В другом письме к дочери, отправленном Кузцовым 15 января 1806 года из Бродов, когда Елизавета Михайловна, по-видимому, уже знала или догадывалась о смерти мужа, которую от нее долго скрывали, говорится: «Милый друг мой, Лизанька, я еду по твоим следам. Во Львове нашел твое письмо... Слава Богу, что ты жива... Слышу, что ты поехала в Ревель. Жаль, душенька, что там будешь много плакать. Сделаем лучше так: без меня не плачь никогда, а со мною вместе. Очень хочется твоих детей видеть»⁸.

Приведенные выше строки о судьбе Тизенгаузена, принадлежащие декабристу Федору Глинке, почти наверно читал Пушкин, хорошо знавший его и друживший с ним. Могла рассказать ему о гибели мужа и Е. М. Хитрово. Аустерлицкое сражение привлекало внимание поэта. Он не раз писал о нем. В стихотворении «Наполеон» читаем:

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!⁹

Знала ли горячая патриотка Е. М. Хитрово это стихотворение, где говорится о победах русских, во главе которых стоял ее отец? Скорее всего, да, как и все другие стихи Пушкина о войне с французами.

Елизавета Михайловна овдовела совсем молодой (ей едва исполнилось 22 года), будучи матерью двух дочерей: Екатерины (1803—1888) и Дарьи (1804—1863). Через шесть лет она вторично вышла замуж за генерал-майора Н. Ф. Хитрово (1771—1819), который вскоре (1815) стал русским поверенным при тосканском дворе во Флоренции. Поэтому Елизавета Михайловна долго жила вместе с дочерьми в Италии¹⁰. Там они получили хорошее образование, впитав в себя многое от западной культуры. Младшую с тех пор стали звать по-итальянски — Дёлли. Обе дочери Е. М. Хитрово уже в ранней юности отличались привлекательностью. Вот что писал о них в своих «Записках» видевший их в 1817 году во Флоренции граф М. Д. Бутурлин: «Молодые графини Екатерина и Дарья (Долли) Федоровны Тизенгаузен только что начали выезжать в свет и были во всем блеске красоты, но особенно поражала, даже меня, десятилетнего мальчугана, пятнадцатилетняя Дарья Фе-

доровна»¹¹. Дом русского посланника во Флоренции посещали не только многие соотечественники, но и разные европейские знаменитости. Бывала в нем, например, широко известная в свое время писательница де Сталь.

Овдовев вторично, Елизавета Михайловна вместе с дочерью еще долго жила за границей, по преимуществу в Неаполе. Там, в Италии, испытывая недостаток средств, в 1821 году она выдала свою младшую, совсем еще юную дочь Долли за австрийского дипломата (француза по происхождению) графа Шарля Луи (Карла Людвига) Фикельмона (1777—1857). До вступления на дипломатическую службу (1815), начиная с 15 лет, он служил в австрийской армии, участвовал во многих походах против Наполеона и ко времени женитьбы имел чин кавалерийского генерала. В 1821 году его назначили послом в Неаполь, столицу королевства Обеих Сицилий. Позже, с 1829 по 1840 год, он был австрийским послом в Петербурге. В 1825 году у Фикельмонов родилась дочь Елизалекс, которая впоследствии, в 1841 году, вышла замуж за австрийского князя Эдмунда Кляри-Альдрингена и поселилась в его замке Теплице, куда мы теперь и направлялись.

Кроме Тизенгаузена, все эти лица хорошо знали Пушкина, дружили с ним. И этим прежде всего они интересны для нас.

Самым близким другом поэта была Е. М. Хитрово, которая познакомилась с ним летом 1827 года после своего возвращения со старшей дочерью из-за границы в Петербург (1826). Она, уже немолодая тогда женщина, питала большую привязанность к поэту, заботилась о нем, оказывала ему всевозможные знаки внимания, порою даже ревновала. В целом же это была бескорыстная и самоотверженная дружба, не лишенная, правда, проявлений сильного позднего увлечения. Елизавета Михайловна была на 16 лет старше Пушкина и хорошо понимала это. Порою отмеченное восторженным обожанием и благоговением ее отношение к нему имело и чисто материнскую окраску¹². Она постоянно тревожилась о здоровье поэта, беспокоилась, когда он был вне Петербурга, скучала по нему, стремилась оградить и защитить его от неприятностей. Так, например, в 1830 году она писала Вяземскому о Пушкине: «Я только что узнала с большим огорчением, любезный князь, что статья о Видоке такого свойства¹³, что она может повредить нашему общему другу. Я вам замечу, дорогой князь, что во всем этом не понимаю равнодушия литературных друзей Пушкина.

По крайней мере необходимо посоветоваться с Жуковским...»¹⁴ Написанное весной того же 1830 года письмо Елизаветы Михайловны к самому поэту (датировано 18, 20 и 21 марта) содержит строки: «Едва я начинаю успокаиваться по поводу вашего пребывания в Москве, как опять мне приходится дрожать за ваше здоровье; меня уверяют, что вы больны в Торжке. Ваша бледность — одно из последних впечатлений, оставшихся от вас у меня... Лечитесь, будьте благоразумен — ну можно ли швыряться такой прекрасной жизнью»¹⁵. Чрезмерное внимание и опека со стороны Е. М. Хитрово порою тяготила и даже раздражала поэта. Нередко в беседах и переписке с друзьями он отзывался о ней иронически, а иногда и просто не очень учтиво. Достаточно вспомнить в этой связи, что в своих письмах к Вяземскому поэт не раз называет Е. М. Хитрово «Лизой голенькой», беззлобно, в сущности, но не безобидно, подшучивая над пристрастием своей уже немолодой приятельницы к декольтированию. На этот счет существовала даже широко известная в то время эпиграмма («Лиза в городе жила...»), которую приписывали Пушкину¹⁶.

Е. М. Хитрово была легковерной, прямодушной, бесхитростной, порой наивной, непомерно увлекающейся, не умевшей скрывать свои чувства и при всем том очень доброй женщиной. Были ей, видимо, присущи и элементы некоторой эксцентричности, склонность к экзальтации. Поэтому неудивительно, что нередко она становилась предметом светских шуток и пересудов¹⁷. В то же время дочь Кузотова несомненно была достаточно умна, широко образованна¹⁸, живо интересовалась литературой, политикой, музыкой и общественной жизнью, пользовалась большим влиянием в придворных и дипломатических кругах. Все это определяло особое положение Е. М. Хитрово в петербургском свете.

Своеобразие ее характера и натуры, сочетание в ней противоположных начал нашли отражение в стихотворении В. А. Соллогуба:

Вам холод света не знаком,
И странно кажется, не скрою,
Что, в заблуждении святом,
Вы так неопытны душою,
Хотя так опытни умом!¹⁹

Еще одно важное свойство матери Д. Ф. Фикельмон отметил Вяземский: «В числе сердечных качеств, отличавших Е. М. Хитрову, едва ли не первое место должно

занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено; но в ней дружба возвышалась до доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала, не жалея себя, не опасаясь за себя...»²⁰

Но вернемся к Пушкину. По словам того же Вяземского, Е. М. Хитрово питала к поэту «нежную, страстную дружбу». И Пушкин, для которого дружба была чем-то священным, не мог этого не оценить. Характеризуя отношения Пушкина и Е. М. Хитрово, Н. М. Смирнов писал, что, хотя она порой и надоедала поэту, он «никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнуть от себя»²¹. Встречающиеся в эпистолярном общении не всегда безобидные прозвища и фривольные замечания в адрес Е. М. Хитрово долгое время считались определяющими в отношении поэта к ней. Но это была всего лишь показная, видимая всем бравада, дань моде и светским нравам, которые часто обуславливали внешнее поведение Пушкина, несмотря на всю его гениальность. На самом же деле поэт питал самые добрые и глубоко дружеские, теплые и уважительные чувства к дочери Кутузова, которой был многим обязан. Об этом свидетельствуют 26 его писем к Е. М. Хитрово (1827—1832), найденные в 1925 году в доме Ф. Ф. Юсупова-Сумарокова-Эльстон²², а также восемь уцелевших ее писем к Пушкину (1828—1836)²³.

Содержание переписки поэта с Е. М. Хитрово опровергло сложившуюся (на основании отраженных в литературе нередко случайных, поверхностных наблюдений, разного рода каламбуров и анекдотов)²⁴ легенду о чисто светском, мало что значащем для жизни Пушкина знакомстве с Е. М. Хитрово. Из двадцати шести писем только в двух, которые относятся к 1828 году, можно увидеть признаки недовольства поэта, связанного с излишним попечением и интересом к нему со стороны Елизаветы Михайловны. Все остальные учтивы, почтительны и исполнены неподдельных дружеских чувств и благодарности за многие одолжения, которые оказывала поэту дочь Кутузова. Более того, переписка говорит о том, что эта женщина принадлежала к тем немногим близким людям, с которыми поэт делился своими мыслями о политике и литературе, кому посылал свои произведения, к кому обращался с житейскими просьбами, с кем советовался, от кого получал труднодоступные иностранные издания. Дружбой и общением с Е. М. Хитрово обусловлено появление по крайней мере двух стихотворений Пушкина.

Значительное место в корреспонденции занимают польская революция 1830 года во Франции и польские события 1830—1832 годов²⁵, а также холерная эпидемия в России. В них говорится о многом из того, что волновало тогда русское общество. «Народ изнурен и раздражен», — писал Пушкин Хитрово в декабре 1830 года. Касаясь польского вопроса, он высказывает свою тревогу за Мицкевича.

Благодаря Хитрово поэт получал французские газеты, был в курсе событий европейской жизни. Делалось это ею охотно и вполне сознательно, с пониманием того, как это важно для поэта. В марте 1830 года она писала ему: «Я буду говорить вам о большом свете, об иностранной литературе — о возможности перемены министерства во Франции, — увы, я у самого источника всех сведений...»²⁶ Как относился к такого рода информации Пушкин, видно из его писем. «Как я должен благодарить вас, сударыня, за любезность, с которой вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет...» — пишет он своей приятельнице из Москвы (от 9 декабря 1830 года). В другом его письме из Москвы (от 9 декабря 1830 года) читаем: «Возвратившись в Москву, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас, — французские газеты и трагедии Дюма, — все это было новостью для меня...»²⁷ В одном из писем есть и такие благодарные слова: «Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы» (21 января 1831 года, Москва)²⁸.

Из переписки мы узнаем, что при посредстве Хитрово Пушкин знакомился с новинками французской литературы, произведениями Гюго («Эрнани», «Собор Парижской богородицы»), Сент-Бёва, А. Дюма, Стендаля («Красное и черное»), Сю, Бальзака, Карра и ряда других писателей. Не раз выполняла Хитрово конкретные книжные просьбы Пушкина. В его письме из Царского Села (середина июня 1831 года) есть строки: «Я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены»²⁹. Как быстро была выполнена эта просьба поэта, хотя в Петербурге уже началась холера, узнаём из его следующего письма (19 или 20 июня 1831 года): «Спасибо, сударыня, за «Революцию» Минье»³⁰.

Со своей стороны, как видно из корреспонденции, Пушкин также посылал Хитрово книги, но русские, в частности роман А. Ф. Вельтмана «Странник» и роман М. Н. Загоскина «Рославлев», который представлял для дочери

Кутузова особый интерес, так как посвящен 1812 году. Дарил поэт приятельнице и свои произведения, в частности IV и V главы «Евгения Онегина», а также и VIII главу. «Я в восхищении, что вы покровительствуете моему другу Онегину; ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как все, что говорите»³¹, — пишет поэт Хитрово 10 февраля 1828 года по поводу IV и V глав. Ее положительное суждение об этих главах было ему особенно дорого, так как многие не поняли и не приняли их. «Я очень рад, что Онегин вам понравился, я дорожу вашим мнением» (конец января 1832 года) — это уже о VIII главе. Доброжелательное отношение Хитрово к работе поэта выразилось и в ее сообщении о «всеобщем успехе» седьмой песни «Евгения Онегина» (письмо от 18, 20 и 21 марта 1830 года), и в радости по поводу успеха «Бориса Годунова» (за одно утро у Смирдина было раскуплено более 400 экз.), что, судя по письму Пушкина из Москвы от 8 или 9 февраля 1831 года, удивило поэта. В том же письме он делится своими мыслями о «Борисе Годунове». О живом интересе Хитрово к творчеству Пушкина говорит и ее письмо к поэту середины сентября 1831 года, в котором она пишет, что только что прочла его «прекрасные стихи»³² и если он не пришлет ей их, никогда ему этого не простит. Обсуждались в переписке и другие события русской литературной жизни, в частности поэма Е. А. Баратынского «Наложница», закрытие «Литературной газеты» осенью 1830 года. Из письма Хитрово к Пушкину от 15 декабря 1832 года видно, что она, по его просьбе, активно участвовала в распространении билетов на издание Сочинений П. А. Катенина.

С Елизаветой Михайловной связано появление двух стихотворений Пушкина: «В часы забав или праздной скуки...» (1830) и «Перед гробницею святой...» (1831). Первое является откликом на полемическую переделку стансов Пушкина («Дар напрасный, дар случайной...», 1828) митрополитом Филаретом³³, которого познакомила с ними после их появления в печати в 1829 году Е. М. Хитрово. По этому поводу Пушкин писал ей: «Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! — Это право большая удача» (начало января 1830 года)³⁴.

История возникновения второго стихотворения такова. Летом 1831 года Хитрово обратилась к Пушкину с просьбой перевести прозой на французский язык какое-то русское стихотворение об ее отце³⁵. На это Пушкин ответил из Царского Села: «Я исполнил ваше поручение, — вернее,

не исполнил его — ибо что за мысль явилась у вас заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, не знающего даже орфографии. Кроме того, и стихи посредственные. Я написал на эту же тему другие, не лучше этих, и пришлю их вам, как только представится случай» (19 или 20 июня 1831 года)³⁶. И действительно, во второй половине сентября поэт послал дочери полководца свое стихотворение о нем вместе с письмом. Для дочери Кутузова, всегда высоко чтившей отца и гордившейся его ратными делами и славой России, это был большой подарок.

Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал и спас³⁷ —

писал Пушкин о «восторге», который испытывают русские, обращаясь к памяти великого полководца. Эти полные поэтической экспрессии и искренности строки, конечно же, не могли не растрогать и не взволновать Елизавету Михайловну.

Долгое время о стихотворении «Перед гробницею святой...», кроме Хитрово и, может быть, ее дочерей, никто не знал. В 1836 году в III томе «Современника» появилось стихотворение Пушкина «Полководец», в котором он воздал должное заслугам Барклая-де-Толли в войне 1812 года. Поэта обвинили в «непристойной выдумке», в умалении роли Кутузова; дочери фельдмаршала, якобы оскорбленной этим стихотворением, выражались сочувствия. Критике стихотворения «Полководец» Л. И. Голенищевым-Кутузовым была посвящена тогда целая брошюра. Однако Е. М. Хитрово правильно поняла чувства и мысли Пушкина и, как всегда, встала на его защиту. «Я только что узнала, — писала она ему 4 ноября 1836 года, — что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, разъярена на меня и ни за что не хотела показать ее, ни взять ее обратно. Меня не перестают терзать за вашу элегию — я настоящая мученица, дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне...»³⁸ Дочь Кутузова сумела оценить уважение Пушкина к памяти Барклая-де-Толли. В то же время, говоря о «симпатии к себе», она как бы подразумевала и доброе отношение поэта к ее отцу, о чем знала и раньше. На это дружески

теплое письмо Пушкин ответил не менее дружеским поступком. В IV томе «Современника» за 1836 год он публично воздал хвалу Кутузову, напечатав три первые строфы стихотворения «Перед гробницею святой...»³⁹, опустив четвертую и пятую, которые отразили настроения 1831 года и уже могли быть непонятны читателям.

Как следует из переписки, Хитрово не были чужды и литературные занятия. В 1831 году она послала Пушкину для оценки и исправления французский прозаический перевод его стихотворения «Клеветникам России». В конце сентября — начале октября 1831 года поэт писал ей из Царского Села: «Спасибо, сударыня, за изящный перевод оды — я заметил в нем две неточности и одну опisku переписчика...»⁴⁰ В письме Е. М. Хитрово к поэту от 9 мая 1830 года есть упоминание, что она переводит с английского на русский роман К. Л. Скотт «Светский брак».

Говоря о литературных занятиях и интересах Хитрово, нельзя не коснуться еще одного факта — ее реакции на появившуюся в 1830 году в болгаринской «Северной пчеле» (№ 35, 22 марта) заметку, где VII глава «Евгения Онегина» и «Полтава» были названы «совершенным падением» Пушкина, где, кроме того, поэт облыжно обвинялся в непатриотическом отношении к 1812 году. В тот же день она обратилась к одному из петербургских издателей с письмом: «Велико было мое изумление, сударь, когда я вдруг прочла в сегодняшнем 35-м номере «Северной пчелы», что прелестная седьмая песнь «Онегина» — это *полное падение*. Как бы вам несомненно не было неприятно напечатать в вашей газете мою статью, полагаю, что ваша беспристрастность обяжет вас к этому. Друзья господина Пушкина будут, конечно, сетовать на меня за то, что я пытаюсь отразить эти новые выпады «Северной пчелы». Многие уверяли меня, что его благородному характеру свойственно презирать все прямые и *окольные* нападки. Я знаю также, что его блестящая литературная репутация слишком незыблема, чтобы ее что-либо могло поколебать». В этом письме к издателю есть и прямая оценка несправедливо обруганной части поэмы Пушкина: «Еще вчера мои гости наперебой превозносили эту самую *седьмую песнь*. Восхищались гармоничностью стихов, описанием зимы, так волшебной изображенной, правдивостью характера Онегина, который считают списанным с натуры...» Далее разбирается характер Татьяны: «Ее приезд в Москву, — писала Хитрово, — размышления автора о Петровском замке были оцене-

ны как имеющие величайшее значение. И в самом деле, у какого русского не забьется сердце при чтении этих строк:

Но не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

«Полтава» характеризуется в письме как поэма, «которую почитают одним из самых прекрасных творений нашего поэта», как поэма, «где каждый стих — это мысль, образ, совершенство...».

В конце письма говорится: «Близкие друзья Александра Пушкина уверяют меня, что их никогда не удивляет красота его творений, которые «являются только порождением его души». Ссылаясь на мнение какого-то знакомого (скорее всего, мнимого), Хитрово заключает свое обращение к неизвестному издателю словами: «Душа его (Пушкина. — Л. К.)... такая пламенная, такая чистая, что, если и есть в нем недостатки, они не могут ни на минуту *затмить* *оную!*»⁴¹ Приведенные отрывки письма Хитрово поистине удивительное свидетельство ее благородства и бескорыстной глубокой любви и дружбы по отношению к поэту. Стремясь придать письму объективность, она приводит суждения гостей своего салона о Пушкине, а по существу, выражает прежде всего свое собственное мнение о нем как человеке и поэте, о его творчестве, его душевных качествах. Напомним, что письмо относится ко времени близкой женитьбы Пушкина, которую Хитрово тяжело переживала. Письмо к издателю было написано ею, когда поэт находился в Москве, и, может быть, этим определяется повышенная эмоциональность текста. Хитрово выступала в защиту отсутствующего друга, с которым поддерживала тогда интенсивную переписку. Основная часть переписки Хитрово с Пушкиным приходится как раз на 1830—1831 годы, когда поэт был в Москве.

Не раз обращался Пушкин в своих письмах к Хитрово, зная о ее влиятельности, с чисто житейскими вопросами, просил посдействовать переводу служившего на Кавказе брата (март 1830 года), хлопотал за осиротевших малолетних братьев Дельвига (февраль 1831 года), хотел получить разрешение представить на балу, иными словами, вывести в свет брата жены — Ивана Гончарова (январь 1832 года). Все, что могла, Елизавета Михайловна с радостью исполняла⁴². Неоднократно она пыталась помочь Пушкину по своей инициативе. Так, накануне его женитьбы, зная, что расходы

после нее резко возрастут, Хитрово советовала поэту подумать о службе. «Судя по тому, что мне известно об образе мыслей государя относительно вас, я уверена, что если вы пожелали получить какую-либо должность при нем, она была бы вам предоставлена. Быть может, этим не следует пренебрегать — это поставит вас в более независимое положение и в смысле состояния, и по отношению к правительству»⁴³, — писала она ему в мае 1830 года. На это поэт откликнулся так: «С вашей стороны очень любезно, что вы принимаете участие в моем положении по отношению к Хозяину. Но какое же место, по вашему, я могу занять при нем? Я, по крайней мере, не вижу ни одного...» (между 19 и 24 мая 1830 года, Москва). Однако через некоторое время, подобно Карамзину, Пушкин стал историографом.

Показательно для Хитрово как человека и друга Пушкина и еще одно ее письмо к нему: «Я не имею для вас никакого значения. Расскажите мне о своей женитьбе, о планах на будущее... Долли и Катрин [дочери Е. М. Хитрово. — Л. К.] просят передать вам, что вы можете рассчитывать на них, чтобы ввести вашу Натали в свет» (9 мая 1830 года)⁴⁴. Поэт с признательностью отозвался на это обещание 18 мая 1830 года: «Покровительницы, которых вы так любезно мне обещаете, слишком уж блестящи для моей милой Натали»⁴⁵.

В письмах к Хитрово Пушкин доверительно сообщал ей о самом сокровенном, о своем сватовстве и женитьбе, об отношениях с родственниками жены, о глубокой скорби по Дельвигу. В связи с его кончиной он писал: «Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной все понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта — в то время, как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства» (8 и 9 февраля 1831 года, Москва)⁴⁶. Не раз вспоминает поэт и о внучках Кутузова, завершая письма к их матери такими словами: «Будьте добры, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей, благосклонность которых я высоко ценю, и разрешите мне сделать то же по отношению к вам» (11 декабря 1830 года)⁴⁷. Последнее известное письмо поэта к Хитрово (осень 1832 года) кончается словами: «Прощайте, прекрасная и добрая»⁴⁸. Думается, в целом они достаточно емко и верно характеризуют взаимоотношения поэта с дочерью великого полководца. А сама дочь Кутузова в 1830 году писала Пушкину, что он и его семья всегда найдут в ней «друга, подобного скале, о которую все будет разбиваться». И далее: «Рассчитывайте

на меня на жизнь и на смерть...», она уверяла Пушкина, что готова пойти за него «в огонь и в воду»⁴⁹. Прощаясь с умирающим поэтом, эта занимавшая в петербургском обществе видное положение женщина встала перед ним на колени. Актриса А. М. Каратыгина-Колосова вспоминала, что в Конюшенной церкви на отпевании поэта она стояла у гроба рядом с Хитрово, которая «заливалась слезами, выражая свое сожаление о кончине Пушкина»⁵⁰. И еще одно свидетельство современника. «В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России»⁵¹ — так писал о Хитрово П. А. Вяземский.

Как следует из того, что сказано, Е. М. Хитрово, восторженно обожавшая Пушкина как человека и поэта, занимает свое особое место в том ряду его друзей-женщин, к которому принадлежат Е. А. Карамзина, В. Ф. Вяземская, П. А. Осипова, А. О. Россет-Смирнова и, может быть, еще еще одно-два имени. А теперь вспомним о ее младшей дочери.

Д. Ф. Фикельмон приехала в Петербург летом 1829 года и пробыла в нем с небольшими перерывами до 1838 года, после чего жила за границей, по преимуществу в Вене, Венеции и Теплице. По приезде в Петербург Фикельмоны сняли дачу на Черной речке, где проводили летнее время и в последующие годы, находясь по соседству с семьями Вяземского и Пушкина. Через полтора года после того, как в сентябре 1829 года австрийское посольство разместилось в большом доме Салтыкова на Дворцовой (в прошлом Английской) набережной, Е. М. Хитрово переехала к дочери и жила с нею вместе. В доме посольства возникло, как вспоминает Вяземский, два родственных светских салона, где часто бывали Пушкин, Вяземский, Жуковский, А. Тургенев, слепой поэт Козлов, Тютчев, а также, видимо, Гоголь, Дельвиг, Баратынский и многие другие. В этих салонах обычно принимали по вторникам и пятницам утром, вернее, днем (от часа до четырех) — у Е. М. Хитрово, вечером — у Д. Ф. Фикельмон. По словам Вяземского, в них получала верные отголоски «вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная»⁵². Пушкин познакомился с Долли Фикельмон в ноябре — декабре 1829 года, и между ними быстро установилась дружба. Имя Фикельмон часто мелькает в дневниках и письмах Пушкина. Так, например, упоминания о Фикельмон, о посещении графини и ее мужа, о встречах с ними в театре и т. п. содержатся в дневниковых записях Пушкина, сделанных 24 ноября 1833, 28 февраля 1834,

17 марта 1834, 7 апреля 1834, 3 июня 1834, а также в феврале 1835 годов. Впервые имя Фикельмон встречается в одной из рукописей поэта, относимой к декабрю 1829 года, в списке тех, кому следовало нанести визиты или послать визитные карточки по случаю нового 1830 года.

Немало упоминаний о Д. Ф. Фикельмон и ее семье в письмах Пушкина, в частности к жене. Он спрашивает, были ли у нее Хитрово или Фикельмон (8 декабря 1831 года), спрашивает, приехали ли Фикельмоны (8 октября 1833 года), пишет, что приглашен Фикельмон на вечер (5 мая 1834 года), сообщает о болезни ее мужа (6 июня 1834 года). Все это, и дневниковые заметки и письма, говорит о близком знакомстве и дружеских отношениях Пушкина с Д. Ф. Фикельмон, о частом посещении поэтом ее дома.

Благодаря Д. Ф. Фикельмон и ее матери, бывая у них на балах, обедах и интимных вечерах для избранных, Пушкин общался со многими иностранными дипломатами, что для него было весьма важно. Беседы с ними обогащали его самыми различными сведениями о жизни за пределами России, прежде всего политической и литературной. Он был одним из самых желанных гостей в салонах Е. М. Хитрово и ее дочери. В письме к Вяземскому от 4 декабря 1830 года Фикельмон замечает: «...Нет ничего менее веселого; чем современный салон, — нет больше любезности, нет больше изящества в выражениях, если только вы и Пушкин вскоре не вернетесь — жизнь в деревне, быть может, предохранила вас обоих от этой роковой заразы»⁵³. Из писем Пушкина к Д. Ф. Фикельмон сохранилось только одно, являющееся ответом на ее письмо, к сожалению, не дошедшее до нас. Оно показательное для характера отношений поэта к дочери Е. М. Хитрово. В нем сказано: «Графиня, жестоко с вашей стороны быть такой любезной и заставлять меня так сильно испытывать скорбь от того, что я удален от вашего салона. Во имя неба, графиня, не подумайте, однако, что мне понадобилось неожиданное счастье получить от вас письмо, чтобы пожалеть о том месте, которое вы украшаете... Поверьте, что я всегда останусь самым искренним поклонником вашей грации, столь непринужденной, вашей беседы, такой приветливой и увлекательной, хотя вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших знатных дам»⁵⁴. Это письмо было послано из Москвы 25 апреля 1830 года. Прочитав его, нельзя усомниться в симпатии Пушкина к этой светской женщине, соединявшей в себе

редкие для ее круга, высоко ценимые поэтом качества — привлекательность, ум, широкую образованность⁵⁵, простоту и непосредственность в общении, доброжелательное гостеприимство и приветливость.

Насколько интересной собеседницей для Пушкина могла быть Д. Ф. Фикельмон, показывает одна из ее дневниковых записей (6 ноября 1830 года): «Общество все еще объято смертельной тоской; ныне единственный дом, где при встречах проскальзывает немного веселости, это наш... Опасение войны, которая вскоре может стать всеобщей, вот что заставляет содрогаться! Мы, возможно, накануне какого-то насильственного перелома, который невозможно предвидеть, но который представляется неизбежным, когда наблюдаешь брожение, вид помешательства, овладевший всеми умами: повсюду недостаток покоя и удовлетворения; ...потребность расторгнуть все связи, все, что напоминает сдерживающее начало...»⁵⁶ Так понимала и оценивала Д. Ф. Фикельмон происходившие в Европе события, видя слабость общественных устоев прошлого, предчувствуя неизбежность социальных столкновений и переворотов в будущем. И это, несмотря на аристократизм и приверженность, пусть и не безоговорочную, к абсолютистским формам правления. Несомненно, она была одной из немногих петербургских светских женщин, которые имели свое мнение о том, что происходило в Европе, высказывали свои историко-философские прогнозы, могли на равных беседовать обо всем этом с Пушкиным, Вяземским, Жуковским и другими.

Не менее сведущей и эрудированной была графиня Долли и в области европейской литературы, как исторической, так и художественной, что, несомненно, также сказывалось и на ее общественных представлениях. Вот только некоторые из авторов, с которыми она, как это следует из ее записей, обстоятельно познакомилась в 1820-е годы: Саллюстий, Цицерон, Вергилий, Данте, Петрарка, Полициано, Манцони, Гете, Шиллер, Виланд, Клопшток, Новалис, Гофман, Мильтон, Байрон, Ларошфуко, Фенелон, Б. Констан, Тьерри, Тьер, Ламенне. Вряд ли какая-либо другая из знакомых Пушкина обладала таким багажом. И в этом отношении Д. Ф. Фикельмон была безусловно интересна для поэта. Она привлекала к себе уже тем, что в общении с людьми прежде всего обращала внимание на их «духовную сущность».

Материально-предметных свидетельств знакомства и общения Пушкина с Д. Ф. Фикельмон, напоминающих о при-

сущей им обоим любви к литературе, почти нет. Одно из немногих — оказавшаяся в библиотеке поэта книга о Байроне с автографом графини⁵⁷.

Не раз вспоминает о поэте в своих записках, а также корреспонденции и сама Д. Ф. Фикельмон. Вот ее впечатление от одной из встреч с ним: «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без притязаний, с увлечением и огнем...» (10 декабря 1829 года). Вместе с Пушкиным Долли Фикельмон, ее сестра и мать участвовали в маскарадных забавах, ездили в домино и масках по знакомым (к жене английского посла леди Хейтсбери, семейству посланника Обеих Сицилий Лудольфа, А. Н. и Е. М. Олениным). Об этом сказано в дневнике Фикельмон (запись 13 января 1830 года), о том же говорится и в ее единственном известном нам письме к Пушкину⁵⁸.

В апреле 1830 года находившийся в Москве Пушкин получил согласие на брак с Наталией Николаевной Гончаровой. Конец июня, июль и начало августа он провел в Петербурге. Затем снова уехал в Москву. Об этом в дневнике Д. Ф. Фикельмон есть особая запись (11 августа 1830 года): «Вяземский уехал в Москву и с ним Пушкин, писатель, он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, и теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда он еще не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре. Невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться»⁵⁹.

Когда в 1831 году Пушкин вместе с молодой женой приехали в Петербург, Д. Ф. Фикельмон, ее сестра и мать помогали юной Н. Н. Пушкиной входить в свет, выполняя тем самым обещание, данное Е. М. Хитрово поэту в одном из писем к нему. В дневнике графини Фикельмон есть целый ряд записей, посвященных жене поэта. Вот впечатление от первой встречи: «Я видела ее у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, лицо мадонны, чрезвычайно бледное с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, глаза зелено-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то, чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы» (21 мая 1831)⁶⁰. Вероятно, это одно из наиболее ярких и полных словесных описаний Наталии Николаевны.

После бывшего накануне в посольстве большого званого вечера 26 октября 1831 года графиня записывает: «Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете; она очень красива и во всем ее облике есть что-то поэтическое,

ее стан великолепен, черты лица правильные, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю как она разговаривает, — ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии...»⁶¹ И еще одна запись, 12 ноября 1831 года, после бала у Кочубеев. «Поэтическая красота г-жи Пушкиной, — замечает Дарья Федоровна, — проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания... Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин»⁶². Пророческие слова. Недаром родственники называли Д. Ф. Фикельмон Сивиллой флорентийской⁶³. Имея в виду ее склонность к предчувствиям и предвидению, они говорили, что у нее «глаза на кончике носа».

В последний раз графиня Долли видела Пушкина 21 января 1837 года, совсем незадолго до его дуэли. На другой день после трагического события она приходила в дом на Мойке узнать о нем⁶⁴.

В день смерти поэта 29 января 1837 года по старому стилю Фикельмон записала: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот дивный талант, полный красоты и силы. И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, блестящий светоч, которому как будто предназначено было все больше и больше освещать все окружающее и который, казалось, имел пред собой еще долгие годы»⁶⁵. В дополнении к этой приведенной лишь частично записи, сделанном Д. Ф. Фикельмон много дней спустя, сказано: «Дантес, после того, как его долго судили, был разжалован в солдаты и выслан за границу; его приемный отец, которого общественное мнение осыпало упреками и проклятиями, просил отозвать его и покинул Россию — вероятно, навсегда. Но какая женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому, что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили, — все мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцем в эту ужасную и безрасчетную игру. Мы видели, как начиналась среди нас эта роковая история подобно стольким другим кокетствам... Никогда... петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму... Печальна эта зима 1837 года,

похитившая у нас Пушкина, друга сердца маменьки»⁶⁶. Это последняя запись Д. Ф. Фикельмон о Пушкине и его жене. Понимая, сколь велика понесенная Россией утрата, скорбя о поэте, она так же, как и он сам, ни в чем не обвиняла Наталию Николаевну. О Дантесе и его приемном отце в записи сказано нейтрально-описательно, но это не означает терпимости Д. Ф. Фикельмон по отношению к ним. Позже, уже покинув Россию, она писала сестре из Вены о своем отвращении к Дантесу.

Знакомство с Д. Ф. Фикельмон отразилось на творчестве поэта. Как считают, топографию дома австрийского посольства он использовал в «Пиковой даме» при описании проникновения Германа в дом графини. Образ Д. Ф. Фикельмон присутствует, по крайней мере, в двух произведениях Пушкина — в «Египетских ночах» (дама, вынимающая из вазы записку с темой импровизатора-итальянца) и наброске «Мы проводили вечер на даче» (княгиня Д). В VIII главе «Евгения Онегина», характеризуя обстановку в доме Татьяны, поэт, как отмечают исследователи, опирался на свои впечатления от салона Долли Фикельмон. Не исключается ими и то, что какие-то черты ее поэт использовал при описании Татьяны — «законодательницы зал»:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива...
. . . . .
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.

С впечатлениями от Д. Ф. Фикельмон, возможно, в какой-то мере связано и изображение вечера в доме Татьяны:

Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантизма,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

Эти строки, за исключением, может быть, первой, полностью могли бы быть отнесены к вечерам в австрийском посольстве. Именно такими они предстают из многих писем и воспоминаний. Наблюдения поэта, сделанные в гостиной Фикельмонов (конечно, не только они одни), как можно полагать,

нашли свое трансформированное отражение и в других строфах VIII главы «Евгения Онегина» (VI, VII и XXIV).

Любопытно, что в рукописных вариантах к VIII главе есть еще одна попытка воспроизвести своеобразие вечера у Татьяны, не похожего на обычные и, надо думать, импониовавшего поэту:

В гостинной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живую странность своей:
(Чему наверно удивится
Готовя свой разборный лист
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один Журнал!)⁶⁷

Почему эти стихи, напоминающие о салонах Фикельмон и ее матери, не вошли в поэму? Вероятно, они не удовлетворили поэта своей меньшей содержательностью и недостаточной натуральностью обрисовки светской гостинной. Простонародным слогом в петербургских салонах не объяснялись. Поэтому, скорее всего, и появилась в поэме строка: «Вот крупной солью светской злости...» Однако многие признаки салона Фикельмон Пушкин сохранил и в новой зарисовке. Есть в набросках к последней главе поэмы еще один отрывок, который, может быть, навеян каким-то из балов в австрийском посольстве, где присутствовал царь («И в зале яркой и богатой...»).

Д. Ф. Фикельмон навсегда покинула Россию в мае 1838 года в связи с острым ревматическим заболеванием, начавшимся задолго до этого. Графиня надеялась, что теплый климат Италии и ванны помогут избавиться от болезни. Ее сопровождали в поездке дочь, муж и мать.

Осенью в Генуе она простилась с матерью, которая возвращалась в Россию. И больше они уже не виделись.

О Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон существует довольно большая литература. Наиболее значительная разработка материалов принадлежит М. А. Цявловскому и Н. В. Измайлову⁶⁸. Не так давно вышла опирающаяся на эти и другие источники полубеллетризованная публикация, принадлежащая Н. Раевскому⁶⁹. В ряде случаев дополняя и развивая предшественников, он в то же время порой обращается к вопросам, значение которых, как думается, не всегда достаточно существенно для истории и русской литературы и русской культуры⁷⁰. В нашем очерке на основе существующей ли-

тературы приводятся лишь выборочные данные о Е. М. Хитрово и ее дочери, связанные с их отношением к Пушкину и необходимые для характеристики оказавшихся в Чехословакии бумаг и портретов.

Приятельницей Пушкина, хотя и не столь близкой, была и вторая внучка Кутузова — камер-фрейлина Е. Ф. Тизенгаузен, которая до переезда во дворец (1833) жила с сестрой и матерью в австрийском посольстве. С нею Пушкин также встречался, известно его письмо к ней, содержащее текст написанного поэтом для Е. Ф. Тизенгаузен стихотворения «Циклоп» («Язык и ум теряя разом...»). Оно было прочитано ею на балу в Аничковом дворце. По словам П. П. Вяземского, сына поэта, его отец и Пушкин до смерти «сохраняли дружеские отношения ко внукам Кутузова»⁷¹. Это относилось и к Екатерине Федоровне, и к Дарье Федоровне.

Сестры были очень дружны как с матерью, так и между собой. Однажды (2 июня 1832 года), сообщая жене о своих посещениях графини Долли, Вяземский заметил, что мать и две дочери образуют «точно одну душу», что Елизе можно простить многие проказы за любовь и привязанность, которую сумела она «в дочерях своих поселить». После отъезда Д. Ф. Фикельмон из России Е. Ф. Тизенгаузен не раз навещала ее в Вене. Сохранилась переписка сестер. Часть ее опубликована. Письма к сестре графини Фикельмон как-то дополняют ее духовный облик. «...Я не в состоянии сказать, как я страдаю от этой ненависти ко всему русскому», — пишет она ей из Австрии 22 апреля 1848 года. Во время Крымской кампании 5 октября 1854 года Д. Ф. Фикельмон отправляет в Петербург Е. Ф. Тизенгаузен письмо, содержащее такие строки: «Третьего дня мы получили ложное известие о взятии Севастополя и были от него больны, но вчера известие было опровергнуто. Все мои мысли с вами с тех пор, как враг на русской земле»⁷².

Как ни сложен был жизненный путь Д. Ф. Фикельмон в ней устойчиво жила привязанность к русской земле, которую столь успешно и искусно защищал в 1812 году ее дед. И хотя приведенные высказывания (их могло бы быть больше) относятся к позднему времени, патриотические чувства по отношению к родине, как надо думать, ей были присущи всегда — и в юности, и в старости, и в годы расцвета, проведенные в Петербурге, когда ее часто видел Пушкин. Известно, например, что в 1829 году во время войны с Турцией успехи русских (взятие Эрзерума и Адрианополя) радовали

Д. Ф. Фикельмон. С сестрой же ее и в ту пору и позже поэт встречался меньше, поскольку та больше вращалась в придворных сферах и нередко была в отъездах. Сведений о ней сохранилось сравнительно мало, к тому же они противоречивы. Заслуживающим внимания фактом, характеризующим Е. Ф. Тизенгаузен как человека, является ее содействие в освобождении Герцена из новгородской ссылки. За помощью к ней как фрейлине императрицы обращался по этому поводу писатель граф В. А. Соллогуб, а того, в свою очередь, просили об этом, как он пишет в своих воспоминаниях, Панаевы и Некрасов. Но все это было уже в послепушкинское время, в начале 40-х годов⁷³.

Если не приятельские, то добрые, вполне дружественные отношения связывали Пушкина с мужем Дарьи Федоровны — Шарлем Луи Фикельмоном, который, хотя и занимал высокий пост в австрийской государственной иерархии, отличался либерализмом и симпатиями к России, что позже отрицательно сказалось на его службе. Размышляя о взаимоотношении русских дворян и крестьян, он считал, что земли следует раздать последним, обусловив это налогообложением.

Однажды, будучи у Россет, во время беседы с Пушкиным о крепостном праве, Фикельмон сказал, что его отмена «должна быть подготовлена». На это Пушкин заметил: «Это было мнение Карамзина, но я его не разделяю». И далее развил свою мысль: «Когда крестьянин более не будет под опекой, он разовьется, уверяю Вас, что если будут ждать, чтобы он был вполне цивилизован, его никогда не освободят, а страну все более и более будут развращать, крепостничество — анахронизм». Присутствовавшие при разговоре Н. М. Смирнов и П. А. Вяземский согласились с Пушкиным⁷⁴. Уже этот обмен мнениями между поэтом и Фикельмоном говорит о свободном, непринужденном и дружеском их общении.

О парадоксальности общественного положения и взглядов Фикельмона в известной мере позволяют судить следующие его слова, сказанные им после 1848 года: «Демократия в том виде, как ее сейчас добиваются, не может быть осуществлена иначе, как через коммунизм...»⁷⁵ Пушкина и австрийского посла сближали присущие обоим интересы к общественной жизни и литературе⁷⁶. Беседы с Фикельмоном обогащали Пушкина сведениями о жизни Европы. Возможно, что с этими беседами в австрийском посольстве как-то связана его работа над «Моцартом

и Сальери» (ведь считавшаяся загадочной смерть Моцарта, занимавшая мысли поэта, произошла именно в Австрии, в Вене). Нередко затрагивались также вопросы русской литературной и политической жизни. Как видно из дневника Пушкина, в доме Фикельмона говорилось и об убийстве Павла I (запись 8 марта 1834 года), и о 14 декабря (запись 17 марта 1834 года). Вспоминалось и имя Мицкевича. Обсуждались философские письма Чаадаева. Это подтверждается дневниковыми записями А. И. Тургенева (27 ноября и 6 декабря 1836 года), а также письмом Фикельмона к австрийскому канцлеру Меттерниху (7/19 ноября 1836)⁷⁷, из которого следует, что он знал не только первое (опубликованное), но и третье (неопубликованное тогда) письмо Чаадаева. О первом письме Фикельмон писал: «Оно упало, как бомба, посреди русского тщеславия и тех начал религиозного и политического первенствования, к которым весьма склонны в столице»⁷⁸. Трудно допустить, чтобы никак не участвовал в беседах о появившемся в «Телескопе» «Философском письме» Чаадаева часто бывавший у Фикельмона Пушкин. Зная отношение поэта к этому письму, можно полагать, что, соглашаясь с Фикельмоном в части некоторых критических оценок Чаадаевым русской действительности, поэт в то же время не разделял католических пристрастий посла, его сочувствия к тому, что писал Чаадаев о цивилизаторской роли римской церкви.

Как вспоминает А. О. Россет, Фикельмон был «большой поклонник Пушкина» и говорил про него, что, «кроме гения, великого ума, он обладает тем редким качеством, которое называется критическим суждением»⁷⁹. От Фикельмона, как и от его тещи и его жены, поэт получал запрещенную в России литературу, в частности сочинения Гейне. Об этом в 1835 году Фикельмон писал Пушкину: «Вот два тома контрабанды, которые граф Фикельмон имеет удовольствие предложить господину Пушкину и которые он просит не отказать принять на память — и как визитную карточку при прощании. Суббота 27 апреля»⁸⁰. Когда Пушкина не стало, на его похороны австрийский посол явился с женой в парадной форме и, как вспоминает А. О. Россет, «в звездах». Сестра Россета А. О. Смирнова писала: «Похороны посетили все послы иностранных дворов. Граф Фикельмон дал первый толчок этому движению»⁸¹. В середине февраля 1837 года Фикельмон отправил в Вену Меттерниху донесение, в котором назвал Пушкина «выдающимся писателем и первым поэтом России»⁸².

Обо всем этом или, по крайней мере, о многом из сказанного и думалось мне, когда мы подъезжали к Теплице. Разумеется, приведенные здесь цитаты вспоминались не все и не дословно, а биографические даты приблизительно. Сведениями о потомках и родственниках Кутузова я делился с моими чешскими коллегами. Им это было интересно. И вот, наконец, мы на центральной площади в Теплице. Она на возвышенности, туман здесь чуточку реже. Идем в замок, где теперь областной краеведческий музей. Приняли нас там приветливо и, хотя музей был закрыт, провели по трем залам замка, сохранившимся с XIX века без изменений. Когда-то в них встречались Вяземские и Фикельмоны, звучали голоса других русских знакомых, играли Шопен, Бетховен, Лист, бывал Гете, посещали Теплицкий замок и русские цари — Петр I, Александр I и Николай I. В одном из залов нам показали громадную вазу с видом теплицкого парка, изготовленную в Петербурге и подаренную владельцам замка Николаем I. Небезынтересно, что в разное время в Теплице жили хорошие знакомые Пушкина — Зинаида Волконская и князь П. Б. Козловский. Сотрудница музея рассказала, что находившиеся в замке рукописи вскоре после 1945 года были переданы в Дечинский архив, а многочисленные изобразительные материалы (картины, портреты и т. д.) переместились из Теплиц в 15 других чешских замков. В музее родилась мысль в связи со 180-летием со дня рождения Пушкина организовать выставку портретов его знакомых, когда-то живших в замке. Но вывезенные портреты предстояло найти. Этим занялись в Государственном институте охраны памятников и природы в Праге. Осмотрев замок, мы прошли по парку, где в 1842 году по распоряжению Эдмунда Кляри-Альдрингена в честь его избранницы Елизаветы Александры Фикельмон посередине лебяжьего озера в течение одной ночи был создан искусственный остров с готической аркой, которую украшала надпись Elize-Alex-Insel. Затем мы отправились в Дечин.

В четырех километрах от Теплиц ненадолго задержались в деревне Дуби у церкви пресвятой девы Марии, в которой теперь погребены Фикельмоны (первоначально они были похоронены в Лоретанской часовне в Теплице). Церковь построил один из внуков Дарьи Федоровны. По рассказу производивших ремонтные работы рабочих, своим очертанием церковь в Дуби напоминает венецианскую церковь Мирия дел Орто, которая очень нравилась подолгу жившей в Венеции Д. Ф. Фикельмон⁸³. Семейная усыпальница Кляри-

Альдринген находится под церковью. Спустившись туда по лестнице, ведущей в склеп из левого придела, мы сразу же остановились перед немецкими надписями на плитах с левой стороны. На одной из них, верхней, значилось имя графа Карла Людвиг Фикельмона, генерала кавалерии и министра, на другой, нижней, — графини Доротеи Фикельмон, придворной дамы⁸⁴. Там же погребена и их дочь Елизалекс, умершая в 1878 году.

Нельзя умолчать еще об одной остановке по пути из Теплиц в Дечин — на поле битвы русских и союзных им войск с наполеоновским корпусом маршала Вандамма 29—30 августа 1813 года у чешского села Хлумец (Кульм). Здесь войска Вандамма были наголову разбиты, а сам он и четыре его генерала взяты в плен. На месте сражения у Хлумца в XIX веке поставили несколько памятников. Один из них, по проекту П. Нобиле, был сооружен в 1837 году, как сказано на нем, в честь «доблести, стойкости» и «славной победы» русских «гвардейских когорт». Его венчает крылатая фигура богини победы Нике⁸⁵. Стоя под серым, осенним небом перед этим памятником, я думал об удивительном мужестве А. И. Остермана-Толстого, командира 17-тысячного русского корпуса, который в течение почти всего дня 29 августа один противостоял здесь 45-тысячному отряду Вандамма, прикрывая выход с гор основных сил русских и союзных войск, стремившихся в Теплицкую долину. В бою Остерман-Толстой был тяжело ранен в левую руку, которую ему отняли тут же, в поле, на барабане. Рядом, по просьбе Остермана, играл оркестр, чтобы никто не слышал его стонов. Дальнейшее командование принял Ермолов. Вечером два русских гвардейца принесли раненому отбитые у французов знамена. При виде их Остерман сказал: «По крайней мере умру непобежденным»⁸⁶. Но он не умер. Чешские женщины подарили генералу-герою серебряный кубок с надписью: «Храброму Остерману от чехинь в память о Хлумце 17/29 августа 1813 года». Он цел, этот кубок, его можно увидеть в фондах Исторического музея в Москве⁸⁷. Да, о многом думалось мне у памятника, напоминающего о беспримерном героизме наших предков. Около 6 тысяч потерял тогда корпус Остермана убитыми и ранеными. Около 3 тысяч русских солдат полегло на полях сражения... и более 8 тысяч французов. 12 тысяч наполеоновских солдат было взято у Хлумца в плен. В этой битве участвовали многие будущие декабристы, в том числе П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. И. Муравьев-Апостол, В. С. Норов,

В. Л. Давыдов, И. Д. Якушкин, М. Ф. Митьков, М. С. Лунин, А. Ф. Бригген, А. М. Спиридов, А. З. Муравьев, С. Н. Трубецкой, С. Г. Краснокутский, М. А. Фонвизин, Н. И. Лорер и др.⁸⁸. Участниками боя были и П. Я. Чаадаев и П. А. Катенин.

О Кульме много писали очевидцы⁸⁹. «Именуя одного героя сей битвы,— вспоминал адъютант Остермана писатель И. И. Лажечников,— именуешь всех в ней бывших. Довольно сказать, что каждый из них имел против себя пять поборников, и каждый остался победителем.

Но душою, предводившею мышцами и духом сих героев, главною твердынею, о которую сокрушились искусство и силы врагов, первым виновником победы был Остерман. Ему венец ее; ему восторг современных народов, неизменная любовь потомства и беспристрастная дань будущего историка! Богемия одолжена ему своим спасением; Россия — новой степенью славы! Ермолову принадлежит второй венок, который не увянет под зноем и бурей времен...»⁹⁰ О накале боя говорит то, что под Фонвизиним, адъютантом Ермолова, было убито пять лошадей. А вот еще одно свидетельство очевидца, Н. Н. Муравьева: «Ермолов приказал 2-му батальону л. гв. Семеновского полка идти на защиту орудий. Никогда не видел я что-либо подобное... Они отбили орудия, перекололи французов, но лишились всех своих офицеров, кроме одного прапорщика Якушкина, который остался батальонным командиром». Тот же мемуарист пишет: «Если бы Вандамм успел занять ущелье, из которого мы по одиночке выходили, то дело наше было бы кончено»⁹¹.

Отъехав от памятника, я еще долго находился под впечатлением виденного. Победа у Хлумца была одной из первых блестящих побед над Наполеоном после неожиданной смерти Кутузова. Это сражение в сознании русских стояло в одном ряду с Бородинской битвой. Оно предрешило окончательный закат Наполеона. Совсем еще юный Пушкин в 1815 году писал:

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?⁹²

За стеклами машины простирался тот «бранный дол», к которому устремлялись мысли поэта. Тогда я еще не знал, что в 1835 году при закладке камня на месте будущего «русского памятника» присутствовали Д. Ф. Фикельмон и ее

муж. В конце церемонии артиллерийская батарея дала три залпа, ей ответили отдельные орудия с поля сражения. «Это мертвые говорили с живыми», — записала в свой дневник Д. Ф. Фикельмон. Не знал тогда я еще и о том, что в мае 1945 года через Хлумец проходили спешившие на помощь Праге танки армии П. С. Рыбалко.

Менее чем через час после Хлумца попадаем в Дечин. Телеграмма, предупреждавшая Дечинский архив о нашем приезде, почему-то не дошла. Тем не менее бумаги Д. Ф. Фикельмон нам любезно показали. Они размещены в пяти больших коробках с номерами от 279 до 283. Первая из них заполнена перепиской с мужем, родственниками и друзьями. В ней оказалось письмо Кутузова к внучке Дарье на немецком языке, посланное из Вильно 24 декабря 1812 года. Трудно было оторваться от одного из последних писем полководца к родным с войны. В нем говорится: «Милая и дорогая Дашенька. Благодарю от всего сердца, мое дорогое дитя, за прекрасное французское письмо, которое ты мне написала. Как тяжело у меня на сердце, что я тебя еще ни разу не обнял. Как сладко было бы мне прижать тебя к моему сердцу, хотя бы один раз⁹³, до того пока я закрою мои глаза. Бог должен услышать мою просьбу. По крайней мере я мысленно целую тебя. Благослови тебя бог. Твой нежный дедушка князь Кутузов-Смоленский».

Кроме письма Кутузова, в Дечинском архиве среди бумаг Д. Ф. Фикельмон находится еще шесть писем Вяземского, два письма Жуковского и одно письмо Козлова к ней, а также одно письмо Вяземского к ее матери.

Начнем знакомство с ними с последнего. Оно без даты, но, как видно из содержания, относится ко времени замужества Долли. Текст этого, кажется, неизвестного письма, адресованного графине Хитрово, таков: «Я навсегда сохраню воспоминания о вашей любезности и всегда буду носить вашу булавку, как свидетельство ваших дружеских чувств ко мне. Желаю счастья прекрасной Долли, да благословит бог ее союз с благородным человеком. Поцелуйте за меня обеих ваших дочерей. Чувствую большую пустоту в моем сердце, тысячи вещей напоминают мне о моем отъезде. Никогда, Луиза, не забывайте меня, на всю жизнь вам преданного. Я надеюсь, что вы не воспримете мое прощание, как нечто суетное. Для меня это очень важно. Князь В.»⁹⁴. Заметим, что с этим письмом, написанным наспех и мало-разборчиво (это относится и к подписи), не все вполне ясно⁹⁵.

Шесть писем Вяземского к Д. Ф. Фикельмон датируются 1830 (23 октября, 25 декабря) и 1831 (5 июля, 4 августа, 24 августа и 23 ноября) годами, два письма Жуковского относятся к 1837 (без точной даты) и 1844 (16 января) годам. Полностью или частично они уже публиковались в Италии, ЧССР и СССР⁹⁶, поэтому нет необходимости на них подробно останавливаться.

Письма Вяземского к Д. Ф. Фикельмон были написаны из Москвы, куда он был направлен для организации выставки как чиновник министерства финансов. В них раскрываются, главным образом, их личные отношения и дружеские чувства. Наибольший интерес, пожалуй, представляют те характеристики, которые Вяземский дает себе и Д. Ф. Фикельмон.

Вот что писал, например, князь 23 ноября 1831 года о себе и своих московских впечатлениях: «Русское духовное начало, которое здесь приходится всюду ощущать и чувствовать, часто уносит мои мысли за тонкие стены салонов и дворцов. Здесь особенно ощущаешь, что существует такая постоянная жизненная сила, которая никем искусственно не создана и не продиктована обстоятельствами; если мы многозначительно говорим о себе — русские, то прежде всего мы являемся таковыми, хорошо это или плохо, именно здесь в Москве и нигде больше». Любопытна своей изысканной кургуазной риторикой и та часть письма, которая посвящена Фикельмон: «Только Вы умеете сохранять спокойствие и свежесть одиночества среди жизни, целиком находящейся в постоянном движении, среди шума и суеты, которые ее окружают. Вы принадлежите к этому свету или к этому большому *рауту* только благодаря обаяния, которое Вы там излучаете, но мир Вашего интимного существования относится к более высокой сфере, недоступной для мелких интересов, которые кипят внизу. Это не фразы и не так называемая поэзия, исходящая от меня. Это исповедь веры. Это то, чем я больше всего восхищаюсь в Вас, даже больше, чем вашим божественным и законным правом прелестной женщины, это звание, в моих глазах всемогущее и такое, которое имеет во мне самого страстного, самого меттерниховского, самого абсолютного ревнителя. Именно это необычайное свойство, которое в высшей степени преобладает в Вас, придает Вам аромат простоты, добродушия, столь привлекательный в Вас и столь заметный среди тех ослепительных красок, которыми расцвечено ваше существование в обществе...»

Находящиеся в Дечинском архиве письма Вяземского проясняют содержание писем Д. Ф. Фикельмон из Остафьевского архива Вяземских, хранящегося в ЦГАЛИ⁹⁷, ряд которых был опубликован.

Писем Фикельмон к Вяземскому сохранилось больше (14 писем и 67 записок), тематика ее переписки с ним была много шире, о чем позволяет судить уцелевшая часть принадлежавшей ему корреспонденции. Это и польский вопрос, и эпидемия холеры, и европейские события (отделение Бельгии от Голландии), и деятельность французского радикального аббата Ламенне, ставшего после 1830 года сторонником левых, и сочинения французских авторов — письма Курье и м-м де Савиньи, стихи Гюго, Ламартина, роман Бенжамена Констана «Адольф», и изучение русского языка графиней и т. д. Не раз упоминает Фикельмон имя Пушкина. Так, 13 октября 1831 года графиня писала в Москву о стихотворениях Пушкина («Бородинская годовщина» и «Клеветникам России»); назвав их «неожиданной поэзией», она соглашалась с критикой этих стихотворений Вяземским⁹⁸.

Много места в письмах Фикельмон к Вяземскому занимает выражение дружеских чувств, личные мысли и переживания, события повседневной жизни. Показателен в этом отношении ответ графини Долли (12 декабря 1831 года) на письмо князя от 23 ноября 1831 года из Москвы. В нем говорится: «Тысячу раз благодарю вас, дорогой Вяземский, за все милые и добрые вещи мне вами сказанные. Хотя и я сознаю, что вы цените меня сквозь снисходительную призму дружбы, и что я далеко не то, что вы думаете, тем не менее мне всегда отраднo читать вас. Не думайте же, что я инстинктивно была направлена к сближению с вами и искала в вас друга. Это мой добрый гений: я всегда смотрела как на дар Провидения быть другом замечательного человека... Я рассчитываю на хороший уголок в вашем сердце, откуда я не хочу, чтобы меня выжили и где я останусь вопреки вас самого»⁹⁹. Как видим, графиня Долли была достойным партнером Вяземского в умении писать изысканно любезные светские письма.

Но, пожалуй, существеннее ее психологическая самохарактеристика в том же письме к князю: «Я пишу вам мое письмо с тайной надеждой, что оно уже не застанет вас в Москве. Вы увидите Петербург веселым, танцующим, не сохранившим даже воспоминания об истекшем роковом годе¹⁰⁰, несмотря на все грустные, мрачные, черные мысли,

возбужденные истекшим годом, вы услышите только звуки музыки и пустейшие разговоры. Как я ненавижу это суетное, легкомысленное, несправедливое, равнодушное создание, которое называют обществом. Как Адольф (ваш приемный) прав, когда он говорит, что обществу нечего нас опасаться: оно так тяготеет над нами, его глупое влияние так могуче, что оно немедля «перерабатывает нас в общую форму»¹⁰¹. Этот отрывок — еще одно подтверждение того, сколь глубокой духовно и широко мыслящей была Д. Ф. Фикельмон, как отличалась от многих других женщин своего времени. Можно ли удивляться тому, что в России она сблизилась с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, Козловым и другими поэтами, а те высоко ценили ее. Есть, между прочим, в письме Фикельмон к Вяземскому от 12 декабря 1831 года и такие строки: «Пушкин у вас в Москве; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня тревожиться за ее будущность»¹⁰². Снова выступает графиня прорицательницей. Даже беглое ознакомление с перепиской Фикельмон и Вяземского убеждает в том, что их связывало не только светское знакомство и взаимные симпатии, но нечто большее — родство литературных и общественных интересов.

Письма Жуковского к Фикельмон, хотя и не содержат в себе каких-либо ценных историко-литературных сведений, являются дополнительным свидетельством дружеских отношений между ними. Первое отправлено из Севастополя в 1837 году. Отвечая на письмо графини, переданное ему, когда он собирался в монастырь св. Георгия, где некогда был храм Дианы, Жуковский писал: «Благодарю Вас, графиня, за то, что Вы разделили мое общество во время этой поездки по живописным местам. Ваш образ создан для того, чтобы сделать их чарующими. Ваша дружба, доказательства которой я нахожу в строках, которые Вы любезно мне послали, предназначена к тому, чтобы сделать полной жизнь. Сохраните ее — надеюсь, я этого заслуживаю потому, что знаю ей цену». Далее Жуковский сообщает, что имел честь видеть «господина графа» (мужа Дарьи Федоровны), который приезжал тогда в Крым и, как видно, привез поэту письмо от своей жены¹⁰³. В конце письма Жуковский просит Д. Ф. Фикельмон навестить поэта И. И. Козлова. Второе письмо Жуковский послал из Франкфурта в 1844 году. В нем он благодарит Д. Ф. Фикельмон за ее милое письмо и сообщает о своем семейном счастье — рождении 1 января сына Павла, радуется улучше-

нию здоровья графини, делится новостями из Петербурга.

О дружеских отношениях Д. Ф. Фикельмон с Жуковским, хотя и не столь близких, как с Пушкиным и Вяземским (Жуковского в 30-е годы по долгу не было в Петербурге), напоминают и сохранившиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома два ее письма к поэту. Заметим еще, что графиня Фикельмон не раз встречалась с Жуковским за границей (в 1838—1839 годах в Риме, в 1844 году — во Франкфурте). Когда в апреле 1852 года Жуковского не стало, графиня написала сестре в Петербург, что эта смерть ее «очень огорчила».

Ничего ранее не было известно о письме слепого поэта И. И. Козлова к Д. Ф. Фикельмон, хотя его существование можно было предугадать. Зная, какое тяжелое впечатление произведет на его жену известие о внезапной смерти (3/15 мая 1839) ее матери Е. М. Хитрово¹⁰⁴, 24 мая Ш. Л. Фикельмон обратился к одному из близких друзей Долли — Козлову с просьбой: «...на днях жена должна получить известие, которое разобьет ее сердце... Напишите ей, сударь, — вы облегчите ее горе... Слова тех, которые счастливы, никогда бы не произвели на нее такого действия, как Ваши»¹⁰⁵. Теперь мы знаем, что тяжелобольной поэт, которому самому оставалось жить всего несколько месяцев (он умер 11 февраля 1840 года), откликнулся на просьбу. Уже 25 мая 1839 года отправил он Д. Ф. Фикельмон большое письмо на французском языке, очевидно, написанное, как и все, что от него исходило, его дочерью Александрой Ивановной, посвятившей отцу свою жизнь. Сам поэт с трудом начертил в конце письма лишь одну букву «К». Письмо Козлова исполнено неподдельного сострадания к потерявшей мать Д. Ф. Фикельмон. Оно содержит много утешительных религиозных сентенций и заканчивается словами: «Моя дорогая графиня, с чувством религиозной привязанности я осмеливаюсь обнять Вас. Я обнимаю Вашу очаровательную дочь, которая безмерно дорога мне. От души поздравляю Вас, графиня, с праздником Вознесения и молю Спасителя, чтобы милость его всегда и во всем была с Вами. Ради бога, пишите мне». Эти несколько строк не оставляют сомнения в искренности симпатий и дружеского отношения Козлова к жене австрийского посла.

С поэтом Козловым у Фикельмон были особые отношения, окрашенные сочувствием к его слепоте и общему болезненному состоянию. Она посещала его, так как самому поэту передвигаться было трудно. «Посланница в восторге от

знакомства с вами и я предлагаю этим не пренебрегать»¹⁰⁶, — писал П. А. Вяземский И. И. Козлову. А Фикельмон в письме к Вяземскому от 7 декабря 1830 года сообщала: «Я говорила о вас с Козловым. Мы кокетничаем, хотя он меня и не видит»¹⁰⁷. О посещении слепого поэта Д. Ф. Фикельмон летом информировал жену 27 июля 1830 года Вяземский: «Сегодня в три часа везу к Козлову австрийскую красавицу и маменьку»¹⁰⁸. Есть дневниковые записи самого Козлова, характеризующие его отношение к Д. Ф. Фикельмон: «Декабря 17-го [1830] ...Я послал свое мечтание (Rêve) графине Фикельмон», «Января 12-го [1833]. Был молодой граф Литта... передал мне много приятного от имени гр. Фикельмон», «Сент. 30-го [1837]. Графиня Фикельмон высказывает мне нежность, чарующую мое сердце. Она умно говорит обо всем — рассказывала много чудного»¹⁰⁹.

Добрую и, как мать, в высшей степени обладавшую чувством сострадания графиню Фикельмон не могла оставить равнодушной трагическая судьба Козлова. Однако она не только жалела слепого, разбитого параличом поэта. Безусловно, ей, поклоннице французских романтиков, было созвучно его романтическое умянастроение и гуманистические устремления. Поэт высоко ценил расположение к себе Д. Ф. Фикельмон и был глубоко благодарен ей за это. Наряду с его дневником и уцелевшим французским письмом об этом не менее красноречиво говорят и стихи, посвященные ей Козловым. Два из них — с одинаковым названием «Графине Фикельмон» — были написаны на итальянском и английском языках (поэт, видимо, хотел этим порадовать графиню, не очень твердо знавшую русский). Тем не менее сам же он перевел их и на родной язык. Вот перевод итальянского:

Стройна настолько ж, как прекрасна,
Звездой приветной блещешь ясно,
В печали утешаешь ты!

Суровый рок закрыл мне очи;
Но сердцем среди вечной ночи
Тебя лишь зрят мои мечты.

А это — перевод одного из двух четверостиший английского стихотворения:

Пусть все даруется тебе:
Любовь, краса, благословенье, —
За то, что ты в моей судьбе
Прошла как ангел утешенья.

Ни о первом, ни о втором стихотворении нельзя сказать, что это обычные альбомные произведения, нередко лишенные искренности и подлинного поэтического чувства. К Фикельмон обращено И. И. Козловым и большое стихотворение «К***» («Что я во цвете юных дней...»), написанное в 1838 году при ее отъезде из России. Оно содержит строки:

О, милый друг, какой судьбою
Страданья встретились с тобою,
И муки бrenные земли
С эфирным ангелом любви!¹¹⁰

Есть у Козлова и другие стихи о Фикельмон, судя по их смыслу. Это заключительная часть посвященного ей стихотворения «Сон» (1832):

Прекрасный друг безвестного певца,
Чтоб ты все дни утехами считала,
Чтоб и во сне туч грозных не видала!
Счастливой быть прелестная должна.
Будь жизнь твоя так радостна, нежна,
Как чувство то, с каким тебя лаская,
Младенец-дочь смеется пред тобой,
Как поцелуй, который, с ней играя,
Дает любовь невинности святой!¹¹¹

Таков еще один след в русской поэзии Д. Ф. Фикельмон, если не считать относящихся к ней строк («О знаю я: для душ высоких/ отрада есть добро творить...» и далее) в стихотворении Козлова «Милой дочери графини Фикельмон» (1837). Обо всем этом стоит вспомнить хотя бы затем, чтобы полнее понять связь Фикельмон с русской культурой прошлого века.

Заслуживает упоминания наличие в корреспонденции Д. Ф. Фикельмон 21 письма ее кузины Елены Захаржевской, урожденной Тизенгаузен, за 1835—1847 годы. Они писались из Петербурга, Москвы, Царского Села. С Е. П. Захаржевской был знаком Пушкин, и ее пока не изученные письма могут содержать какие-то строки о нем. Переписывались с Д. Ф. Фикельмон и другие знакомые Пушкина — французский посол в Петербурге А. Барант (4 письма), сотрудник австрийского посольства Ф. Лихтенштейн (3 письма) и секретарь голландского посольства О'Сюлливан де Грасс (4 письма)¹¹². Правда, не все они относятся к пушкинскому времени.

Кроме названного, в архиве Фикельмон имеются 24 письма от ее матери и сестры, в том числе 12 без даты и 12 от

Е. Ф. Тизенгаузен за 1846—1850 годы. Известного письма самого Пушкина к Фикельмон, когда-то бывшего в ее бумагах, в Дечинском архиве не оказалось. О его судьбе работникам архива ничего не известно¹¹³.

Коробка № 280 целиком заполнена перепиской Д. Ф. Фикельмон с мужем в 1821, 1822, 1829, 1833—1835, 1840—1843 годы.

Всю остальную часть архивного наследия Дарьи Федоровны составляют альбомы и толстые переплетенные тетради (всего более двадцати) с ее многолетними дневниковыми записями¹¹⁴, выписками из книг, рисунками, нотами, перечнем встреч и т. д. Среди писателей, из которых Д. Ф. Фикельмон делала выписки, запомнились Байрон («Шильонский узник»), Виньи, Барбье, Петрарка, Шатобриан.

В один из альбомов вписано стихотворение Вяземского на французском языке «На мосту после бала» с подзаголовком «Романтическая баллада». Оно было создано, очевидно, в начале 1830-х годов и действительно имеет все признаки романтического произведения. Это стихотворение, посвященное кузине Д. Ф. Фикельмон (какой именно, к сожалению, не ясно), интересно не только тем, что вносит какие-то дополнительные черточки в представления о Вяземском, но и тем, что говорит об атмосфере, которая как-то характеризует дом Фикельмонов, встречавшихся там людей, их чувства и переживания. В балладе 10 строф, первая и последняя — четверостишья, остальные — шестистишья. Приводим подстрочный перевод шести первых и десятой строф:

Однажды светила луна
И был однажды мост,
И на этом мосту мне явилась
Кузина мадам Фикельмон.

Она была так прекрасна и белокура,
Что можно было умереть от любви и страха:
Она казалась мне лавиной,
Чистым цветком миндаля,
Белокурым видением, которое
Можно ощутить глубиной сердца.

Луна, словно сверкающий диск,
Озаряла ее юное чело,
Этот белый, словно алебастровый лоб
Горит как белоснежная вершина,
В нем что-то языческое,
И я мечтал о нем как безумный.

И я спрашивал себя, что делает красавица.
После полуночи одна на мосту,
Что за своевольные мечты
Покорили ее и преследуют,
И откуда эти искры,
Которые горят в ее глазах.

Нас пленил этот бал,
Пыльный, напоенный благоуханиями,
Где много забав,
Где она увидела любимого,
Где разведались шлейфы платьев,
Где все неслись в безумном галопе.

После бала сердце пьяно,
Рассудок околдован,
Сердце, словно книга,
Страницы которой измяты,
Или словно там-там,
По которому непрерывно стучат...

Вот как при ясной луне
Появилась она одна на мосту,
Белокурая мечта, белокурый сон —
Кузина мадам Фикельмон.

Характерно, что Вяземский не называет имени родственницы Фикельмон, хотя, конечно, прекрасно знал имена всех ее двоюродных сестер¹¹⁵. Они для него — только ее кузины, столь значительной, видимо, была в его глазах сама графиня. И теперь трудно сказать, для кого больше была написана эта исполненная духом кавалерственности «Романтическая баллада» — для кузины мадам Фикельмон или для нее самой. Вероятно, эти стихи Вяземского понравились Д. Ф. Фикельмон, напоминали ей о каком-то бале, возможно, происходившем в их доме¹¹⁶. Иначе трудно объяснить их появление в альбоме. Есть среди ее записей и вклеенный портрет Вяземского, датированный 1834 годом. Из альбомных рисунков представляет интерес портрет еще одного приятеля Пушкина — Михаила Виельгорского, подписанный и, возможно, исполненный самой Фикельмон в 1832 году¹¹⁷.

Братья Виельгорские, графы Матвей Юрьевич и Михаил Юрьевич, принадлежали к близким знакомым Пушкина и Фикельмон. Оба они, занимая высокое положение в обществе, были музыкантами и сыграли значительную роль в русской музыкальной жизни своего времени. Михаил Юрьевич был крестным отцом младшей дочери поэта, написал музыку на многие его стихотворения («Старый муж, грозный муж». «Черная шаль» и др.), а когда Пушкина не

стало, по просьбе Наталии Николаевны, вошел в совет по Опеке над его детьми и имуществом. Оба Виельгорские нередко бывали в доме австрийского посольства. Фикельмон сближала с ними большая любовь к музыке; обоих братьев, виолончелиста Матвея и особенно композитора Михаила, она находила весьма симпатичными людьми. Д. Ф. Фикельмон бывала на музыкальных вечерах у Виельгорских¹¹⁸. Она считала, что у тех, кто не чувствует и не понимает музыки, «одной душевной способностью меньше». Бывала графиня-посольша и на концертах в доме Энгельгардта, которые посещал и Пушкин.

Еще остались в памяти два портретных рисунка мужчины в восточном костюме. На них изображен иранский принц Хазрев-Мирза (Хосров-мирза), приезжавший в 1829 году в Петербург принести извинения русскому правительству за гибель Грибоедова и посещавший тогда австрийское посольство. Видел ли Пушкин иранского принца у Фикельмон по возвращении с Кавказа, неизвестно, однако он встретил его по пути в Эрзерум в мае 1829 года¹¹⁹. А в июне у Гергер ему предстояло увидеть направлявшуюся в Тифлис арбу с останками Грибоедова.

Все записи и выписки (основная их часть датируется второй половиной 20-х — началом 50-х годов) в тетрадях Фикельмон сделаны по преимуществу на французском языке. Последнее относится и к письмам. На русском языке при беглом просмотре архива встретился лишь один-единственный текст — это обрамленный черной рамкой автограф стихотворения Е. П. Ростопчиной «Цветок на могилу Елизаветы Михайловны Хитровой (Так! — Л. К.), урожденной Кутузовой». Очевидно, он был прислан ее дочери самой поэтессой. Элегии предпослан эпиграф из Байрона на английском языке, содержание которого таково:

*«Пусть будет легким холм могильный!
Пусть будет светлым мир души!»*

Вот несколько строф из этого стихотворения:

На днях еще, на днях, она блистала
Осеннею, но свежеею красой;
Любила жизнь, и вдруг ее не стало,—
Пресекся путь ее земной.

Прощальный гимн воспойте ей, поэты!
В вас дар небес ценила, поняла
Она душой, святым огнем согретой.—
Она друг Пушкина была!

Страдальцев рой, сирот и вдов собрание,
Кто в ней нашли заступницу и мать!
Вы знаете, как скорби и страданья
Она умела утешать.

Под стихами пометка: «Пятигорск на Кавказе июнь 1839 года». Они были написаны через месяц после кончины Елизаветы Михайловны¹²⁰.

Заметим, что кроме отклика на смерть Е. М. Хитрово, написанного хорошо знавшей ее поэтессой, был еще один. В издававшемся в Петербурге на французском языке официальном журнале для дипломатов в мае 1839 года был помещен некролог, в котором говорилось: «Она страстно любила отца и его славу. Любовь, которую она питала к России, была тем более живою, что проистекала одновременно из ее сердца и ее разума; она понимала свою родину, она гордилась ее историею последнего времени и умела надеяться на нее»¹²¹.

А вот как писал о кончине Е. М. Хитрово Вяземский: «Помню, что при возвращении из-за границы в Петербург, при выходе моем с парохода на берег, узнал я о недавней кончине Елизаветы Михайловны. Грустно было первое впечатление, приветствовавшее меня на родине: не стало у меня внимательной, доброй приятельницы; вырвано главное звено, которым держалась золотая цепь, связывающая сочувственный и дружеский кружок; опустел и замер один из Петербургских салонов, и так уже редких в то время»¹²². Велика и благодатна была роль Е. М. Хитрово в жизни Вяземского, Пушкина и их друзей.

Легко понять, что за время недолгого пребывания в Дечине мы могли лишь отчасти ознакомиться с архивом Д. Ф. Фикельмон, проникнуться чувством соприкосновения с ним, заказать ряд ксерокопий. Но и это позволяет сделать вывод о том, что он заслуживает дальнейшего всестороннего изучения. Опубликованная часть дневника и переписки Д. Ф. Фикельмон показала, как много интересного таит в себе ее архив. Определенный интерес для историков и литературоведов представляют также бумаги ее мужа и дочери. Так, например, в письме к Фикельмону (от 20 декабря 1830 года) Вяземский благодарит его за стремление оказать помощь сосланному в Карелию декабристу Ф. Н. Глинке. Дочь Фикельмонов Елизалекс собирала автографы великих людей (Гете, Беранже и др.). Может быть, это и для нее просила Д. Ф. Фикельмон в 1843 году свою сестру прислать ей из Петербурга автографы Петра Великого,

Екатерины II, Пушкина, хотя и писала «пришли мне», «для меня»¹²³. Если эта просьба была выполнена, то у Елизалекс мог быть какой-то автограф Пушкина...

Увы, время неумолимо, и как ни хотелось еще побыть с бумагами Д. Ф. Фикельмон, пора было возвращаться. Осенние дни коротки, а путь предстоял немалый, да еще опять в тумане, который к вечеру снова сгустился. Из-за плохой видимости и темноты ехали обратно медленно, как и утром. Было время подумать обо всем увиденном. В Прагу прибыли поздно, усталые, но довольные, переполненные впечатлениями. Что же касается меня, то я был счастлив. Поднявшись на лифте в огромный номер старой гостиницы на Поржиче, еще долго не мог успокоиться и уснуть, перебирая в памяти события и ощущения такой удивительной поездки.

На следующий день я отправился в Государственный институт охраны памятников и природы. Его сотрудница К. Кршижова рассказала, что из 15 замков, где могут быть картины и другие изобразительные материалы из Теплиц, пока обследован один — Вельтруссы. В музейной коллекции этого замка ей и ее коллегам удалось выявить ряд портретов Д. Ф. Фикельмон и ее родственников (отца, матери, сестры, мужа, дочери)¹²⁴. Она показала их репродукции. Особенно взволновали меня миниатюрный портрет Тизенгаузена, портреты Е. М. Хитрово и юной Долли Фикельмон. Ощущение было такое, какое бывает, когда встречаешь человека хорошо, но лишь заочно известного и сопоставляешь его реальную внешность с созданной твоим воображением. Я не был разочарован, хотя юную Долли и представлял несколько иной. Лицо Тизенгаузена поразило удивительной духовной чистотой и каким-то особым благородством, нередко присущим юным участникам войн с Наполеоном, будущим декабристам. Как знать, может быть, на Сенатской площади оказался бы и Ф. И. Тизенгаузен, не срази его пуля при Аустерлице. Во всяком случае, один из его родственников был членом Южного общества. Глядя на живописное изображение Е. М. Хитрово, я пытался мысленно соотнести его с известной литографией с акварели Гау. Рассматривая акварельный портрет внучки Хитрово — Елизалекс, которой Вяземский посвятил стихотворение «Notturmo»¹²⁵, как-то невольно обратил внимание на то, что родственное сходство проявляется не только в чертах лица, но и в форме плеч. Видно, не зря, будучи в Венеции, 12 ноября 1853 года Вяземский сделал такую запись: «Вечер у Стюрмер...

Принцесса Кляри белоплечая с успехом поддерживает плечистую славу бабушки своей Елизаветы Хитровой. Красива и мила»¹²⁶.

Особо следует отметить еще найденную в Вельтрусском замке акварель с изображением салона Д. Ф. Фикельмон в Петербурге и ее маленькой дочери. Благодаря этой акварели мы теперь можем представить себе хотя бы один из залов, где не раз бывали при посещениях австрийского посольства Пушкин (в 1837 году 6 и 21 января), Наталия Николаевна, Вяземский, Жуковский, А. Тургенев, братья Виельгорские, Соллогуб, Ростопчина, А. О. Россет-Смирнова, А. А. Перовский (Погорельский), А. Н. Муравьев, В. А. Перовский, А. А. Бобринский, Карамзины и другие люди пушкинского круга¹²⁷. Позже, уже после гибели Пушкина, в этом зале мог оказаться и Лермонтов, также посещавший салон Фикельмон-Хитрово. И хотя ввел его туда, кажется, Соллогуб, двери в этот салон прежде всего открыло ему стихотворение «На смерть поэта». Именно об этом салоне, в широком его понимании, писал Вяземский: «В нем и дипломаты, и Пушкин были как дома»¹²⁸. И еще одно воспоминание: «Было тут обозрение текущих событий, был и premier Pétersbourg с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, эта всемирная, изустная разговорная газета издавалась по направлению двух любезных женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мыслей не было спора и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок, система: *frui trade*, приложенная к разговору». Все это происходило и в зале, изображенном на найденной акварели. Именно здесь, в нем, Вяземский, Пушкин и многие другие русские, бывавшие у Фикельмонов, могли «запасться сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи»¹²⁹. А вот другая зарисовка того же салона, принадлежащая А. И. Тургеневу, который также часто бывал у Фикельмон и Хитрово¹³⁰. В его письме к московскому почт-директору А. Я. Булгакову от 9 января 1837 года есть строки: «Два дня тому назад мы провели восхитительный вечер у австрийского посланника, этот вечер напоминал мне интимный па-

рижский кружок, состоявший из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского посла и вашего покорного слуги. Мы беседовали, что бывает довольно редко, по нынешним временам. Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса, так как Барант нам рассказывал пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он читал. Вяземский со своей стороны отпускал словечки, достойные его оригинального ума, Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины II...»¹³¹ Тургенев не упоминает среди участников беседы ни Фикельмона, ни графиню Долли, ни ее мать. Однако кто-то из них, если не все, тогда безусловно присутствовал. Это был один из тех интимных вечеров, которые особенно нравились Д. Ф. Фикельмон¹³². Вполне сходную с Вяземским и А. И. Тургеневым характеристику салона Фикельмон дал ему и Соллогуб.

О находках в Вельтрусах сообщалось в чешской печати¹³³. Были публикации о них и в советской прессе¹³⁴. Обнаружилось сначала, конечно, далеко не все, а лишь часть того, что было раньше в Теплицком замке¹³⁵. Уже тогда, в 1978 году, имелись сведения, что в одном из необследованных замков есть бюст Фикельмона, а в военно-историческом музее в Праге — старинная литография Кутузова¹³⁶. В последующие годы, как и следовало ожидать, число находок пополнилось¹³⁷. Из них хочется обратить внимание еще на один портрет Д. Ф. Фикельмон (художник И. Эндер, 1830-е гг.), который, может быть, более других позволяет судить о ее внешности. Современники считали ее одной из первых красавиц Петербурга. Пушкин называл ее «самой блестящей... дамой», Вяземский — «красавицей и одной из царствующих дам», Вяземский и А. И. Тургенев — «австрийской красавицей». Такой же красивой, как и жена Пушкина, считала Фикельмон сестра поэта — О. С. Павличева, а видевший ее еще в Италии в 1822 году сын известного в свое время поэта князь Д. И. Долгоруков писал: «...г-жа Фикельмон прекрасна». Интересно свидетельство будущего декабриста А. А. Бестужева. В сентябре 1823 года он писал матери, что на петергофском празднике «первая красавица была графиня Фикельмон, дочь Хитровой и внучка Кутузова — в самом деле прекрасная женщина»¹³⁸. Теперь упомянутый новый портрет графини Долли времени ее знакомства с Пушкиным и другие ее портреты позволяют убедиться в правильности дошедших до нас суждений о ее внешности. Безусловно, по-своему интересны также и портре-

ты ее родных и знакомых, которые хоть и отчасти, но все же как бы материализуют пушкинское время, переводят словесные характеристики отдельных близких поэту людей в изобразительный ряд. Среди находок, сделанных после 1978 года, следует еще сказать о портрете дочери Д. Ф. Фикельмон — Елизалекс, принадлежащем к лучшим работам Карла Брюллова, брату которого, Александру, Е. М. Хитрово в итальянский период своей жизни оказывала покровительство¹³⁹.

Заметным событием в культурной жизни Чехословакии стала организованная в 1983 году краеведческим музеем в Теплице, куда вернулись портреты и некоторые рукописи Фикельмонов, выставка: «Собрание пушкинских друзей из Теплиц. Картины, графика, пластика, фотография, документы». Первое слово в этом названии словно бы обрело двойкий смысл: коллекция, принадлежавшая друзьям поэта и одновременно — собрание портретов его друзей. Помимо уже упоминавшихся изображений, на выставке можно было увидеть портреты Н. К. Загряжской (урожденной Разумовской, жены дяди Наталии Николаевны — Н. А. Загряжского), рассказы которой о старине так любил Пушкин, кузины Д. Ф. Фикельмон — А. Штакельберг, Матвея Виельгорского, П. А. Вяземского (одного и с сыном), А. М. Крюднер (той, которая, по словам Вяземского, нравилась Пушкину, кому Тютчев посвятил стихотворения: «Я помню время золотое» и «Я встретил вас...»), ставшие столь известными как романы). Были показаны на выставке скульптурные портреты Хитрово и Фикельмона, множество изображений правнучки Кутузова — Елизалекс и ее знакомых, к числу которых принадлежал А. К. Толстой. Экспонировались в Теплицком музее и многочисленные альбомы с фотографиями родных и знакомых Фикельмонов¹⁴⁰. Выставка прошла с большим успехом, за три месяца ее посетило более 4,5 тысячи человек, хотя многим из них надо было для этого проделать большой путь.

Наш рассказ о рукописях и портретах из Теплицкого замка подошел к концу. По необходимости мы ввели в него некоторый дополнительный исторический материал, показывающий их связь с Пушкиным и людьми, его окружавшими. Без этого архивные бумаги так бы, наверно, и не ожили, а портреты остались бы холодными, мало что говорящими единицами музейного хранения. Хочется думать, что литературно-исторические отступления в прошлое и комментарии помогут отчетливее и полнее понять научное

значение и культурно-эмоциональную ценность обнаруженных в Чехословакии бумаг и портретов из наследия Д. Ф. Фикельмон, о которых мы долго ничего не знали. Заключительная часть очерка содержит краткую информацию о новых находках, сделанных уже в последующие годы. А тогда, осенью 1978 года, я покидал Прагу с чувством глубокой благодарности ко всем, кто помог познакомиться с архивными бумагами потомков Кутузова и друзей Пушкина, дал возможность увидеть их портреты¹⁴¹.

В Москве я показал обнаруженные бумаги и портреты прапраправнучке Кутузова Наталии Михайловне Хитрово, бывшей в то время хранительницей Музея-квартиры Л. Н. Толстого. Ее прапрабабушкой была сестра Елизаветы Михайловны Хитрово — Анна Михайловна, мужем которой стал Николай Захарович Хитрово, родственник отчима Долли и ее сестры. Внимательно и с большим интересом всматривалась прапраправнучка Кутузова в лица своих далеких родственников, сестры своей прапрабабушки и ее дочерей. А потом была еще одна встреча: на этот раз портреты и письма друзей Пушкина долго разглядывала правнучка поэта Татьяна Николаевна Галина и ее сын Георгий Александрович, а рядом на диване совсем еще маленький представитель шестого поколения пушкинского рода декламировал «Буря мглою небо кроет...». Так история оказалась рядом с живой жизнью. Так попавшие в Чехию более ста лет назад русские материалы обрели свою актуальность в наши дни, стали общим достоянием современной чешской и советской культуры. Осуществилась связь времен. И невольно вновь и вновь приходят на память пушкинские слова: «Бывают странные сближения». Какое удивительное прозрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЛАГОРОДНЫЙ КНИЖНИК И СУДЬБА ЕГО БИБЛИОТЕКИ

¹ См: Библиотека для чтения, 1847, т. 47, отд. VI, с. 27.

² Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца — издателя Александра Филипповича Смирдина. Издание петербургских книгопродавцев на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника. СПб., 1858—1859 (далее — Сборник литературных статей), т. I, с. III.

³ Вот что писалось в 30-е годы о росте интереса к русской книге: «Книжная торговля в Петербурге и Москве... в период времени с 1829/30 года почти до 1840 года была чрезвычайно оживлена... Кроме покупателей местных, между которыми стали появляться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие *русских книг*, зимою появлялись в значительном числе помещики, покупавшие за раз на большую сумму книг... Все книгопродавцы стали издавать несравненно более (второе, вчетверо), чем прежде, и особенно этим отличался А. Ф. Смирдин» (Северная пчела, 1841, № 77).

О том, какими были читатели в России до Смирдина, в какой-то мере дают представление пушкинские строки о Татьяне: «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала...» и т. д.

Есть и еще одно любопытное замечание Пушкина о русском чтении: «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке...» («Отрывок из неизданных записок дамы...» — Рославлев).

⁴ Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959, т. I, с. 98 (далее — Белинский).

⁵ Результатом моих «смирдинских» изучений и изысканий явились статьи: Судьба библиотеки. — Известия, 1977, 20 янв.; Книжное собрание Смирдина в Праге. — Временник Пушкинской комиссии, 1974. Л., 1977; Библиотека А. Ф. Смирдина. — Книжное обозрение, 1979, 9 февр.; Благородный книжник. — Литературная Россия, 1982, 18 июня.

⁶ Опись хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — далее — О. р. ГПБСЩ (ф. 696, П. К. Симони, ед. хр. 66). Сколь богат и интересен был бы для истории русской культуры и характеристики самого Смирдина его архив, показывает уже то, что он содержал письма и разного рода рукописи-автографы Баратынского, Александра Бестужева, Михаила Виельгорского, Воейкова, Вяземского, Галича, Федора Глинки, Гнедича, Гребенки, Надежды Дуровой, Дениса Давыдова, Даля, Жуковского, Загоскина, Иакинфа Бичурина, Измай-

лова, Катенина, Кеппена, Козлова, Краевского, Крылова, Лажечникова, Лермонтова, Метлинского, Мятлева, Надеждина, Нарезного, В. Ф. Одоевского, Василия Плавильщикова, Плетнева, Погодина, Николая Полевого, Пушкина, Ореста Сомова, Срезневского, Дмитрия Языкова и других. Смирдин несомненно понимал ценность своего архива, о чем говорит та тщательность, с какой он его описал. К сожалению, из него уцелело очень немного.

⁷ Сообщение о том, что полная биография А. Ф. Смирдина войдет в VI том Сборника литературных статей, посвященного памяти А. Ф. Смирдина (полное название издания см. в примеч. 2), содержится в предисловии к I тому этого сборника. Б. М. Федоров (1798—1875) — титулярный советник, литератор, печатался у Смирдина, был на обеде 19 февраля 1832 года.

⁸ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка Смирдина). М., 1929; Смирнов-Сокольский Ник. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957.

⁹ См.: Абалов Н. Н. «Роспись книг» библиотеки издателя пушкинской эпохи А. Ф. Смирдина. — Советская библиография. Сборник 1 (18). М., 1940; Кобленц И. Н. «Роспись» библиотеки А. Ф. Смирдина. — Книга. Сборник XXVI. М., 1973; Толстиков А. П. О неосуществленной книжной лотерее А. Ф. Смирдина. — Книга. Сборник XXIХ. М., 1979.

¹⁰ См.: Новый книжный магазин Смирдина. — Северная пчела, 1831, № 236; Корреспонденция. Письмо к В. А. Ушакову. — Северная пчела, 1832, № 45; В. Похороны книгопродавца Александра Филипповича Смирдина. — Русский инвалид, 1857, № 203; Библиотека для чтения, 1857, т. 146 (некролог); Полевой Кс. Воспоминания о Смирдине. — Северная пчела, 1857, № 210; Сборник литературных статей..., т. 1 (Предисловие); В. Бурунашев]. Из воспоминаний петербургского старожила. — Заря, 1871, апрель; Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца... — Материалы для истории русской книжной торговли... СПб., 1879; Юркевич П. Из воспоминаний петербургского старожила. — Исторический вестник, 1882, т. X; Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых. СПб., 1882, с. 50—56; Никитенко А. В. Записки и дневники (1826—1877). СПб., 1893, т. I; Лисовский Н. М. А. Ф. Смирдин — русский книгопродавец-издатель. — Библиограф, 1887, № 6—7; Бочагов А. Д. Александр Филиппович Смирдин. — Посредник печатного дела, 1892, № 2, 3; Булатов И. И. А. Ф. Смирдин. — Известия Вольфа, 1898, № 4; Розанов И. И. Книга и люди в XIX веке. — Русская книга девятнадцатого века. М., 1925; А. Ф. Смирдин. — Советский книжник, 1937, № 2—3; 400 лет русского книгопечатания. М., 1964, с. 273—275 и др.

¹¹ Сведения об этом содержатся в бумагах П. К. Симони, находящихся в О. р. ГПБСЦ (ф. 696, ед. хр. 56).

¹² В некоторых работах говорится, что Смирдин родился в 1794 году.

(См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 51.)

¹³ См.: Сборник литературных статей..., т. I с. 1, а также «Воспоминания старого книгопродавца...» Н. Г. Овсянникова, с. 12. Но есть и другие данные о начале трудовой деятельности Смирдина, согласно которым он стал работать у Ильина в 1804 году, т. е. не с 13, а с 10 лет. (См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых, с. 51; Словесность и коммерция, с. 224.) Более достоверен 1807 год, т. к. еще при жизни Смирдина предполагалось отметить в 1857 году пятидесятилетие его «книгопродавческой деятельности».

¹⁴ А. С. Ширяев (? — ум. 1841) — известный московский книгопродавец (владелец книжной лавки Московского университета).

¹⁵ Магазин у Синего моста был первым в России отопляемым книжным магазином. Вся книжная торговля до этого велась в холодных лабазах, что снижало число покупателей, особенно зимой.

¹⁶ По существу, библиотека Плавильщикова была одним из первых русских литературных клубов. Ученые и литераторы на месте пользовались книгами безвозмездно.

¹⁷ Есть и другая версия относительно завещания В. А. Плавильщикова, по которому Смирдину предоставлялось право купить весь оставшийся книжный товар по любой удобной для него цене. Будучи щепетильным, он якобы собрал для оценки книг петербургских книгопродавцев и сам назначил цену выше всех других. Так или иначе 31 декабря 1824 года Смирдин был записан в с.-петербургское купечество.

¹⁸ Небывало высокая выплата Смирдиным гонорара за «Бахчисарайский фонтан» была сенсацией не только для русских. Чешский поэт Ф. Л. Челаковский сообщал об этом в феврале 1825 года приятелю Камариту, как о чем-то невиданном и желанном. (См.: Korespondence a zápisky Frant. Ladislava Čelakovského v Praze, 1907, d. I).

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1937—1952, с. 88 (далее — Пушкин).

²⁰ Пушкин т. XIII, с. 346. Очевидно, существовали подобные письма и о двух других поэмах. Второе издание «Руслана и Людмилы» было дополнено «Прологом». К нему прилагался портрет Пушкина, написанный О. А. Кипренским и гравированный Н. И. Уткиным.

²¹ См.: Смирнов-Сокольский Н. И. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 241—243, 213—214.

²² Пушкин, т. XVI, с. 209.

²³ За пределами нашего обзора остался ряд произведений Пушкина, впервые появившихся на страницах смирдинского журнала «Библиотека для чтения» в 1834—1835 годах, такие, как «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Пиковая дама», «Песни западных славян», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др.

²⁴ Белинский, т. IX, с. 251—252.

²⁵ В первом случае исчисление, по-видимому, указывается в ассигнациях, во втором — в серебре. В 30-е годы XIX века соотношение между бумажным и серебряным рублем было примерно 3:1, поэтому какое-то из дошедших до нас сведений не точно. Об удивительной щедрости Смирдина сохранилось немало свидетельств. «Смирдин не жалел денег. Он платил авторам за оригинальные статьи по 400 и по 500 рублей, а за переводные по 200 и по 300 рублей. А таким поэтам, как А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. А. Крылов, платилось по червонцу за строчку», — так вспоминал секретарь Смирдина, впоследствии актер И. А. Григоровский. (См.: Из моих воспоминаний. — Сборник Московской иллюстрированной газеты. М., 1891, с. 82—83.)

²⁶ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956, с. 216—217.

²⁷ Пушкин, т. XIV, с. 209.

²⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, с. 849. За два часа была распродана примерно пятая часть тиража.

²⁹ «Твое слово для Смирдина, конечно, закон...» — писал Пушкину летом 1833 года М. А. Корф, ходатайствуя за переводчика Н. М. Бакунина. (См.: Пушкин, т. XV, с. 67.)

³⁰ См.: Азадовский М. Пушкинские строки в «Коньке-Горбунке». — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., 1936, с. 315—316.

³¹ Дневник А. С. Пушкина 1833—1835. М.—Л., 1923, с. 24.

³² См. об этом письмо Пушкина П. В. Нащокину от 10 января 1836 года (Пушкин, т. XVI, с. 73).

³³ Пушкин, т. XVI, с. 206.

³⁴ Подробнее о Ф. Ф. Цветаеве см.: Панаев И. И. Записки нового поэта. — Современник, 1859, № 11, с. 147.

³⁵ Литературное наследство, т. 58. М., 1959, с. 138.

³⁶ Как видно, утверждения Н. П. Смирнова-Сокольского о полном разрыве Пушкина со Смирдиным в 1835 году не точны. (См.: Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, с. 332, 333.)

³⁷ Пушкин и его современники, т. II, вып. VI. СПб., 1908, с. 47.

³⁸ Цит. по кн.: Летопись Государственного литературного музея, кн. 5. Архив опеки Пушкина (далее — Архив опеки Пушкина). М., 1939, с. 181.

³⁹ В 1837 году Смирдин был купцом 2-й гильдии, в 1840 году, несмотря на приближавшееся разорение, он уже купец 1-й гильдии. Это означает, что в первом случае Смирдин объявил себя владельцем капитала от 5000 до 10 000, во втором — свыше 10 000 рублей.

⁴⁰ Об иллюстрациях Гагарина к произведениям Пушкина см.: Савинов А. Иллюстрации Г. Г. Гагарина к произведениям А. С. Пушкина. — Архив опеки Пушкина, с. 422—426; Найдич Э. Пушкин и художник Г. Г. Гагарин. — Литературное наследство, т. 58. М., 1958.

⁴¹ Архив опеки Пушкина, с. 418.

⁴² Подробнее см.: Архив опеки Пушкина, с. 160, 181, 188, 231, 233, 243—246, 262, 369, 417—421

⁴³ В 1782 году И. А. Крылов вместе с П. А. Плавильщиковым и А. И. Клушиным издавал журнал «Зритель», подвергшийся преследованию властей. После отхода Крылова от журналистики его типография в середине 90-х годов перешла к В. А. Плавильщикову.

⁴⁴ Б е л и н с к и й, т. II, с. 105.

⁴⁵ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (далее — О. р. ИРЛИ), Р. I, оп. 25, ед. хр. 212.

⁴⁶ См. О. р. ИРЛИ, ф. 234, оп. 9, ед. хр. № 56.

⁴⁷ Так, Д. В. Давыдову издатель предлагал печататься в «Библиотеке для чтения» с оплатой 300 рублей за лист. (См.: П у ш к и н, т. XVI, с. 88).

⁴⁸ П л а к с и н В. Т. Голос за прошедшее. — Сборник литературных статей..., т. I, с. 316—317. А. И. Галич (1783—1848) — один из русских исследователей Шеллинга, лицейский учитель Пушкина. Поэт посвятил ему стихотворения «К Галичу» и «Послание к Галичу» (1815).

⁴⁹ Там же, с. 319—320.

⁵⁰ В 1847 году Смирдин пытался опубликовать третье прибавление к своей «Росписи...» («Третье прибавление к Росписи российским книгам для чтения из Библиотеки Александра Смирдина». СПб., 1847). Оно осталось недопечатанным. Новый (с 1847 г.) владелец библиотеки Смирдина выпустил с сохранением принятой им нумерации еще два прибавления: «Третье прибавление к Росписи российским книгам из библиотеки Петра Крашенинникова. Продолжение к прежде изданным росписям А. Ф. Смирдина». СПб., 1852 (232 с.) и «Четвертое прибавление...». СПб., 1856 (140 с.).

⁵¹ В 1817 году Плавильщиковым был выпущен «Реэстр российским книгам, продающимся в новооткрытом книжном магазине Плавильщикова...», а затем в 1818 году — дополнение к нему. Наряду с торговыми реестрами книг в 1817 году появился и первый каталог его библиотеки, озаглавленный «Библиотека для чтения, находящаяся у Синего моста, на углу в доме г-жи Надворной Советницы Гавриловой, под № 168, СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1817», содержавший 3500 названий.

⁵² Канцелярия «Российско-Американской торговой компании», правителем которой с 1824 года был Рылеев, находилась у Синего моста, там же, где книжный магазин и библиотека Смирдина. Нельзя себе представить, чтобы поэт ни разу не заглянул туда. Могли встречаться Смирдин с Рылеевым и у технического издателя «Полярной звезды» И. В. Сленина. Кстати, так как Сленин не платил гонораров, третий выпуск «Полярной звезды» Рылеев и Бестужев издали сами, введя оплату труда авторов. Их пример позже был развит Смирдиным, который, по всей вероятности, был и комиссионером-распространителем «Полярной звезды».

⁵³ Надо отметить и то немаловажное обстоятельство, что цензором «Росписи...» Смирдина был принимавший участие в ее составлении В. Г. Анастасевич, отличавшийся либерализмом и терпимостью.

⁵⁴ Подробнее см.: А балов Н. Н. «Роспись книг» библиотеки... А. Ф. Смирдина; К о б л е н ц Н. И. «Роспись» библиотеки А. Ф. Смирдина.

⁵⁵ См.: письмо П. А. Катенина к А. С. Пушкину 1 июля 1835 года (Пушк и н, т. XVI, с. 32).

⁵⁶ Переписка Я. К. Грота с Н. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, с. 446.

⁵⁷ Цит. по кн.: А н н е п к о в П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 250.

⁵⁸ С о б о л е в с к и й С. А. Новые явления в русской библиографии. М., 1869, с. 8.

⁵⁹ Б е л и н с к и й, т. X, с. 159—160.

⁶⁰ Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. (далее — Чернышевский), т. XVI. М., 1953, с. 655.

⁶¹ А б а л о в Н. Н. «Роспись книг» библиотеки... А. Ф. Смирдина, с. 59.

⁶² Систематический реэстр русским книгам с 1831 по 1846 год. Издание М. Д. Ольхина. СПб., 1846 (Предисловие).

⁶³ Подробнее см.: А б а л о в Н. Н. «Роспись книг» библиотеки... А. Ф. Смирдина, с. 69—74.

⁶⁴ Впоследствии, в 1830-е годы, Белинский писал, что Смирдин «произвел решительный переворот в русской книжной торговле и, вследствие этого, в русской литературе. Он издал сочинения Державина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова — так, как они в типографском отношении никогда прежде того не были изданы, т. е. опрятно, даже красиво — и, что всего важнее — пустил их в продажу по цене доступной и для небогатых людей». Далее Белинский замечает, что в этом отношении деятельность книгопродавца «благородна, прекрасна и богата самыми благотворными следствиями» (Б е л и н с к и й, т. IX, с. 242).

⁶⁵ О значительности этой суммы, указанной в книге «Краткий обзор книжной торговли...» (с. 53), позволяет судить сообщение московского «Дамского журнала» (1832, № 13): за помещение открывшихся в Москве книжного магазина и библиотеки их владелец Н. Н. Глазунов платит 1650 рублей в год.

⁶⁶ Северная пчела, 1831, № 286.

⁶⁷ Письма к И. И. Дмитриеву П. А. Вяземского. СПб., 1868, с. 24.

⁶⁸ Краткий обзор книжной торговли..., с. 53.

⁶⁹ О количестве присутствовавших на обеде имеются разные сведения. По одним данным, их было 120 человек (Русский инвалид, 1832, № 46), по другим — 80 (Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 113). В перечне участников обеда в «Северной пчеле» (1832, № 45) названо 48 лиц. Возможно, правы все, если считать, что приглашенных было 120, стол был на 80 гостей, а присутствовало 48.

⁷⁰ Северная пчела, 1832, № 45. Пока шел обед, стихотворение Хвостова было набрано, отпечатано и роздано гостям. При получении стихов Хвостова, бывшего не только поэтом, но и сенатором, кто-то сочинил эпиграмму:

Смеюсь, когда стихи он мне начнет читать,
И плачу, когда в сенат он едет заседать.

(См.: Григоровский И. Из моих воспоминаний, с. 82.)

⁷¹ Там же. Об одной из таких «невинных острот» узнаём от сотрудника Смирдина. Согласно его рассказу, когда подали шампанское, Греч провозгласил тост за процветание русской литературы. Выпив свой бокал, Булгарин опрокинул его себе на голову. На это Греч заметил ему: «Ну, что ты переливаешь там из пустого в порожнее, наливай и выпьем за здоровье дорогого хозяина». (См.: Григоровский И. Из моих воспоминаний, с. 81—82.)

⁷² В. Б[урнашев]. Из воспоминаний петербургского старожила, с. 26.

⁷³ Остафьевский архив князей Вяземских, т. III. СПб., 1899, с. 225.

⁷⁴ Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина (Публикация воспоминаний М. Е. Лобанова...). — Пушкин и его современники. Л., 1927, с. 113.

⁷⁵ Новоселье, кн. I. СПб., 1833 (От издателя).

⁷⁶ Русская старина, 1893, апр., с. 55.

⁷⁷ В 1845—1846 годах обе книги «Новоселья» были переизданы с добавлением третьей, куда, очевидно, вошли произведения, полученные Смирдиным еще в 1832 году, но не использованные тогда. Третья книга содержала прозу Е. П. Гребенки, В. Луганского (Даля), В. А. Соллогуба, стихи В. Г. Бенедиктова, Е. П. Ростопчиной, Ф. Н. Слепушкина.

⁷⁸ О рисунке А. Брюллова см.: Назарова Г. И. «Новоселье» Александра Брюллова. — Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971.

⁷⁹ Сборник литературных статей..., т. I, с. 339.

⁸⁰ Прочно закрепленная Смирдиным традиция своеобразного соединения книжного магазина и литературного клуба, идущая от Плавильщикова и Сленина, еще долго жила в Петербурге. (См.: Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг. и М., 1916, с. 12.)

⁸¹ См., в частности, памфлет А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших».

⁸² См.: Русские писатели XIX века о Пушкине. Л., 1938, с. 300. Подтверждение тому, что Пушкин был частым посетителем лавки Смирдина, есть в воспоминаниях В. Я. Брюсова, дед которого именно к Смирдину ходил «смотреть Пушкина» (см.: Брюсов В. Я. Из моей жизни. М., 1927).

⁸³ Об этом есть мемуарные упоминания. А. Панаева, например, пишет, что однажды при входе в магазин Смирдина она и ее муж встретили Наталию Николаевну (Воспоминания, с. 216). Сохранилась расписка, данная Н. Н. Пушкиной Смирдину 11 апреля 1836 года, подтверждающая получение ею 2000 рублей ассигнациями за 100 экземпляров первой книги «Современника». (См.: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 542.)

⁸⁴ Пушкин А. С. Соч. под ред. С. А. Венгерова, т. VI. Пг., 1915, с. 498. В современных изданиях (См.: Пушкин, т. III, ч. I, с. 489) эта эпиграмма воспроизводится в другой редакции и в разделе «Коллективное».

В воспоминаниях о Пушкине В. А. Соллогуб пишет о своей причастности к ее созданию, о том, что, стоя как-то у лавки Смирдина в ожидании поэта, он сымпровизировал:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь.

Вышедший из лавки Пушкин, по словам Соллогуба, добавил пятый стих:

Иль в Булгарина наступишь.

(См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 300.) Однако в письме к Я. К. Гроту (1840) П. А. Плетнев приводит как эпиграмму Пушкина не пятистрочную, а именно четырехстрочную редакцию. Этот же вариант упоминается в воспоминаниях И. И. Панаева (1861). Скорее всего, в памяти Плетнева сохранилась устная редакция, сделанная самим поэтом. Обе редакции эпиграммы перекликаются со строчками стихотворения Измайлова, посвященного Смирдину:

Когда к вам ни придешь,
То литераторов у вас всегда найдешь...

⁸⁵ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 60—61.

⁸⁶ Пушкин и его современники, т. II, вып. VI, с. 61.

⁸⁷ См.: Пушкин в письмах Карамзиных. 1836—1837. М.—Л., 1960, с. 173. Речь идет о миниатюрном, третьем издании «Онегина», которое осуществил И. И. Глазунов. Но оно продавалось и у Смирдина.

⁸⁸ Плаксин В. Т. Голос за прошедшее, с. 317.

⁸⁹ «Роспись...» Смирдина с продолжениями охватывает период с 1564 по 1856 год. Особенно полно представлены в ней издания пушкинского времени, с 1813 по 1836 год. До начала государственной библиографической регистрации в России (1837) «Роспись...» Смирдина и непрерывно пополнявшийся им рукописный каталог принадлежали к ценнейшим библиографическим источникам.

⁹⁰ Московские ведомости, 1834, № 5.

⁹¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 294.

⁹² Материалы для истории русской книжной торговли..., с. 14.

⁹³ Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 221.

⁹⁴ Смирдиным была введена индивидуальная аккордная плата за стихи (о Пушкине уже говорилось, а Крылов, например, получал по 300 рублей за каждую новую басню, независимо от ее размера), проза оплачивалась по 200 рублей за лист, переводы — по 75.

⁹⁵ Северная пчела, 1833, № 300. Здесь и далее — курсив источника.

⁹⁶ Русский инвалид. 1857, № 203.

⁹⁷ Полевой Кс. Записки. СПб., 1888, с. 473, 479.

⁹⁸ Сборник литературных статей..., т. I, с. III.

⁹⁹ Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы. — Современник, т. I. СПб., 1836, с. 195.

¹⁰⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 144.

¹⁰¹ Никитенко А. В. Записки и дневники, т. I, с. 329.

¹⁰² Юркевич П. Из воспоминаний петербургского старожилы. — Исторический вестник, т. X, 1882, с. 165. П. И. Юркевич (ум. 1884) — тайный советник, председатель Театрального литературного комитета, литератор (драматург и переводчик), в 1830-е годы печатался в «Северной пчеле».

¹⁰³ Северная пчела, 1839, № 287.

¹⁰⁴ Рисунок из альбома Ф. А. Кони находится в Пушкинском доме. Он сопровождается надписью Котляревского (очевидно, слависта, Александра Александровича): «Книжная лавка Смирдина в 40-х годах».

¹⁰⁵ Хранится в фондах Третьяковской галереи.

¹⁰⁶ О. р. ГПБСШ, ф. 696, П. К. Симони, ед. хр. 69.

¹⁰⁷ Белинский, т. IX, с. 251—252.

¹⁰⁸ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. IX. М., 1950, с. 13—27.

¹⁰⁹ См.: Левкович Я. Л. К цензурной истории сочинений А. А. Бестужева. — Литературное наследство декабристов. Л., 1975, с. 294—301.

¹¹⁰ Причины разорения Смирдина многообразны. По свидетельству Кс. Полевого: «Смирдин, честный, добрый, готовый на все хорошее, ...не имел почти никакого капитала в своей торговле, развел огромные дела на кредит и от первого удара мог пошатнуться» (Записки, с. 371—372). А «Библиотека для чтения» писала, что к началу 1840-х годов на Смирдине «лежали огромные долги, большей частью от его излишней доверчивости и от обмана людей неблагонамеренных» (1857, т. 146, с. 253).

¹¹¹ В частности, П. В. Анненков, П. И. Юркевич, В. П. Бурнашев, А. В. Никитенко, неизвестный автор «Краткого обзора книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых» и другие.

¹¹² В. Б[урнашев]. Мое знакомство с Воейковым. — Русский вестник, т. 95, 1871, окт., с. 634. О том, как грабил Сенковский Смирдина и неладах между ними, хорошо знали их современники, этому даже было посвящено пародийное стихотворение поэта и драматурга 30-х годов К. А. Бахтурина, а также эпиграмма литератора Б. М. Федорова.

¹¹³ Подробнее об этом см.: Г р и г о р о в с к и й И. Из моих воспоминаний, с. 89—91. Между прочим, к разорению Плюшара, так же как и Смирдина, был причастен все тот же Сенковский, который редактировал «Энциклопедический лексикон». Не исключено, что не очень честны были и приказчики у Смирдина. Многие из них завели собственные книжные магазины и ни один не помог Смирдину.

¹¹⁴ Смирдин не раз ездил для реализации своих книжных запасов в Москву, где его, по словам Н. Г. Овсянникова, «положительно обирали», беря товар с уступкою в 50%. «В начале 40-х годов, — пишет Овсянников, —

дела его (Смирдина. — *Л. К.*) стали быстро падать, не помогли ему и московские поездки, и помощь от правительства, и издание в его пользу в 1841—1843 годах сборников «Русской беседы» в 3 томах; он занимал деньги всюду и под залоги товара, и под векселя, но дела все-таки падали» (Воспоминания старого книгопродавца..., с. 14).

¹¹⁵ По свидетельству И. Григоровского, Ольхин, беря в залог от Смирдина книги, платил ему лишь по 5 копеек за рубль.

¹¹⁶ См.: Полевой Кс. Записки, с. 529.

¹¹⁷ В начале 1850-х годов Смирдин пытался провести третью лотерею, но не получил на это разрешение, на чем мы еще остановимся позже. (См.: Толстиков А. П. О неосуществленной книжной лотерее А. Ф. Смирдина.)

¹¹⁸ Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца..., с. 15.

¹¹⁹ Сохранилась книга «Географический атлас Российской империи...» (1745) с надписью поэта «А. Пушкин» и экслибрисом «Из Библиотеки для чтения А. Смирдина № 3852». (См.: А. С. Пушкин. Рукописи, документы, иллюстрации. М., 1948, с. 27.) В личной библиотеке Пушкина также зарегистрировано 7 книг с экслибрисом «Из Библиотеки для чтения А. Смирдина». (См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 16, 17, 34, 42, 53, 107, 126.)

¹²⁰ Чернышевский пользовался книгами Смирдинской библиотеки во второй половине 1840-х годов и, очевидно, в 1850-е годы, когда она уже принадлежала П. Крашенинникову. В его дневниках за 1849—1850 годы есть упоминания о посещении им библиотеки Смирдина — Крашенинникова. (См.: Чернышевский, т. I, с. 279, 282, 334, 390.) О том же вспоминает и двоюродный брат писателя, литературовед А. Н. Пыпин.

¹²¹ По предположению Н. П. Смирнова-Сокольского идее издания серии «Полное собрание сочинений русских авторов» Смирдин позаимствовал у Белинского, который в связи с выходом в 1844 году девятого тома Сочинений Жуковского писал: «Мы почти не имеем возможности пользоваться и тем, что произвела необширная деятельность наших немногих писателей: все они издавались и издаются у нас таким образом, что их сочинения нельзя иметь тем именно людям, которые и читают книги и покупают» (Белинский, т. VIII, с. 341).

¹²² Цит. по кн.: Смирнов-Сокольский Ник. Книжная лавка А. Ф. Смирдина, с. 62.

¹²³ Белинский, т. X, с. 53—54.

¹²⁴ Достоевский Ф. М. Об искусстве. М., 1973, с. 54.

¹²⁵ Плаксин В. Т. Голос за прошедшее, с. 321.

¹²⁶ Сведения о библиографической работе Смирдина подтверждаются письмом сына издателя А. А. Смирдина к М. П. Погодину от 28 октября 1857 года (хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина), в котором говорится о тех же 20 000 карточек русских книг.

¹²⁷ Цит. по ст.: Толстикова А. П. О неосуществленной книжной лотерее А. Ф. Смирдина, с. 181—182.

¹²⁸ В письме к С. Д. Полторацкому от 26 сентября 1851 года Смирдин писал, что за грамоту надо внести 330 рублей серебром, но ему не хватает 95 рублей. Поэтому он просил одолжить 50 рублей. (См.: Толстикова А. П. О неосуществленной книжной лотерее А. Ф. Смирдина, с. 183.)

¹²⁹ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 144.

¹³⁰ Кс. Полевой вспоминал: «На похоронах присутствовало очень мало литераторов. Восемь-девять человек, во много раз меньше, чем на его новоселье... Но где были в час погребения Смирдина те писатели, которые обязаны ему так много? Почему не явились?.. Неужели можно быть равнодушным к человеку, памятного множеством пользы, принесенной им русской литературе, русскому просвещению?..» (Северная пчела, 1851, № 21).

¹³¹ Известно прошение о пособии дочери Смирдина — Е. А. Верховской, с которым в 1867 году она обращалась к председателю Литературного фонда Е. Л. Ковалевскому. (См.: Письма дочери Смирдина Елизаветы Александровны Верховской. — Звенья, т. VIII. М., 1950.)

¹³² Библиотека для чтения, 1841, т. 47, с. 27.

¹³³ Кроме наборного, на книгах библиотеки Смирдина встречается еще и гравированный экслибрис — с лирой, глобусами, цветами и надписью «Из библиотеки Смирдина». Видимо, он более ранний, т. к. иногда заклеен наборным экслибрисом. (См.: Климович Н. Неожиданная находка. — Книжное обозрение, 1980, 28 авг.)

¹³⁴ Как и в книгоиздательском деле, Смирдин также, видимо, шел по пути удешевления оплаты права пользования библиотекой. Если сравнить цифры, указанные на экслибрисе, с обозначением платы за чтение книг в «Правилах библиотеки», опубликованных в «Росписи...» (1828), то увидим их большое снижение.

¹³⁵ Перечень всех присутствовавших на обеде у Смирдина 19 февраля 1832 года лиц содержится в «Северной пчеле» за 1832 год, № 45.

¹³⁶ А. Никитенко в 1839 году был с Н. Полевым соредактором смирдинского журнала «Сын отечества». (См.: Никитенко А. В. Записки и дневники, т. 1, с. 401.)

¹³⁷ Имя И. С. Тургенева упомянуто среди тех, кто предполагал принять участие в шеститомном «Сборнике литературных статей...», посвященных памяти Смирдина (см. предисловие к I тому).

¹³⁸ В письме А. И. Герцена к Н. А. Герцен от 5—8 октября 1846 года есть слова: «...был у Ольхши и Смирдина» (Герцен А. И. Собр. соч. в 13-ти т. т. XI. М., 1961; с. 259).

¹³⁹ См. примеч. 120.

¹⁴⁰ О прибавлениях к «Росписи...» Смирдина, изданных П. И. Крашенинниковым, см. примеч. 50.

¹⁴¹ Чернышевский, т. XVI, с. 655—656.

¹⁴² Проспект библиотеки для чтения П. И. Крашенинникова. СПб., 1859.

¹⁴³ Упоминания о библиотеке А. А. Черкесова см.: Ал т а е в Ал. (М. В. Ямщикова). Мои старые знакомые. — Книга. Сборник XXVI. М., 1973, с. 165. «Каталог библиотеки Черкесова» был издан ее новой владелицей О. Н. Поповой в 1897 году.

¹⁴⁴ Российская библиография, 1879, № 36, с. 111—112.

¹⁴⁵ Библиограф, 1886, № 5, отд. I, с. 77.

¹⁴⁶ Антикварный каталог Н. Киммеля, 1887, № XXIII, XXXIV; 1889, № XXXIX, XL; 1890, № XLIV. Книги, шедшие в продажу, имели на экслибрисе Смирдина лиловый штамп «Н. Киммель в Риге. Книжный магазин и переплетное заведение», а попавшие в каталог отмечены еще овальной печаткой «Описана».

¹⁴⁷ А б а л о в Н. Н. «Роспись книг» библиотеки... А. Ф. Смирдина, с. 74—75.

¹⁴⁸ Там же, с. 77.

¹⁴⁹ С м и р н о в - С о к о л ь с к и й Ник. Книжная лавка А. Ф. Смирдина, с. 54.

¹⁵⁰ В «Красной газете» говорилось о 12 000 томов, а на самом деле, как увидим, их было более 11 000, а с дублированными экземплярами около 17 000. Неясно лишь одно — были ли действительно в Риге книги с автографами русских писателей.

¹⁵¹ С а в и ц к и й И. Новая жизнь русской библиотеки в Праге. — Советское славяноведение, 1967, № 4, с. 96—98. Как выяснилось позже, беглое упоминание о нахождении в Праге остатков библиотеки Смирдина было в книге Н. Раевского «Если заговорят портреты» (1965).

¹⁵² Slovanská knihovna... Vyučovní zpráva za rok 1932. Praha, 1933, s. 2

¹⁵³ Slovanská knihovna... Vyučovní zpráva za rok 1933. Praha, 1934, s. 2.

¹⁵⁴ Цифры взяты из сообщения И. Савицкого (см. примеч. 151).

¹⁵⁵ Особенно значительно пополнился смирдинский фонд в процессе реставрации периодики и книгами по истории.

¹⁵⁶ Об истории фонда «Sm» в составе Славянской библиотеки см.: S t r n a d e l J o z e f. Smirdivova knihovna. — Ročenka Státní knihovny ČR v Praze 1976. Praha, 1978, s. 39—51.

¹⁵⁷ Очевидно, книга была подарена отцу известного славянофила Юрия Федоровича Самарина.

¹⁵⁸ Находящийся в староместском районе Праги на берегу Влтавы, неподалеку от памятника Карлу IV, архитектурный ансамбль Клементинум строился с 1556 года вплоть до XVIII столетия. Свое название он получил от входящей в него одной из трех церквей — св. Клементя. В XVI веке в Клементинуме находился самый старый в Праге иезуитский коллегиум (духовная академия), в XVII и позже в нем размещались теологический и философский факультеты Пражского университета, в XIX веке — Академия художеств, Университетская библиотека. В настоящее

время Клементинум занимает Государственная библиотека ЧСР, частью которой является Славянская библиотека.

¹⁵⁹ См.: Вечерняя Москва, 1984, 5 июня; Литературная газета, 1984, 13 июня; Литературная Россия, 1984, 15 июня и др.

¹⁶⁰ Белозерова Т. Возвращение.— Советская культура, 1984, 9 июня. В этой статье сообщалось и о том, как тепло приветствовали в Москве прибывших по поручению Министерства культуры ЧСР для передачи дара директора Государственной библиотеки ЧСР Карела Козелика и директора Славянской библиотеки Иржи Вацека.

БРОДЗЯНСКИЕ РЕЛИКВИИ

¹ Раевский Н. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965. Далее — Если заговорят портреты. Посвященный Бродзянам раздел этой книги с некоторыми уточнениями вошел в книгу того же автора «Портреты заговорили». Алма-Ата, 1974. Далее — Портреты заговорили.

² См.: П. Б[артнев]. Еще о последних днях жизни и кончины Пушкина.— Русский архив, 1908, кн. III, с. 296. Брак дочери Александры Николаевны был морганатическим. Женитьба на Наталии Фризенгоф лишила ее мужа Элимара Ольденбургского наследственных герцогских прав.

³ См.: Новый материал для биографии Пушкина (письмо академика В. П. Безобразова к Я. К. Гроту от 17 мая 1880 года).— Русская мысль, 1881, кн. II, с. 17. Сообщение В. П. Безобразова, скорее всего, ошибочно, но, может быть, за ним и стоит что-то реальное. Вероятно, в письме В. П. Безобразова говорится о более позднем родстве Ганнибалов и Гончаровых, а следовательно, и Пушкиных: дед Наталии Николаевны А. Н. Гончаров был женат на Н. П. Мусиной-Пушкиной, а сын Абрама Петровича Ганнибала был женат на М. А. Пушкиной. Какое-то искаженное отражение в информации Безобразова могли получить также и родственные связи Пушкиных с Гончаровыми через Загряжских. Дело в том, что прапрадед Наталии Николаевны Гончаровой — Александр Петрович Дорошенко, владелец имения в Яропольце, был женат на Марии Федоровне Пушкиной, а их дочь вышла замуж за Александра Артемьевича Загряжского, прадеда жены Пушкина.

⁴ Более подробные сведения о семье Гончаровых см.: Из архива Гончаровых.— Летопись Государственного литературного музея, кн. I. М., 1936, с. 381—439; Малинин Д. Н. Полотняный завод в XVIII в. Калуга, 1929; Средин А. В. Полотняный завод.— Старые годы, 1910, VII—IX, с. 80—114; Державин Г. Р. Собр. соч., т. VI (Записки). СПб., 1871, с. 765—770.

⁵ См.: Воспоминания А. П. Бутенева.— Русский архив, 1881, кн. 3, с. 5—23.

⁶ См. там же, с. 8—10.

⁷ Там же, с. 17, 23.

⁸ Русский архив, 1882, кн. II, с. 98.

⁹ О масштабах состояния Гончаровых позволяет судить то, что в 1778

году, к моменту превращения Полотняного завода в майорат, А. А. Гончарову предстояло разделить между тремя сыновьями 75 вотчин.

¹⁰ Здесь и далее прозаические и стихотворные тексты Пушкина цитируются по Полному собранию сочинений (Изд. АН СССР, 1937—1959), т. II, III, XI, XIV, XV, XVI.

¹¹ См.: Трубецкой А. В. Рассказы об отношениях Пушкина к Дантесу.— Русская старина, 1901, т. 105, с. 261. Видимо, в приведенных словах есть доля правды. Косвенное подтверждение увлечения Пушкиным-поэтом есть в письмах самой Александры Николаевны.

¹² Цит. по кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 378.

¹³ Цит. по кн.: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. М., 1980, с. 203 (далее — После смерти Пушкина).

¹⁴ О возникшей еще в молодости любви к книгам свидетельствует письмо Александры Николаевны к брату Дмитрию от 19 июля 1832 года, в котором она с восторгом писала о посещении «прелестной библиотеки» соседа по имени С. С. Хлюстина и просила брата через сестру попросить Пушкина «прислать... третий том его собрания сочинений». Об увлечении Александры музыкой позволяют говорить ее письма к тому же Д. Н. Гончарову от 31 декабря 1834 года и 15 декабря 1835 года. (См.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975, с. 247, 267, 295—300. Далее — Вокруг Пушкина.) О том, что А. Н. Гончарова занималась музыкой, косвенно говорит и посмертный долг Пушкина настройщику фортепиано.

¹⁵ Одно из писем Наталии Николаевны к П. П. Ланскому, написанное в 1849 году, содержит строки: «...Вчера Россет пришел пить чай с нами. Это давнишняя страстная и взаимная любовь Сашеньки... Прежде отсутствие состояния было препятствием. Эта причина существует и теперь...» Здесь и во всех других случаях письма Наталии Николаевны и Александры Николаевны, написанные ими после 1837 года, цитируются по книге «После смерти Пушкина».

¹⁶ Цит. по кн.: Вокруг Пушкина, с. 328—329.

¹⁷ См. об этом: Летопись Государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. М., 1939, с. 138—139, 145.

¹⁸ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., 1928, с. 430.

¹⁹ Об этом вспоминает К. К. Данзас. (См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 331.)

²⁰ Вересаев В. Пушкин в жизни, вып. IV. М., 1927, с. 145.

²¹ См. там же, с. 188.

²² О времени прибытия Ксавье де Местра в Россию в разных источниках говорится по-разному. Одни считают, что это произошло в 1798 году, т. е. до итальянского похода Суворова, другие полагают, что он оказался в России в 1800 году, после похода, в котором сначала участвовал как пьемонтский офицер.

²³ См.: Воспоминание о детстве А. С. Пушкина (со слов О. С. Павли

щевой). — Летопись Государственного литературного музея, кн. I. М., 1936, с. 452.

²⁴ См.: П а в л и щ е в Л. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 15.

²⁵ См.: В я з е м с к и й П. А. Автобиографическое введение. М., 1916, с. 10.

²⁶ Недавно суворовская миниатюра (7×5,5 см), дважды считавшаяся безвозвратно исчезнувшей, была передана артисткой Д. В. Зеркаловой музею «Бородинская панорама». Это, несомненно, один из лучших и достоверных портретов полководца. Он резко отличен от его парадных изображений. В появившейся о миниатюрном портрете Суворова статье Е. Кончина (Советская культура, 1981, 15 нояб.) приводятся неточные сведения о том, что он датирован 1799 годом и подписан самим де Местром. Года на портрете нет, а имя его исполнителя карандашом обозначено одним из владельцев миниатюры.

²⁷ О посещении салона Строгановых, душой которого была их родственница Зинаида Белосельская-Белозерская (в замужестве Волконская) см.: А з а д о в с к и й М. Из материалов «Строгановской академии». Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской. — Литературное наследство, т. 33—34. М., 1939, с. 195—212. О встречах с Ксавье де Местром в 1813 году А. П. Бутенева см. его «Воспоминания...». — Русский архив, 1883, кн. I, с. 15—16.

²⁸ Была ли официально Н. И. Иванова удочерена С. И. де Местер, неизвестно. Однако в свидетельстве о браке Натальи Ивановны с Фризенгофом есть слова: «Adaptivtochter der Frau Grofin von Maistre», т. е. «Приемная дочь графини де Местр». (См.: Slovenské pohl'ady, 1974, č. 1, s. 3.)

²⁹ Усмотрев сходство между Ксавье де Местром и Н. И. Ивановой и вспомнив, что у французского писателя «была внебрачная дочь» (?), такое утверждение высказал Н. А. Раевский (см.: Если заговорят портреты, с. 40). Оно маловероятно уже потому, что де Местр прибыл с Суворовым в Петербург не раньше конца апреля 1800 года и жил потом в Москве, а не в Тамбове, где 7 августа 1801 года родилась Н. И. Иванова.

³⁰ В упомянутом выше брачном свидетельстве (см. примеч. 28) как отец «родившейся в Тамбове» Натальи Ивановны назван Johann Iwanoff (Иван Иванов). Был ли в действительности человек с таким именем, неизвестно.

³¹ См.: П. Б[артенев]. Еще о последних днях жизни и кончины Пушкина, с. 296.

³² См.: Slovenské pohl'ady, 1947, č. 1, s. 3.

³³ См. кн.: После смерти Пушкина, с. 212. Точный текст эпитафии таков: «Баронесса Наталья Ивановна Фризенгоф. Родилась 7-го августа 1801-го года, скончалась 12 октября 1850-го года».

³⁴ Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1953—1959, с. 600.

³⁵ См.: Н е к р а с о в А. И. К вопросу о литературных источниках

«Кавказского пленника» Пушкина. — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 153—163.

³⁶ Цит. по ст.: Гаршин Е. Русско-французский писатель... — Живописное обозрение, 1887, № 48, с. 376.

³⁷ Некоторые стихи Ксавье де Местра на французском и русском языках приведены в публикации М. Азадовского (см. примеч. 27).

³⁸ Один из автопортретов, находившийся в 1939 году в ИМЛИ, воспроизведен в публикации М. Азадовского (см. примеч. 27), второй хранится в фондах Государственного литературного музея в Москве.

³⁹ См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, с. 469; т. II, с. 120, 594.

⁴⁰ Там же, т. I, с. 500.

⁴¹ См.: Письмо графа Йозефа де Местра к кн. П. Б. Козловскому. — Русский архив, 1866, стлб. 1500. Заметим еще, что Жозеф (Йозеф) де Местр, будучи одно время близок к царю, резко осуждал подготовленный М. М. Сперанским (1808 г.) проект Царскосельского лицея.

⁴² Цит. по ст.: Новая биография Ксавье де Местра. — Исторический вестник, 1892, май, с. 568.

⁴³ Цит. по кн.: Литературное наследство, т. 33—34, с. 210.

⁴⁴ Много позже в Вене, вспоминая прошлое, сама Александра Николаевна говорила о П. П. Ланском: «Будь я тогда на его месте, как бы я злилась! Как я сумела бы расправиться за ежедневные дерзости с моей стороны». (Арапова А. Записки о Н. Н. Ланской-Пушкиной. — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР, ф. 244, оп. 31, ед. хр. 105. (Далее — О. р. ИРЛИ.)

⁴⁵ Во время покупки замка одна из его владелиц заявила, что не продаст своей комнаты наверху. Тогда Фризенгоф сказал, что лестница принадлежит ему и он не позволит ходить по ней. Хозяйке комнаты пришлось уступить (О. р. ИРЛИ, ф. 409, ед. хр. 32. — Заметки к воспоминаниям А. М. Игумновой).

⁴⁶ Выделенные слова подчеркнуты Наталией Николаевной. Они обогащают наши представления о ее духовном облике.

⁴⁷ О. р. ИРЛИ, ф. 409, ед. хр. 6.

⁴⁸ Согласно данным Петербургского некрополя (т. III, М-Р, СПб., 1912), Местр графиня Софья похоронена на православном Георгиевском кладбище (Большая Охта), где в 1823 году погребена ее дочь Александра Ксавьеревна, а ее муж Местр де граф Ксаверий — на Смоленском евангелическом кладбище там же, где и его умерший в 1820 году сын Андрей. Еще при жизни Ксавье де Местр сочинил стихотворную эпитафию, для себя, которая и была воспроизведена на его могиле:

Здесь, под этим серым камнем, покоятся

Ксавье, который всегда всему удивлялся.

Спрашивая, откуда приходит холодный ветер

И почему Юпитер мечет молнии.

Французский текст эпитафии содержится в статье Е. Гаршина (см. примеч. 36).

⁴⁹ Эта дата указана в брошюре: Lermayer Fritz. Die Leiden eines deutschen Fürsten (Herzog Elimar von Oldenburg). Berlin 1905. Поэтому отношение замужества Н. Г. Фризенгоф к 1874 году (Портреты заговорили, с. 47), видимо, ошибочно.

⁵⁰ Его отцом был герцог Ольденбургский Август, а матерью — шведская принцесса Цецилия, дочь короля Густава Адольфа IV.

⁵¹ О. р. ИРЛИ, ф. 409, ед. хр. 6.

⁵² В заключительных строках II части названной книги на с. 246 читаем, что Александра Николаевна не была способна «на какой-либо предосудительный поступок». И далее: «...Мы не можем ее обвинить ни в одном некрасивом поступке». Думается, что такие суждения не совсем объективны. Во многом предосудительным, например, можно считать отношение Александры Николаевны к пасынку Грегору, которому она не заменила мать. Его воспитывали отдельно от дочери Александры Николаевны. Одно из писем А. М. Игумновой, знавшей жену и родственников Грегора Фризенгофа, к автору (от 2 июля 1978 года) содержит слова: «Что касается Григория Фризенгофа, то его судьба с детства, начиная со смерти его матери, была печальная». А вот выдержка из письма родственницы Грегора Фризенгофа — Клары Шимони к А. М. Игумновой, которую она любезно предоставила: «Бродзяны были законным наследием Григория. Но Наталия Ивановна умерла молодой, ее муж женился на Александре Николаевне Гончаровой, и маленький Гришон был предоставлен слугам и о нем никто не беспокоился. Это повлияло на всю его жизнь, он стал одиноким и даже чудаком».

⁵³ См. письмо венгерского литератора, переводчика Пушкина Дердя Радо, родственника правнука А. Н. Фризенгоф — Г. Вельсбурга к Т. Г. Цявловской (апрель — май, 1958). — О. р. ИРЛИ (отдельная папка с разными материалами о Бродзянах).

⁵⁴ Н. А. Раевский неточно воспроизводит надгробную надпись А. Н. Фризенгоф (см.: Если заговорят портреты, с. 43). В действительности она такова: «Alexandrine /Freifrau von Frizengof/ geb. von Gontscharof/geb. 7 Aug. 1811, gest. 9 Aug. 1891». Freifrau — калька с принятого в Венгрии и Словакии обозначения принадлежности к шляхте «свободная пани». По русским данным, Александра Николаевна родилась 9 июля.

⁵⁵ Встречающаяся в некоторых изданиях дата кончины Элимара Ольденбургского — 1885 — ошибочна.

⁵⁶ В беседах с автором (август 1978-го, сентябрь 1979-го) Анна Михайловна Игумнова рассказывала, как она посылала в 20-е годы состоятельной, но непрактичной герцогине апельсины, купленные на деньги из своего скромного заработка. Однажды, гостей в Бродзянах, Анна Михайловна собрала в садах герцогини с земли фрукты и угостила ее, а та ахала и спрашивала, откуда такие чудесные плоды. Когда узнала, то не поверила.

⁵⁷ Один из таких гостей Бродзян, австрийский литератор Ф. Лемермайер, прожил там на всем готовом около 40 лет и покинул их лишь в середине 20-х годов, когда его сильно покусали леонберги, огромные собаки Наталии Густавовны, уехав в Вену, он подал на нее в суд.

⁵⁸ См. кн.: *Adamcs Koloman. 75 rokov družstevníctva v obci. Brodzany, 1973, s. 20.*

⁵⁹ Там же, s. 21.

⁶⁰ Мемориальная доска сохранилась. Приводим ее сокращенный текст в переводе с венгерского: «В селении Бродзяны слово стало делом... Тут начал свою деятельность 1 сентября 1898 года «Hangya» («Муравей». — Л. К.) — первый потребительский, приносящий выгоды кооператив венгерского сельскохозяйственного союза, основанный при любезном содействии герцогини Наталии Ольденбург». Здесь нужно уточнение. Продовольственный потребительский кооператив был основан в Бродзянах не 1 сентября, а 26 марта 1898 года. На доске же указана дата образования общевенгерского кооперативного объединения «Муравей».

⁶¹ Записано в сентябре 1979 года со слов бывшего члена кооператива, жителя Бродзян Штефана Зимы (76 лет).

⁶² Также одевались и многие из постоянных обитателей Бродзянского замка. А. М. Игумнова рассказывала, как герцогиня и ее гости искусно реставрировали свои туалеты, нашивая заплаты в виде затейливых бабочек, кленовых листьев, цветов и т. д. У Наталии Густавовны имелось более ста старинных платьев. Жители Бродзян вспоминают, что, когда она уезжала, многочисленная прислуга веселилась без нее, наряжаясь в старинные костюмы, и тогда парк наполнялся живописными театральными фигурами XIX века.

⁶³ Это афоризм из записной книжки Н. Г. Ольденбург, воспроизведенный А. М. Игумновой в письме к автору от 9 мая 1978 года.

⁶⁴ Запись беседы с А. М. Игумновой в Братиславе 22 августа 1978 года.

⁶⁵ См.: *Портреты заговорили*, с. 50; *После смерти Пушкина*, с. 232, 243.

⁶⁶ Это же подтверждают экслибрисная печатка и ярлыковые экслибрисы Н. Г. Ольденбург на русских книгах, да и само длительное хранение ею этих книг.

⁶⁷ В некоторых изданиях указано, что Грегор Фризенгоф умер в 1858 году. Это ошибка, он умер 17 июля 1913 года (см. венгерский журнал *Az Időjárás* за 1914 год, с. 25).

⁶⁸ Истоком недоразумения явилась статья Веры (правильно Эмы) Пановой «Владелец Бродзян и Матица словацкая» (*Svět socializmu*, 1948, č. 29, s. 4—5), где были спутаны имена Густава и Грегора Фризенгофов. Ошибочные данные позже использовали Н. Раевский, а за ним и другие. В том, что именно Грегор был одним из основателей Матицы словацкой и что ему были посвящены стихи в журнале «Сокол» (*Sokol*) за 1863 год, убеждает статья «*Frizengof Gregor*» в словаре *Bibliografia pisomníctva*

slovenskeho na spôsob slovníka... Dil prvý. A-F. V Turč. sv. Martine, 1929 (s. 411—412).

⁶⁹ Раевский Н. А. В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. — Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 386.

⁷⁰ Если заговорят портреты, с. 41.

⁷¹ Эта литография в настоящее время находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде (КП7920). В ее нижней части можно прочесть: *Lithographie de O. F. Muller a Carlsruhe*.

⁷² Напомним, что в память о Пушкине по пятницам (поэт умер в пятницу 29 января) Наталия Николаевна предавалась грустным воспоминаниям, постилась и ничего не ела, а в печальные дни конца января никуда не выезжала и вообще в январе избегала участия в каких-либо развлечениях. Существенны в интересующем нас отношении и воспоминания А. П. Араповой: «Все, что напоминало кровавую развязку семейной драмы, было так тяжело матери, что никогда не происходило в семье не только имя Геккерн, но даже и покойной сестры» (Записки о Н. Н. Ланской-Пушкиной. — О. р. ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, ед. хр. 105). В тех же воспоминаниях говорится, что Наталия Николаевна до смерти питала к Александре Николаевне «нежную и... самоотверженную привязанность». Этого нельзя себе представить, если бы А. Н. Фризенгоф была терпима к Дантесу и повесила бы у себя его портрет.

⁷³ В гербарии Н. И. Фризенгоф на 2 листах с пометкой «Вена», датированных 1845 и 1846 годами, среди собиравших растения значится «барон Геккерн». Имея в виду встречи Дантеса-Геккерн с Фризенгофами в 1843 году, можно думать, что в гербарии упомянут он.

⁷⁴ Визитные карточки Дантеса в Бродзянах были. Об этом в 1965 году рассказывал автору видевший их там в 1946—1947 годах Ян Ференчик, тогда ассистент Братиславского университета. См. об этом нашу статью «По следам пушкинских материалов в Чехословакии» (Советское славяноведение, 1967, № 3), а также: Ján Ferencik. Dotyky a návraty (Slovenské pohľady, 1977, č. 4).

⁷⁵ Объективности ради заметим, что какие-то связи (прямые или опосредованные) с семьей Дантеса-Геккерн у Александры Николаевны, по-видимому, все же были. Об этом свидетельствует один из ее альбомов (25×19) с фотографиями 60—70-х годов, который теперь находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде. Под одной из пустых ячеек в нем есть надпись — L. Neckeren, из чего следует, что у А. Н. Фризенгоф была фотография младшей дочери Екатерины Николаевны — Леони, той самой, которая говорила по-русски, осознавала себя русской, обожала Пушкина и однажды назвала отца его убийцей, после чего никогда не разговаривала с ним.

⁷⁶ Из письма к автору от 5 апреля 1978 года.

⁷⁷ Наличие портрета Дантеса в интерьере замка при Александре Николаевне означало бы ее примирение с Екатериной Николаевной, пусть

и посмертно. Однако портретов старшей сестры в Бродзянском архиве нет, что также не согласуется с информацией Н. А. Раевского. В противоречии с ней и то, что Александра Гончарова солидаризировалась с Пушкиным в отношении к Дантесу, о чем говорит ее письмо к брату Дмитрию от 22—24 января 1837 года (см. кн.: Вокруг Пушкина), а также написанное с ее слов письмо Г. Фризенгофа к А. П. Араповой от 14(26) марта 1887 года. (См.: Гроссман Л. Цех пера. М., 1930.)

⁷⁸ На основании чего в одной из недавних публикаций говорится о том, что Бродзянский замок во время второй мировой войны был разорен и разграблен, неясно. Статья Я. Ференчика Dotyky a návraty (Slovenské pohľady, 1977, č. 4, s. 127), письмо А. М. Игумновой в Пушкинский дом от 5 июля 1964 года. (О. р. ИРЛИ, ф. 409, ед. хр. 28), да и сама история бродзянского культурного наследия свидетельствуют о противоположном.

⁷⁹ К числу таких дезинформаций относится фантастическое сообщение в печати о якобы состоявшемся в Вене примирении Наталии Николаевны с Дантесом. В одном из словацких изданий 40-х годов среди бродзянских фотографий был опубликован прикрытый портретом Александры Николаевны фрагмент письма Наталии Николаевны к А. И. Тургеневу, найденный якобы в Бродзянах, а на самом деле с ними никак не связанный. Были и такие статьи, где говорилось, что Бродзяны посещал сам поэт.

⁸⁰ По внутренним ветхим лестницам подниматься было опасно.

⁸¹ Арапова А. П. Наталия Николаевна Пушкина-Ланская.— Иллюстр. прилож. к газ. «Новое время», № 11446, 5 февраля, 1908.

⁸² О неизвестной судьбе бродзянских материалов и постепенном разрушении пустующего замка, о неоднократном разорении склепа искавшими драгоценности злоумышленниками, вследствие чего останки Александры Николаевны в 1965 году были перевезены в краеведческий музей г. Топольчаны (возвращены обратно в усыпальницу лишь в 1977 году), в словацкой печати конца 60-х годов писалось очень много. (См.: Bardun J. Bude v Bradzanoch múzeum.— Rustinář, 1966, č. 6; Budiova L. Ked' v brodzianskom košteli žila Puškinova švagriná Alexandra.— Rol'nicke noviny, 22.IV.1967; Loucka E. Pani hercočka pozýva na čaj — Svět socializmu, 1967, č. 23; Po roku opát' v Brodzanoch.— Svět socializmu, 1968, č. 29 и ряд других.) Выступления печати, призывавшие к охране архитектурных памятников Бродзян и созданию в замке музея, находили живой отклик и поддержку, особенно у местного населения, порой и оригинальную. Как-то (уже в 70-е годы) на двери часовни-усыпальницы довелось увидеть фанерную дощечку с такой надписью: «Не разрушай меня, не стремись доказать, что вандал — это ты».

⁸³ Кроме уже упомянутой литографии Дантеса, в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина находятся портрет Ксавье де Местра, масляные портреты Н. И. Фризенгоф и А. Н. Фризенгоф, два альбома, принадлежавших последней, оба относятся к 1860—1870 годам. Один из них (41×31) в коричневом кожаном переплете с золотой тисненой короной и надписью

Alexandrine содержит 112 красочных изображений, напоминающих цветную литографию, в том числе 87 портретных и 25 пейзажных (виды Бродзян, парка, хозяйственных построек). На портретах — сама Александра Николаевна и ее муж (на одном они в национальных костюмах), а также члены их семьи. Другой альбом (25×19) с деревянной светло-коричневой обложкой был составлен из 159 фотографий членов семьи А. Н. Фризенгоф и ее русских и иностранных знакомых. Помимо фотографий Г. и А. Н. Фризенгофов, в этом альбоме находятся две фотографии Вяземских, на одной из которых (с надписью «Три поколения Вяземских») запечатлены П. А. Вяземский с сыном и внуком, на другой — В. Ф. Вяземская (№ 148, 149). Обращает на себя внимание фотографии, воспроизводящая интерьер анфилады комнат Бродзянского замка.

⁸⁴ Переданные в 1947 году рукописи из Бродзян составляют фризенгофский фонд в О. р. ИРЛИ (№ 409). В последующие годы он был пополнен рукописными материалами, присланными в Пушкинский дом А. М. Игуновой. Этот фонд содержит 35 единиц хранения, в том числе служебные и личные бумаги Г. Фризенгофа, его письма к брату Адольфу (67), к первой жене Н. И. Фризенгоф (45), ко второй жене А. Н. Фризенгоф (54), письма Г. и А. Н. Фризенгофов к дочери (50), письма к Фризенгофу де Бюттэ (61), письма к Г. Фризенгофу, касающиеся детей дочери Пушкина Н. А. Дубельт и ее развода, письма Ивана Гончарова к Фризенгофам (6), письма Александра Пушкина к ним же (6), письма Фризенгофов к Ивану Гончарову и Александру Пушкину (черновики), корреспонденция Элимара Ольденбургского, копии ряда документов, связанных с наследством Гончаровых, и др. Подавляющая часть рукописей на немецком и французском языках. Исключение составляют бумаги по наследству Гончаровых. Они написаны по-русски и содержат автографы И. Н. Гончарова, А. Н. Гончаровой и Н. Н. Пушкиной-Ланской. В одной из бумаг, датированной 13 сентября 1848 года, сказано: «Я Александра Гончарова получила от брата Ивана Николаевича достаемуюся на мою часть суммы найденной братьями моими Дмитрием, Иваном и Сергеем Гончаровыми в Яропольской Вотчинной конторе шести тысяч тридцати одного рубля пятидесяти копеек ассигнациями пять-сот-шестьдесят семь рублей восемьдесят-семь с половиной копеек. А. Гончарова». Как видим, в Бродзянах был не один документ на русском языке (см. об этом: Если заговорят портреты, с. 23—24).

⁸⁵ Заметим, что Александра Николаевна, если не при Пушкине, то позже, была знакома с А. О. Ишимовой, принимавшей участие в воспитании дочери П. А. Плетнева, с которым Н. Н. Пушкина-Ланская и А. Н. Гончарова в 40-е годы нередко встречались. Об одной такой встрече, где были Александра Николаевна и Ишимова, упоминается в письме Плетнева к Гроту от 25 ноября 1843 года. (См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, с. 121.)

⁸⁶ В феврале 1972 года некоторые фоторепродукции с бродзянских материалов Словацкий национальный музей переслал в СССР. В настоящее

время почти все найденное находится в экспозиции или же фондах Литературного музея А. С. Пушкина в Бродзянах, подчиненного Матице словацкой (Мартин).

⁸⁷ Как удалось выяснить впоследствии, некоторые из найденных рисунков были известны по «немым» гравюрам тестя Жуковского — немецкого художника Рейтерна, на них нет обозначения изображенных поэтом мест. Местонахождение оригиналов до сих пор оставалось неизвестным. Они позволяют атрибутировать гравюры Рейтерна.

⁸⁸ См. об этом: J. Ferenčík. Neznámy rukopis Žukovského na Slovensku.— Slovenské pohľady, 1947, č. 2—3. s. 181—184.

⁸⁹ Не идентичны принятому печатному тексту лишь две строки: 7-я в строфе 2-й («Он вашим радужным сиянием») и 2-я в 3-й строфе («Жильцы небесной стороны»). Кроме того, в рукописи подчеркнуты в 5-й строфе слова «воспоминанье» и «сердечной думы», а в 6-й — «воспоминание» и «упование».

⁹⁰ Уже первая публикация стихотворения сопровождалась примечанием: «Стихи написанные в Альбом НИИ, на рисунок представляющий бабочку, сидящую на букете из *renés* и *незабудок*» (Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб., 1824, с. 357). Образы бабочки-мотылька и упомянутых цветов, подсказанные поэту альбомным рисунком, став метафоричными, получили в его стихотворении философско-аллегорическое наполнение. Пушкин был в восторге от 3-й и 4-й строф стихотворения «Мотылек и цветы», о чем писал Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу 15 марта 1825 года.

⁹¹ До сих пор из поэтического обращения Жуковского к Н. И. Ивановой по черновикам поэта воспроизводились отрывки, принятые за первую редакцию стихотворения «Мотылек и цветы». (См.: Б у ч к о в И. А. Обзор бумаг Жуковского, 1887; Комментарии к стихотворению «Мотылек и цветы» в первом томе Сочинений В. А. Жуковского, 1980.)

⁹² С. П. Бутурлин (1803—1873) — генерал-майор, затем генерал-квартирмейстер. Вариант портрета Бутурлина, оказавшегося у де Местра (автокопия или подлинник), с датой 1824, экспонировался на выставке Кипренского в Третьяковской галерее в 1983 году.

⁹³ Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 269.

⁹⁴ В я з е м с к и й П. А. Стихотворения. Л., 1958, с. 270.

⁹⁵ Выше упомянуты четыре рисунка Н. И. Фризенгоф, сделанных в Михайловском и увезенных ею из России. Но, видимо, их было больше. Вариант рисунка с изображением всех четверых детей поэта обнаружен в находящемся близ Лондона замке Лутен Ху, принадлежащем английским потомкам Пушкина (сообщение В. М. Фридкина в Государственном музее А. С. Пушкина 17 января 1983 года). Очевидно, Александра Николаевна, наследница архива Н. И. Фризенгоф, подарила его младшей дочери поэта.

⁹⁶ В статье «Семья и современники Пушкина в альбоме Наталии

Николаевны» (Музейное дело в СССР. М., 1974, с. 178, 190) Л. П. Февчук атрибутирует профильный рисунок пожилого мужчины с цилиндром в руке, сделанный 5 августа 1841 года, как портрет отца поэта — С. Л. Пушкина. С этим согласились И. Ободовская и М. Дементьев. (См.: После смерти Пушкина, с. 95.) Однако, на наш взгляд, на рисунке, скорее всего, все же де Местр. В пользу такого предположения говорит его сопоставление с двумя профильными автопортретами де Местра и портретом (Н. П. Ланского) 1851 года, а также костюм изображенного, более подходящий французскому аристократу, нежели русскому помещику в деревне.

⁹⁷ Склонный к шутовому переименованию имен, Н. М. Муравьев первоначально свою дочь Софью называл Соня, потом Ноня, затем Нон (Ноно), Нонуфос и, наконец, Нонушкой. Под этим именем ее знали и помнили многие декабристы.

⁹⁸ Н. А. Орлов (1827—1884), сын А. Ф. Орлова, в зрелые годы генерал-адъютант, генерал от кавалерии, русский посол в Берлине и Париже; П. Д. Бутурлин (1826—1877), сын Д. П. Бутурлина, служил в Лейб-гвардии конном полку, вышел в отставку в 1859 году полковником. Пушкин бывал в домах их родителей.

⁹⁹ Какие-то подробности о пребывании Фризенгофов в Михайловском, очевидно, содержат письма Густава Фризенгофа к брату Адольфу от 3/15 августа 1841 года и 25 августа (6 сентября) 1841 года. (О. р. ИРЛИ, ф. 409, ед. хр. 6), но, к сожалению, они написаны крайне неразборчиво.

¹⁰⁰ После Михайловского (1841) в сборе гербариев наступил перерыв до сентября 1844 года, и поэтому мы лишены какой-либо информации о жизни и перемещениях Фризенгофов в это время.

¹⁰¹ См. кн.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. М., 1975.

¹⁰² Кузминская Т. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1976, с. 459—460.

¹⁰³ Некоторые подробности о жизни Марии Александровны Гартунг содержатся в статье: Энгель С. Дочь Пушкина (Труд, 1982, 9 февр.).

¹⁰⁴ Н. В. Насауский (1832—1905) был братом владетельного герцога Люксембурга Адольфа.

¹⁰⁵ Так, в альбоме издателя и редактора журнала «Русская старина» М. И. Семевского «Знакомые» (СПб., 1888) есть упоминания о встречах с графиней Меренберг в Висбадене в 1887 году. Наталия Александровна вписала тогда в альбом Семевского две первые строфы стихотворения отца «Что в имени тебе моем?».

¹⁰⁶ Нельзя не сказать здесь и о большой материнской любви к детям, которую Наталия Николаевна испытывала всю жизнь. Это подтверждают ее письма к П. П. Ланскому, где часто говорится о них. Так, в письме от 29 июня 1849 года читаем: «Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными». Строка о детях

из письма от 20 июля 1849 года: «...Счастье их — одна из самых главных моих забот». И еще одна выдержка: «...Я поехала в Пажеский корпус и была бесконечно счастлива узнать, что Саша сегодня утром был объявлен одним из лучших учеников по поведению и учению... Что касается Гриши, он тоже имел свою долю похвал... Ты представляешь, как я была счастлива, я благословляю бога за то, что у меня такие сыновья» (письмо к П. П. Ланскому от 29 сентября 1849 года). Заметим, что Наталия Николаевна любила не только своих, но и вообще детей. У нее в доме находили приют и ласку племянник поэта — Лев Павлицев, о котором она писала: «горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин», племянник П. П. Ланского — Павел, а также юный правед Александр Нащокин, сын друга Пушкина, и др.

¹⁰⁷ Цит. по кн.: Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, 2-е изд. СПб., 1899, с. 260, 262.

¹⁰⁸ О Миноне Штакельберг см.: Крепнев Б. Г. Бетховен. М., 1961, с. 301—307.

¹⁰⁹ Эта акварель является, как пишет Н. А. Раевский (Если заговорят портреты, с. 29), «копией часто воспроизводимого портрета Н. Н. Пушкиной». Здесь нужны уточнения. Уроженцем Ревеля, портретистом-акварелистом В. И. Гау (1816—1895) был исполнен не один, а два разных портрета Наталии Николаевны, один — в 1842 году, воспроизведенный в книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1928), и другой — в 1844 году, на котором Наталия Николаевна изображена в светлом платье с черной бархоткой на шее. Последний, кажется, более известен.

¹¹⁰ В ходе дальнейших поисков, кроме уже упоминавшихся русских книг А. Н. Фризенгоф, было выявлено принадлежавшее ей «Новое всеобщее землеописание для употребления в училищах» (1899), сочинение профессора Дерптского университета Адама Христиана Гаслари.

¹¹¹ Отметки были запечатлены именно на двери, а не на косяке, как ошибочно по памяти писал Н. А. Раевский, а позже и автор.

¹¹² О посещении Бродзян Наталией Николаевной в 1862—1863 годах напоминают два ее альбома с деревянными инкрустированными обложками. На одном из них, с обозначением «1862 Nicc», есть запись передавшей в 1918 году оба альбома в Пушкинский дом А. П. Араповой: «Альбом принадлежал Наталии Николаевне Ланской-Пушкиной и содержит фотографии лиц одновременно бывших с ней в Ницце в 1863 году и соседей венгров по имени сестры ее Александры Николаевны баронессы Фризенгоф». Помимо фотографий Фризенгофов, альбомы Наталии Николаевны содержат портреты Ланских, Мещерских, Карамзиных и одного из Хитрово. Теперь они находятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

¹¹³ Все это до сравнительно недавней смерти последних родственников Грегора Фризенгофа из рода Шимони находилось у них в Шимонованах.

¹¹⁴ К. Гампельн (1808—1888) был глух и нем и подписывал свои

работы Hampein Le sourd muet (Гампельн глухонемой). Родился в Москве, учился в Вене, с 1817 года жил в Петербурге, где преподавал рисование и гравирование в училище глухонемых. Около 1827 года переехал в Москву. Помимо портрета Ивана Гончарова, есть у Гампельна еще одна работа, имеющая отношение к Пушкину, — рисунок А. А. Олениной, сидящей под дубом и читающей двум своим подругам книгу.

Словацкие музейные работники предположили, что на портрете Гампельна не И. Гончаров, а Дантес, о чем сказано в русском путеводителе по Литературному музею А. С. Пушкина (1982). Это ошибка. Во-первых, еще при жизни шимонованские родственники Фризенгофов сообщили А. М. Игуминой, что на нем изображен И. Гончаров. Во-вторых, Гампельна уже не было в Петербурге, когда там находился Дантес. И в-третьих, по определению знатока истории русской военной формы Ю. Б. Шмарова мундир изображенного на портрете не кавалергардский, в какой должен был быть одет Дантес.

¹¹⁵ Приводим его текст: «Милостивая государыня Александра Николаевна! На письмо Вашего превосходительства от 27 февраля имею честь уведомить, что их императорские величества высочайше соизволяют на вступление Ваше в брак с Австрийским подданным уроженцем города Вены бароном Густавом фон Фризенгофом. С искренним почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга. Кн. Петр Волконский». П. М. Волконский — министр двора, муж сестры декабриста, Софьи Григорьевны, в доме которой на Мойке в 1837 году жила семья Пушкина. Письмо написано на бланке министерства двора и датировано 29 апреля 1852 года. Судя по этой дате, предположение о том, что свадьба состоялась «18(6) апреля» (См.: После смерти Пушкина, с. 218), нуждается в уточнении.

¹¹⁶ Большой, пока неразобранный архив Грегора Фризенгофа, в частности, его обширная переписка с отцом, возможно, представляющая культурно-исторический интерес, находится в Историческом институте Словацкого национального музея в Братиславе.

¹¹⁷ Год спустя, будучи в Бродзянах осенью 1979 года, я узнал, что нашелся еще ряд живописных работ Н. Г. Ольденбург, множество принадлежавших Александре Николаевне и ее дочери нот, некоторые другие предметы из Бродзянского замка.

¹¹⁸ Литературная газета, 1979, 17 янв., с. 13.

¹¹⁹ Т в а р д о в с к и й А. О литературе. М., 1973, с. 26.

¹²⁰ Květy, 1837, IV.

¹²¹ Z. Nejedlý. Dva Puškinové.— Puškin u nás. Praha, 1949, s. 127.

¹²² Večny Puškin. Praha, 1937; Puškin u nás. Praha, 1949.

¹²³ R. Brtáň. Puškin v slovenskej literatúre. Turč. sv. Martin, 1947; E. Panovová. Puškin v slovenskej poézii do roku 1918. Bratislava, 1966.

¹²⁴ Подробнее об экспозиции Литературного музея А. С. Пушкина в Бродзянах см.: Literárne muzeum A. S. Puškina. Vzt'ahy Slovenska k

ruskej a sovietskej literatúre. Partizánske — Brodzany. Pripravil I. Sedlak. Martin, 1979; Литературный музей А. С. Пушкина. Матица словацкая в Мартине, 1982.

РУКОПИСИ И ПОРТРЕТЫ ИЗ ТЕПЛИЦКОГО ЗАМКА

¹ Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745—1813. Письма его к дочери... — Русская старина, 1874, июнь, с. 239. В приведенных словах, возможно, слышится отголосок грусти Кутузова по поводу отсутствия у него собственного сына. Единственный его сын Николай был в младенчестве нечаянно придушен кормилицей во время сна.

² Г л и н к а Ф. Письма русского офицера. Москва, 1815, с. 107—108.

³ Русские анекдоты военные и гражданские. Или повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданные Сергеем Глинкою, ч. V. М., 1822, с. 96.

⁴ H e r b e n J a n. Staří pamětníci. — Světozor, 1884, s. 454.

⁵ Там же. Заметим, что имеющаяся в книге Н. Раевского «Портреты заговорили» (Москва, 1978) краткая информация о статье Гербена (с. 479) содержит ряд неточностей.

⁶ 1834 год, видимо, упомянут в статье ошибочно. Николай I мог быть в Брно либо летом 1833 года, когда выезжал на встречу с Фердинандом I в чешском городе Мнихово Градиште, либо в сентябре 1835 года по пути в Теплице, где у него было совещание с австрийским и прусским союзниками. В обоих случаях при царе находился Фикельмон, а в 1835 году и его жена Дарья Федоровна.

⁷ В статье Гербена сказано: «Крест не имеет скульптуры, на перекладине видно, что на нем были позолоченные лучи. Остался из них лишь один. На пьедестале по углам сохранились четыре железных стержня. Кажется, на камне была укреплена надпись». Надпись на немецком языке действительно была, и Гербен позже сам установил ее содержание: «Здесь покоится адъютант русского царя, граф Фердинанд Тизенгаузен, кавалер орденов св. Анны и Марии Терезии; родился 15 августа 1782 года, скончался в этом доме 4 декабря 1805 года от ран, полученных в битве под Аустерлицем. Умер смертью героя» (Světozor, 1884, s. 454). Дата смерти (4 декабря) в эпитафии не совпадает с другой датой (23 ноября/5 декабря), указанной в той же статье. Более достоверной представляется та, что на эпитафии.

⁸ Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма к его дочери..., с. 339. В связи со сказанным заметим, что приводимые Ю. М. Лотманом в книге «Литературное наследие декабристов» (Л., 1975) сведения о кончине и погребении Ф. И. Тизенгаузена не точны. Он пишет: «Так, при Аустерлице в штабе Кутузова, в частности, находилась его дочь Елизавета Михайловна Тизенгаузен (в будущем Е. М. Хитрово), жена любимого адъютанта Кутузова, Фердинанда Тизенгаузена («Феди» в письмах Кутузова). После сражения, когда совершался размен телами павших, она положила мертвого

мужа на телегу и одна — армия направилась по другим дорогам, на восток, — повезла его в Ревель, чтобы похоронить в Кафедральном соборе» (статья «Декабристы в повседневной жизни», с. 48). Все это документами не подтверждается.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. II, ч. I, 1937—1952, с. 215. (далее — Пушкин)

¹⁰ Однако, по всей видимости, дочерей своих во Флоренцию Е. М. Хитрово взяла не сразу. Во всяком случае известно, что младшая из них, Дарья, до 12 лет, т. е. до 1816 года, жила где-то около Дерпта у своей бабушки Тизенгаузен, которую называла второй матерью (записи 22 июня 1829 и 23 марта 1830 года).

¹¹ Записки графа М. Д. Бутурлина. — Русский архив, 1897, кн. I, апрель, с. 588.

¹² Одно из писем Хитрово к Пушкину (15 декабря 1832 года) содержит слова: «Пишите же, *дитя*. Любите меня — потому что ради вас я испортила себе много крови» (Пушкин, т. XV, с. 315. Курсив наш. — Л. К.).

¹³ Иместя в виду направленная против Булгарина иносказательная статья Пушкина «О записках Видока», которая была помещена без подписи в «Литературной газете» за 1830 год, № 20, 6 апреля (отдел «Смесь»)

¹⁴ Вяземский П. П. Пушкин по документам Остафьевского архива. — Русский архив, 1884, кн. II, с. 411. При всей своей ироничности и язвительности П. А. Вяземский понимал значение и цену искренней заботы о Пушкине со стороны Е. М. Хитрово: «Не худо бы Пушкину из благодарности написать сладенькое письмецо к ней», — писал он жене 27 марта 1830 года (Звенья, VI. М. — Л., 1936, с. 220).

¹⁵ Пушкин, т. XIV, с. 402.

¹⁶ Эту эпиграмму иногда даже публиковали в изданиях Пушкина. (См.: Соч. под ред. Венгерова, т. VI. Пг., 1915, с. 565.) У нее есть несколько редакций: помимо венгеровской публикации другой ее вариант приводится у В. А. Соллогуба (Воспоминания. М. — Л., 1931, с. 299).

¹⁷ В письмах Вяземского и матери Пушкина Е. М. Хитрово нередко называется Эрминией, по имени одной из героинь поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим» — сарацинской девы-воительницы, которая никак не могла возбудить к себе чувства у равнодушного к ней христианского рыцаря Танкреда.

¹⁸ Недолюбливавший Е. М. Хитрово Н. М. Смирнов писал о ней: «Женщина умная, но странная» (Русский архив, 1882, кн. I, с. 238). Примером оригинальности и глубины суждений Елизаветы Михайловны может быть отрывок из ее письма к Пушкину, написанного в мае 1830 года, когда вопрос о его женитьбе уже был предрешен: «Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака! [дорогой?]. Кроме того я всегда считала, что гению придаст силы лишь полная независимость и развитию его способностей ряд несчастий, — что полное счастье, прочное, продолжительное и в конце концов немного однообразное, убивает способности,

прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта! И, может быть, именно это — после личной боли — поразило меня больше всего в первый момент» (Пушкин, т. XIV, с. 410). Что же касается образования Е. М. Хитрово, то достаточно сказать, что она знала четыре европейских языка (французский, итальянский, немецкий, английский).

¹⁹ Соллогуб В. А. Соч., т. IV. СПб., 1856, с. 549.

²⁰ Вяземский П. А. Из старой записной книжки, начатой в 1813 году.— Русский архив, 1877, кн. I, с. 514. Слова Вяземского дополняет самохарактеристика Хитрово в письме к Пушкину (май 1830 г.): «...Располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на все, я драгоценный человек для друзей своих — я ни с чем не считаюсь, ездю разговаривать с высокопоставленными лицами — не падаю духом, еду опять, время, обстоятельства — ничего меня не пугает. Усталость сердца не отражается на моем теле — я ничего не боюсь.— Я многое понимаю, и моя готовность услужить другим является в той же мере даром небес, как и положения в свете моего отца, и чувствительного воспитания, в котором все было основано на необходимости быть полезной другим!» (Пушкин, т. XIV, с. 411).

²¹ Русский архив, 1882, кн. I, с. 238.

²² После смерти Е. М. Хитрово ее письма перешли к старшей дочери, Е. Ф. Тизенгаузен. А когда не стало и той (1888), оказались в бумагах Юсуповского архива во дворце князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон. Это объясняется тем, что, вернувшись вместе со старшей дочерью в Россию, Е. М. Хитрово привезла с собою взятого в 1825 году на воспитание сына венгерской графини Форгач — Феликса Николаевича Эльстона (год рожд. 1820). Существуют предположения, что этот мальчик был внебрачным сыном старшей дочери Е. М. Хитрово. После смерти матери опеку над молодым Ф. Н. Эльстоном взяла на себя Е. Ф. Тизенгаузен. Женившись на графине Е. С. Сумароковой, Ф. Н. Эльстон получил ее графский титул и новую фамилию (Сумароков-Эльстон). Его сын, тоже Феликс, женился на последней в роде княжне З. Н. Юсуповой (1888), стал еще и князем, присоединив к своей двойной фамилии третью. Так оказались в его дворце письма Пушкина.

²³ Писем Е. М. Хитрово к Пушкину было, конечно, значительно больше, что следует уже из упоминаний о них самого поэта. Но он, к сожалению, эти письма не очень берег.

²⁴ Любопытен в этом отношении рассказ М. Д. Бутурлина, которому однажды Елизавета Михайловна сказала, что очень любит всех Бутурлиных и поэтому желала бы, чтобы кто-нибудь из них заболел, дабы доставить ей утешение ухаживать за ним (Русский архив, 1897, кн. II, с. 373). Нечто похожее писала она и Пушкину. Все это мешало исследователям составить объективное мнение о ней.

²⁵ По своему отношению к польскому восстанию Пушкин несколько

расходился с Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон, которым, как и Вяземскому, в какой-то степени были присущи иные настроения.

²⁶ Пушкин, т. XIV, с. 316.

²⁷ Там же, с. 415, 421.

²⁸ Там же, с. 423.

²⁹ Там же, с. 428.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 385.

³² Имеется в виду вышедшая 14 сентября 1831 года брошюра «На взятие Варшавы», в которую вошли стихотворения Жуковского «Старая песня на новый лад» и Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

³³ Стихи Филарета «Не напрасно, не случайно...» были опубликованы в детском журнале А. О. Ишимовой «Звездочка» (1848, № 10).

³⁴ Пушкин, т. XIV, с. 398. В приведенных словах поэт не без иронии реагирует не только на стихотворение Филарета, но и на стремление Е. М. Хитрово сблизить его с митрополитом. О стихотворении Пушкина «В часы забав или праздной скуки...» говорится в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу (25 апреля 1830 года): «Ты удивляешься стихам Пушкина к Филарету...: он был задрап стихами его преосвященства, который пародировал... стихи П[ушкина] о жизни, которые нашел он у их общей приятельницы Елизы Хитровой, пылающей к одному христианскою, а к другому — языческою любовью» (Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, с. 192—193).

³⁵ Как полагал Н. В. Измайлов, это, по-видимому, было стихотворение Трилуного (Д. Ю. Струйского) «Гробница Кутузова», опубликованное 11 мая 1831 года в «Литературной газете». (См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, с. 124.)

³⁶ Пушкин, т. XIV, с. 429.

³⁷ Там же, т. III, ч. I, с. 267. Заметим, что, кроме автографа этого стихотворения, среди писем поэта к Хитрово были обнаружены также списки еще трех произведений: «19 октября 1827», эпиграмма «Не беда, что ты поляк...» и «Моя родословная».

³⁸ Там же, т. XVI, с. 394. Показательно, что в отличие от других это письмо подписано так: «Элиза Хитрово, урожденная княжна Кутузова-Смоленская». Таким образом Е. М. Хитрово как бы ограждала поэта от враждебных нападок своим именем и именем отца, не придавая значения тому, что Смоленским он стал много лет спустя после ее рождения.

³⁹ Свое уважительное отношение как к Барклаю-де-Толли, так и к Кутузову, признание и оценку роли каждого из них в Отечественной войне Пушкин в том же 1836 году выразил еще раз в стихотворении «Художнику», содержащем строку: «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов». Поэт имел в виду созданные скульптором Орловым фигуры русских полководцев, которые позже, в 1838 году, были установлены перед Казанским собором.

⁴⁰ Пушкин, т. XIV, с. 440.

⁴¹ Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 56—57 (курсив источника).

⁴² Не все просьбы Пушкина к Хитрово получили отражение в их переписке. Были у приятельницы поэта и такие хлопоты, которые лишь косвенно касались его. Так, например, при ее содействии была назначена пенсия С. Н. Глинке, которого в 1830 году отстранили от должности цензора за то, что пропустил в приложении к «Московскому телеграфу» статью «Утро в кабинете знатного барина», направленную против Юсупова и отчасти Пушкина, который, по словам Вяземского, был заинтересован в том, чтобы Глинка не погиб совершенно. Не без влияния поэта в начале 30-х годов старалась Е. М. Хитрово помочь А. П. Керн выкупить проданное ее отцом графу Шереметеву имение.

⁴³ Пушкин, т. XIV, с. 410—411.

⁴⁴ Там же, с. 410.

⁴⁵ Там же, с. 411.

⁴⁶ Там же, с. 424.

⁴⁷ Там же, с. 492.

⁴⁸ Там же, т. XV, с. 316.

⁴⁹ Там же, т. XIV, с. 411.

⁵⁰ Каратыгин П. А. Записки, т. II. Л., 1939, с. 283.

⁵¹ Вяземский П. А. Из старой записной книжки..., с. 514.

⁵² Там же, с. 513. Хотя Вяземский говорит о «двух родственных салонах», но по сути своей это был один салон. Опираясь на дневники Д. Ф. Фикельмон русского периода ее жизни, А. Ф. Флоровский писал, что «салоны матери и дочери... были тесно связаны и объединены рядом одних и тех же лиц, друзей, собеседников...» (Wiener slavistisches Jahrbuch, 1959, bd. VII, s. 76). Примечательно, что у Хитрово и Фикельмон не играли в карты.

⁵³ Цит. по кн.: Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974, с. 235—236 (далее — Портреты заговорили).

⁵⁴ Пушкин, т. XVI, с. 430. Письмо на французском языке, было обнаружено в Чехословакии Н. А. Раевским.

⁵⁵ Так же как и мать, Д. Ф. Фикельмон владела несколькими европейскими языками и была весьма начитана, знала многих западных авторов, особенно французских, судя по всему, в 30-е годы уже читала и русские книги. Для этого она и ее муж брали специальные уроки у О. М. Сомова. Д. Ф. Фикельмон всегда соблюдала все русские православные обряды и осталась православной до конца жизни, в то время как ее муж и дочь были католиками.

⁵⁶ Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 23.

⁵⁷ См. кн.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (СПб., 1910), где под № 1351 значится: *Salvo, marguis. Lord Byron en Italie*

et en Grèce... Londres, 1825. На верху титульного листа написано карандашом: «C-esse Dolly Fiquelmont».

⁵⁸ Письмо было найдено в Остафьевском архиве князя Вяземского. Вот фрагмент этого письма от 8 или 15 февраля 1830 года: «Решено: мы устроим наш маскарадный выезд завтра вечером — в 9 часов мы соберемся у маменьки. Приезжайте в черном домино и в черной маске... Мы рассчитываем на ваше остроумие, дорогой Пушкин, чтобы оживить всю эту затею. Затем вы поужинаете у меня, и я еще раз поблагодарю вас. Суббота. Д. Фикельмон. Если хотите, маменька приготовит для вас домино» (Пушкин, т. XIV, с. 401).

⁵⁹ Измайлов Н. В. Пушкин в переписке и дневниках современников.— Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963. с. 34.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 34—35.

⁶² Там же, с. 35. Апалогичное более раннее высказывание есть и в одном из писем Фикельмон к Вяземскому. 25 мая 1831 года она писала ему в Москву: «Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его — прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем; у Пушкина видны все порывы страстей, у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем я видела эту красивую женщину всего только один раз» (Русский архив, 1884, кн. II, . 418). В письме к тому же Вяземскому от 12 декабря 1831 года, т. е. после бала у Кочубеев, графиня пишет о страдальческом выражении лица жены Пушкина, заставляющем «трепетать за ее будущее».

⁶³ С и в и л л а — у древних греков и римлян — женщина-прорицательница, провидица будущего. Любопытно, что Д. Ф. Фикельмон предвидела судьбы не только отдельных людей. Ею были предсказаны австро-прусская (1866) и франко-прусская (1870) войны.

⁶⁴ См.: Записки А. О. Смирновой, ч. II. СПб., 1897, с. 22.

⁶⁵ Хмельевская Е. М. Новый документ о дуэли и смерти Пушкина.— Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., 1956, с. 348.

⁶⁶ Измайлов Н. В. Пушкин в переписке и дневниках современников, с. 37.

⁶⁷ Пушкин, т. VI, с. 627.

⁶⁸ См.: Цявловский М. Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон.— Голос минувшего, 1922, № 1, с. 108—123; Измайлов Н. В. Пушкин и Е. М. Хитрово.— Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. Л., 1927, с. 143—204.

⁶⁹ См.: Портреты заговорили, с. 54—374.

⁷⁰ К числу таких вопросов, на наш взгляд, относится, например, при-

стальное рассмотрение отношения Пушкина к Д. Ф. Фикельмон в свете известного рассказа Нащокина. Вряд ли надо было гальванизировать эту тему. Она была признана бесперспективной еще в начале 20-х годов, когда вскоре после публикации записи рассказа Нащокина Л. П. Гроссман писал: «Если бы точное решение этого вопроса и было возможно, оно бы нам в сущности ничего значительного не дало» (Этюды о Пушкине, 1923, с. 80). И он был прав. Вслед за Гроссманом Н. В. Измайлов в те же 20-е годы, касаясь записанного Бартевым рассказа «о романтическом эпизоде», справедливо заметил, что «разыскания такого рода» «по существу для понимания Пушкина как литературного деятеля и исторического лица бесполезные» (Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. Л., 1927, с. 56). Мало чем обогащают нас и подробный разбор взаимоотношений Д. Ф. Фикельмон с Александром I и выяснения того, был ли между нею и Вяземским «роман» или только «влюбленная дружба».

⁷¹ Вяземский П. П. Собр. соч. 1876—1887. СПб., 1893, с. 521.

⁷² Цит. по кн.: Портреты заговорили, с. 118; 156.

⁷³ См. об этом: Соллогуб В. А. Воспоминания. М. — Л., 1931, с. 301

⁷⁴ Записки А. О. Смирновой, ч. I. СПб., 1894, с. 225—226.

⁷⁵ Цит. по кн.: Портреты заговорили, с. 116.

⁷⁶ Ш. Л. Фикельмон, правда, уже в более поздние годы, явился автором ряда историко-философских произведений: «Лорд Пальмерстон...» (Париж, 1852), «Мысли и раздумья, нравственные и политические...» (Париж, 1859). Писал он и комедии.

⁷⁷ См.: Гиллельсон М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон. — Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 25—28.

⁷⁸ Там же, с. 25.

⁷⁹ Записки А. О. Смирновой, ч. I, с. 224.

⁸⁰ Пушкин, т. XVI, с. 369. Оба эти тома Гейне (т. II и III) сохранились в библиотеке Пушкина. (См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина, № 976.) В них вошли «Путевые картины». Во II томе было обнаружено письмо Фикельмона. Кроме того, в нем оказалась выписка Пушкина о том, что свободу Европе принесет Россия.

⁸¹ Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931, с. 299.

⁸² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Пг., 1917, с. 349.

⁸³ О пребывании Д. Ф. Фикельмон в Венеции см.: Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Венецианская Пушкиниана. — Огонек, 1978, № 7.

⁸⁴ В оригинале эпитафия Д. Ф. Фикельмон такова: Dorothea/Gräfin v. Ficquelmont/geb. Gräfin Tisenhausen/Palastdame/*14/10 1804†10/4 1863.

⁸⁵ В связи со 170-летием победы под Кульмом (1983) памятник русским воинам реставрировали, прилежащую к нему территорию благоустроили и проложили дорожку к находящейся поблизости братской могиле. Около памятника установлен щит со схемой сражения.

⁸⁶ См.: Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 1836, с. 179.

⁸⁷ К сожалению, сохранился лишь кубок, а его крышка, которую украшали все самоцветы Чехии, до нас не дошла. Приняв кубок, Остерман отослал его в дар Преображенскому полку, особо отличившемуся при Кульме.

⁸⁸ О декабристах, участниках Кульмского сражения, см.: Павлова Л. Я. Декабристы участники войн 1805—1812 гг. М., 1979, с. 63—69.

⁸⁹ См., например, «Краткие записки адмирала А. Шишкова». СПб., 1831; Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. X. СПб., 1827; Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 1820; Норов В. С. Записки о походах 1812—1813 годов... СПб., 1834 и др.

⁹⁰ Лажечников И. И. Походные записки..., с. 176—177. Вспоминая о Кульмском сражении, Лажечников пишет, что каждый из русских «имел против себя пять поборников». Возможно, что в какие-то моменты боя на каких-то его участках так и было, но общее численное соотношение русских и французов составляло 1:3.

⁹¹ Записки Н. Н. Муравьева.— Русский архив, 1886, с. 24, 22. Через ущелья Крушных гор продвигались тогда после неудачного сражения под Дрезденом (26—27 августа) в Теплицкую долину 237 тысяч коалиционных (русских, австрийских и прусских) войск, отягощенных обозами и большим числом раненых.

⁹² Пушкин, т. I, с. 146. Кроме Пушкина о битве у Кульма писали также Катенин и Жуковский.

⁹³ Из письма может создаться впечатление, что Кутузов никогда не видел свою внучку Дарью. Но это не так. В письме от 6 мая 1807 года к дочери читаем: «Ты мне говоришь в предпоследнем письме, что маленькая Даша на меня походит? Я готов этому верить, потому что, когда я ее в последний раз видел, она была вылитая ты в ее годы, я и в этом нахожу счастье для себя». В своих письмах Кутузов часто с нежностью упоминает имена внучек. (Князь М. И. Голенищев-Кутузов... Письма к его дочери... Публикация Ф. Д. Нордмана.— Русская старина, 1874, июнь, с. 340, 374).

⁹⁴ За помощь в прочтении этого письма и других французских текстов автор признателен Т. Н. Дозоровой и М. В. Фридману.

⁹⁵ Письмо Вяземского к Е. М. Хитрово приводится по атрибуции, сделанной в Дечинском архиве. Когда впервые встретился Вяземский с дочерью Кутузова, установить не удалось. Известно только, что в 1823 году они уже были знакомы (см. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 1 октября 1823 года). Можно предполагать, что Вяземский был знаком с Е. М. Хитрово и раньше. Здесь поводов для недоумения будто бы и нет. Но не очень понятны отдельные места письма. Определенное сомнение вызывает и адрес на нем: *A madame La Comtesse Nitroff* с непонятной пометкой справа в нижнем углу: *La C. d'albany*. Если автор письма все же определен верно, то слово о «пустоте в сердце» и «отъезде», судя по времени написания его, могли быть связаны

с отставкой Вяземского и его вынужденным переездом из Петербурга в Москву.

⁹⁶ K a u c h t s c h i s c h w i l i N. Il diario di Dar'ja Fëdorovna Ficquellmont. Milano, 1968; O s t r o v s k á S. Dopisy V. A. Žukovského a P. A. Viazemského v Čechach. — Československá rusistika, 1961, č. 3; Раевский Н. Портреты заговорили.

⁹⁷ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1.

⁹⁸ См.: Литературное наследство, т. 58. М., с. 106.

⁹⁹ Русский архив, 1884, кн. II, с. 419.

¹⁰⁰ Подразумеваются эпидемия холеры в Петербурге и польское восстание 1830—1831 годов, виновником которого Д. Ф. Фикельмон считала в. к. Константина.

¹⁰¹ Русский архив, 1884, кн. II, с. 419. Говоря «Адольф», Д. Ф. Фикельмон имела в виду одноименный роман Бенжамена Констана, переведенный Вяземским на русский язык и изданный в 1831 году.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Встречи в Крыму с Фикельмоном, сопровождавшим царя при осмотре войск в 1837 году, подтверждает дневник Жуковского. Имя австрийского посланника упоминается им в записях 18 и 21 сентября 1837 года, сделанных в Алушке и Ореанде. Во время одной из этих встреч Жуковский говорил с Фикельмоном о Пушкине. (См.: Дневники В. А. Жуковского с примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1903.) Точная дата письма Жуковского к Д. Ф. Фикельмон — 10 сентября 1837 года. Именно в этот день состоялась поездка свиты из Севастополя в Георгиевский монастырь. (См.: Дорожные письма С. А. Юркевича во время путешествия по России... — Русский архив, 1887, кн. II, с. 183.) Была тогда в Севастополе и Е. Ф. Тизенгаузен. Очевидно, это ее называет Жуковский в своем письме «очаровательной Гризельдой». Отнесение С. Островской и Н. Раевским (см. примеч. 96) письма Жуковского к 1832 году ошибочно.

¹⁰⁴ Определенный интерес представляют воспоминания графа М. Д. Бутурлина, относящиеся к кончине Е. М. Хитрово, которую некоторые связывали с гибелью Пушкина. Следуя старорусской патриархальной традиции, эта долго жившая в Европе женщина перед смертью «пригласила к себе митрополита Филарета и, собрав вокруг себя родных и прислугу, изъявила желание громогласно и при всех исповедать свою жизнь» (Русский архив, 1887 кн. II, с. 373).

¹⁰⁵ Отрывок воспроизводится в переводе Н. А. Раевского. Тревожась за жену, в 1839 году Ш. Л. Фикельмон выезжал к ней в Италию.

¹⁰⁶ Из бумаг поэта Козлова. Публикация А. Хомутова. — Русский архив, 1886, кн. I, с. 184.

¹⁰⁷ Цит. по кн.: Портреты заговорили, с. 178.

¹⁰⁸ Вяземский П. А. Письма к жене за 1830 год. — Звенья, VI. М. — Л., 1936, с. 287.

¹⁰⁹ Дневник И. И. Козлова. Публикация К. Я. Грота. — Старина и новиз-

на, кн. XI. СПб., 1906, с. 50, 52, 58. Говоря о посылке графине 17 декабря 1830 года «своего мечтания», Козлов, очевидно, имел в виду стихотворение «Сон», посвященное им Д. Ф. Фикельмон. «Молодой граф Литта — граф Модильяни Ауйджи Литта (1803—1855), секретарь австрийского посольства.

¹¹⁰ Думается, что А. В. Флоровский был не прав, предполагая, что в этом четверостишье имеются в виду какие-то душевные «муки и страдания» Д. Ф. Фикельмон, возможно, известные И. И. Козлову. (См.: *Slavia*, 1959, seš. 4, s. 570.) По-видимому, все гораздо проще, ведь графиня тогда была больна, страдала от головных болей и уезжала за границу лечиться.

¹¹¹ К о з л о в И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960, с. 433, 434, 296, 191.

¹¹² Барон Амабль Барант (1775—1866) — историк, литератор и политик, с 1835 по 1841 год был французским послом в России, неоднократно встречался с Пушкиным, симпатизировал ему, собирался перевести на французский язык «Капитанскую дочку»; князь Фриц Лихтенштейн (1802—1872) — австрийский дипломат, сотрудник Фикельмона, знал Пушкина, участвовал вместе с ним, Д. Ф. Фикельмон и Е. М. Хитрово в начале 1830 года в маскарадных забавах; О'Сюлливан де Грасс (1798—1866) — секретарь голландского посольства в России, бельгиец по происхождению, был знаком с Пушкиным. Покинув Россию (1831), Сюлливан переписывался с Д. Ф. Фикельмон. Получив от нее известие о смерти Пушкина, в своем ответе (9 апреля 1837 года) он писал: «Какая ужасная история эта дуэль, оборвавшая жизнь бедного Пушкина. Это страшная драма» (Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 21).

¹¹³ Согласно данным справочного тома Полного собрания сочинений Пушкина (1959, с. 76), подлинник его письма к Д. Фикельмон находится в Праге, в центральном архиве Чехословакии. Факсимильное его воспроизведение есть в публикации Д. Благого «Новое письмо А. С. Пушкина» (Вестник МГУ. Серия общ. наук, 1950, № 1, с. 167—170).

¹¹⁴ Дневник Д. Ф. Фикельмон опубликован лишь частично. См.: Ф л о р о в с к и й А. В. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон. — *Slavia*, 1959, seš. 4; F l o r o v s k i j А. В. Дневник графини Д. Ф. Фикельмон. — *Wiener slavisches Jahrbuch*, 1959, bd. VII (в этой работе дается обзор дневниковых записей Д. Ф. Фикельмон с 1829 по 1837 г.); Х м е л е в с к а я Е. М. Из дневника графини Д. Ф. Фикельмон. — Пушкин. Исследования и материалы. М., 1959; И з м а й л о в Н. В. Пушкин в дневнике графини Д. Ф. Фикельмон. — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М. — Л., 1963; *Il diario di Dar'ja Fëdorovna Ficquelmont*. Milano, 1968 (Н. Каухчишвили опубликован дневник Д. Ф. Фикельмон за 1829—1831 гг.); Г и л л е л ь с е н М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон. — Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970.

¹¹⁵ Одна из них — Аделаида Павловна Тизенгаузен, в замужестве Стакельберг, у Пушкина — Штакельберг (1807—1833), жила в Дерпте и моло-

дой умерла от родов, вторая — Елена Павловна, в замужестве Захаржевская (1804—1890), и третья — Наталья Павловна (1810—1899). Часто бывала у Фикельмон и еще одна кузина со стороны матери — Анна Матвеевна Толстая (1809—1897).

¹¹⁶ Об одном из таких балов-маскарадов 9 февраля 1833 года тот же Вяземский писал в Москву А. Я. Булгакову: «Вчерашний маскарад был великолепный, блестящий, разнообразный, жаркий, душный, восхитительный, томительный, продолжительный... Старофранцузский кадрили графини Фикельмон был тоже очень хорош, совершенно в духе того времени, и мог дать понятие, как деда влюблялись в наших бабушек с пудрою, мушками, фижмами и проч. Очень хороши были в этом кадрили сама графиня Долли и Толстая...» (Русский архив, 1884, кн. II, с. 422). Правомерен вопрос, почему дружеские отношения П. А. Вяземского с Д. Ф. Фикельмон не нашли прямого отражения в его творчестве. Может быть, это и не так. Заманчиво, например, видеть обращенным к Д. Ф. Фикельмон стихотворение Вяземского «На память», в котором говорится о смерти Пушкина. Оно было опубликовано в «Современнике» (1837, ч. V), а написано, видимо, во второй половине года и начинается словами:

В края далекие, под небеса чужие,
Хотите вы с собой на память перенестъ
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог в минуты неземные
Как верный часовой откликнуться: Россия.

Адресат этих строк неизвестен. А между тем во время их написания Д. Ф. Фикельмон уже была больна (ее ревматизм обострился как раз летом 1837 года) и думала об отъезде на лечение.

¹¹⁷ Считать, что возможным автором портретов Вяземского и Виельгорского является Фикельмон, позволяют не только ее собственноручные подписи под портретами. В одной недатированной записке к Вяземскому, относящейся к началу 30-х годов, есть слова: «Вот ваш портрет — не знаю, вполне ли он похож...» (ЦГАЛИ, ф. 195). Как видно, Д. Ф. Фикельмон портретировала своих знакомых, и в том числе Вяземского.

¹¹⁸ Об эстетическом удовлетворении, полученном на одном из таких вечеров, пишет Д. Ф. Фикельмон в своем дневнике (3 ноября 1832 года).

¹¹⁹ Об этой встрече поэт упоминает в «Путешествии в Арзрум». Пушкин вернулся с Кавказа в Петербург в ноябре, когда и началось его знакомство с Фикельмонами. В том же месяце Хосров-мирза оставил Петербург, так что повторная встреча поэта с ним маловероятна.

¹²⁰ О рукописи стихотворения Е. П. Ростопчиной на смерть Хитрово см. сообщение В. В. Морковина (Československá rusistika, 1972, s. 121—127).

¹²¹ Journal de St. Pétersbourg, 1839, № 55, 9(21) Mai. Горячий патриотизм Хитрово отмечался не раз. К числу ее характерных свойств сын поэта Вяземского отнесил умение сохранять «многие доблестные кутузовские традиции, большое уважение к проявлениям общественной деятельности и

горячую любовь ко всему, что составляло славу русского имени» (Вяземский П. П. Соч., 1893, с. 521).

¹²² Вяземский П. А. Из старой записной книжки..., с. 514.

¹²³ Портреты заговорили, с. 372.

¹²⁴ Всего в Вельтрусском замке в 1978 году было обнаружено: два изображения Ш. Л. Фикельмона, миниатюрный портрет Ф. И. Тизенгаузена, портрет Е. М. Хитрово, три портрета Д. Ф. Фикельмон, один — ее сестры Е. Ф. Тизенгаузен, фотография Д. Ф. Фикельмон с дочерью и внучкой и несколько портретов дочери Д. Ф. Фикельмон Елизаветы Александры Кляри-Альдринген.

¹²⁵ Это стихотворение было написано в 1863 году в Венеции и отразило связанные с этим городом настроения и впечатления уже не молодого Вяземского. Оно имело посвящение: «Принцессе Клари, урожденной графине Фикельмон». Надо думать, Елизавета знала это произведение, как и стихи Козлова. В отличие от матери она свободно владела русским языком.

¹²⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1886, с. 83.

¹²⁷ Какой именно зал из анфилады комнат, обрамленных окнами на юг, к Марсову полю, о чем Д. Ф. Фикельмон писал в дневнике, воспроизведена на акварели, точно сказать затруднительно. Несомненно только то, что это один из них, так как видны круто падающие лучи полуденного солнца. Возможно, теперь это аудитория № 319 (библиотека) Института культуры, который в настоящее время размещен в бывшем особняке Н. И. Салтыкова, построенном по проекту Д. Кваренги еще при Екатерине II.

¹²⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1882, с. 226.

¹²⁹ Вяземский П. А. Из старой записной книжки..., с. 513.

¹³⁰ О близких дружеских отношениях с Д. Ф. Фикельмон, несмотря на длительные отъезды за границу А. И. Тургенева, дают представления его письма к Вяземскому. Вот только два отрывка из них: «Рим, 24/12 декабря 1832... Не умею выразить, как ты меня обрадовал и как я благодарен Австрийской красавице за ее милые прекрасные строки: перечту их в Неаполе»; «23 июля 833... Неужели я не писал из Рима и не благодарил милую посольшу за письмо в Неаполь? Но ты объясни... что она зажгла в душе моей [огонь] и своими глазами, и своими умными разговорами, и поэтическими строками в письме о поэтической Италии. Как ее все помнят и любят в Италии». (См.: Архив братьев Тургеневых..., т. I. Пг., 1921, с. 123, 276.)

¹³¹ Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову. Публикация Е. Н. Коншиной. — Московский пушкинист, I. М., 1927, с. 35. Прусский посол — барон Август Либерман (ум. 1847). Говоря «салон Фикельмон — Хитрово», здесь и в других местах мы подразумевали не какое-то одно конкретное помещение в доме австрийского посольства, а обобщенное представление о царившей там в личных комнатах женщин и в парадных залах атмосфере дружеского и свободного общения. Именно она — эта атмосфера, привлекавшая деятелей русской культуры в дом Фикельмонов, и делает столь ценным для нас изображение интерьера одной из их гостиных.

¹³² А. В. Флоровский, ознакомившись с «русской» частью дневников Д. Ф. Фикельмон, отметил, что ее тяготил «большой свет», что она очень ценила «ограниченный круг своих ближайших друзей, постоянное живое общение с ними». В живом контакте с этими друзьями находила графиня «удовлетворение своим общим духовным запросам и в области музыки, в области чтения, театра, дружеского досуга... в области дружеского собеседования» (Дневник графини Д. Ф. Фикельмон, с. 70—71).

¹³³ См.: Ostróvská S., Křižová K. Neznámé portréty Kutuzovových potomků.— Časopis «100+1», 1978, č. 15; Křižová K., Ostróvská S. Unikátní objev.— Květy, 1979, č. 1; Křižová K. Podobizny a obrazové dokumenty z teplického zámku.— Památky a příroda, 1979, č. 5; Křižová K., Ostróvská S. Po stopách Puškinových přátel v Čechách.— Rudé právo. Haló Sobota 6.12.1980; Křižová K., Ostróvská S. Cesta do neznáma za velkým básníkem.— Výběr, 1981, č. 2; Křižová K., Ostróvská S. Sbirka Puškinových přátel z Teplic. [Krajské muzeum v Teplicích] 1983; Кишкин Л. Потомки Кутузова — друзья Пушкина.— Československá rusistika, 1981, č. 4.

¹³⁴ Кишкин Л. С. Портрет рассказал.— Известия, 1979, 18 мая; Друзья Пушкина.— Литературная Россия, 1979, 18 мая; Их знал Пушкин — Правда, 1979, 29 мая; Салон Д. Ф. Фикельмон.— Комсомольская правда, 1979, 6 июня; Кршижова К., Островская С. Чехословацкие находки.— Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980; Прожогин Н. Тайна одного портрета.— Правда, 1980, 22 нояб., Неизвестный портрет Е. А. Фикельмон.— Искусство, 1981, № 5, Корни дружбы.— Правда, 1983, 13 янв.; Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Такой ее увидел Пушкин.— Неделя, 1980, № 28; Бочаров И. Из сокровищ Теплицкого замка.— Известия, 1981, 21 янв.

¹³⁵ Сведения об истории самого Теплицкого замка, о посещавших его лицах и связанных с ним исторических событиях, а также и о развитии всего курорта Теплице содержит книга: Milada Lejsková-Matúšová. Teplice v době klasicismu. Teplice, 1972.

¹³⁶ К сожалению, эту литографию не пришлось увидеть. Уж не один ли это из тех портретов Кутузова, о которых он писал Е. М. Хитрово в последнем своем письме из Калиша, датированном 27, 28, 29 февраля 1813 года. (См.: Русская старина, 1874, июнь, с. 377—378.)

¹³⁷ Сообщения об этих новых находках указаны в примеч. 133 и 134.

¹³⁸ Памяти декабристов, т. I. Л., 1926, с. 40.

¹³⁹ 19 апреля 1825 года А. П. Брюллов писал своим родным из Неаполя: «Одна русская, г-жа Хитрова, быв у королевы, случайным образом разговаривалась о моих портретах: ее величество пожелала их видеть — и мне предложили сделать портреты королевской фамилии» (Русская старина, 1900, июнь, приложение, с. 74). Так А. П. Брюллов получил в Неаполе славу портретиста. Сохранилась его акварель с изображением внушек Кутузова.

¹⁴⁰ Выставка проходила летом. Но мне лишь осенью 1983 года удалось

ознакомиться с ее экспонатами в фондах краеведческого музея в Теплице. Кроме уже названного, среди них, как выяснилось, было значительное число цветных изображений представителей разных родов войск русской армии предположительно А. С. Орловского; видов Капри, Неаполя, Рима. В альбомах привлекли внимание фотографии разных знакомых Пушкина, с одной стороны, это — Г. Г. Гагарин, Н. М. Смирнов, Е. Е. Комаровский, А. Барант, с другой — К. В. Нессельроде, А. Ф. Орлов, А. И. Чернышев. Среди альбомных фотографий Фикельмонов встретились портреты Жорж Санд, Гарибальди, Манцони. Заметим, что на выставке в Теплице были показаны не все вывезенные оттуда после войны материалы, принадлежавшие Фикельмонам и их дочери. Часть из них еще не вернулась и находится в замке Сыхров.

¹⁴¹ С чувством особой признательности вспоминаю о большой помощи и доброжелательном содействии в работе, которые любезно оказал мне академик Ладислав Штолл.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>А. С. Бушмин</i>	5
От автора	7
Благородный книжник и судьба его библиотеки	11
Бродзянские реликвии	65
Рукописи и портреты из Теплицкого замка	135
Примечания	180

Кишкин Л. С.
К46 Чехословацкие находки. Из зарубежной Пушкинианы. — М.: Сов. Россия, 1985. — 224 с., 16 л. ил., 1 л. портр.

Книга написана ученым-славистом, долгие годы занимающимся изучением чехословацко-русских культурных связей. Она является своеобразным итогом его работы по разысканию пушкинских материалов в Чехии и Словакии. Автор рассказывает об оказавшейся в Праге уцелевшей части знаменитой библиотеки издателя А. С. Пушкина — А. Ф. Смирдина, которую считали бесследно пропавшей, об архивном наследии А. Н. Фризенгоф (Гончаровой) — сестры жены Пушкина, обнаруженном в Словакии, о портретах и рукописях приятельницы поэта, внучки М. И. Кутузова — Д. Ф. Фикельмон, попавших в Чехию еще в XIX веке и выявленных лишь теперь.

Рассчитана на широкий круг читателей.

8Р1

К $\frac{4603000000-071}{M-105(03)85}$ БК-2-22-1985

Лев Сергеевич Кишкин
ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ НАХОДКИ
Из зарубежной Пушкинианы

Редактор *И. М. Поспелова*
Художественный редактор *И. И. Рыбченко*
Технический редактор *И. И. Капигонова*
Корректор *М. Е. Козлова*

ИБ № 4201

Сд. в наб. 11.03.85. Подп. в печ. 29.07.85. А04840. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1, на вкл. мелов. Гарнитура обыкновенная новал. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44 (в т. ч. вкл. — 1,68). Усл. кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 15,54 (в т. ч. вкл. — 2,01). Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. Зак. 100. Изд. инд. НА-247.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Отпечатано с фотополимерных печатных форм «Целлофот».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышла в свет книга:

Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве.

Книга посвящена московскому периоду жизни поэта, связанному с его женитьбой, и содержит обширный, впервые собранный воедино материал, касающийся всех сторон жизни и творчества Пушкина за время пребывания в Москве.

А. Ф. Смирдин. Гравюра
М. Леммеля, середина
XIX в., Лейпциг.

*Князь Александр Григорьевич,
на французском языке
ваше письмо о выдании
вашей копии о выдании
вашей копии о выдании
вашей копии о выдании*

25 октября 1827
Александр Пушкин

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

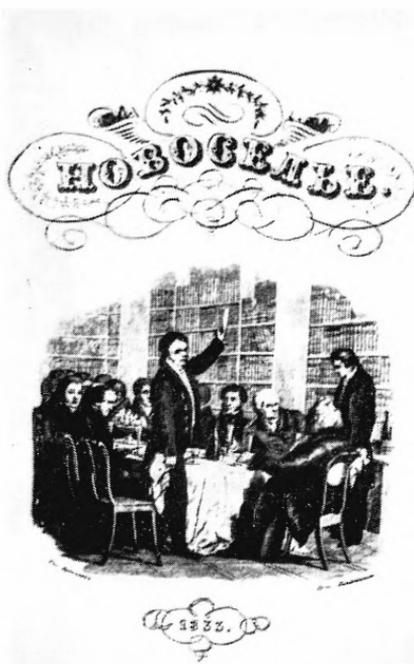
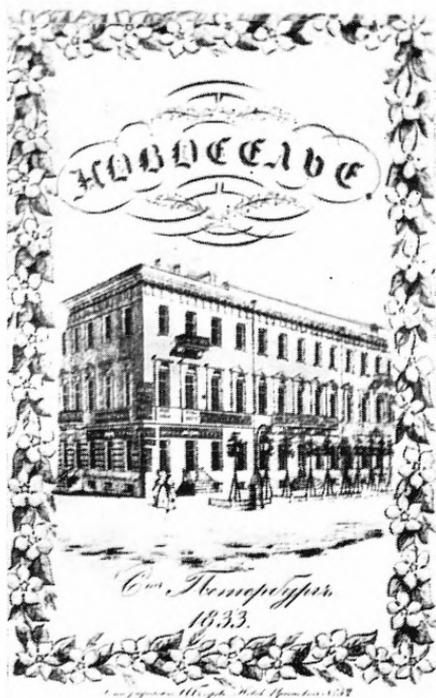
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ изданіи Александра Смирдина.
1858.

Титульный лист первого
полного издания «Евгения
Онегина».

Письмо А. С. Пушкина к
А. Ф. Смирдину об изда-
нии поэмы «Бахчисарай-
ский фонтан».

Обложка альманаха «Новоселье» за 1833 г. с изображением лавки Смирдина.

Титульный лист «Новоселья» за 1833 г. с гравюрой С. Ф. Галактионова по рисунку А. П. Брюллова. Обед у Смирдина. Стоит справа Смирдин, среди сидящих — Крылов и Пушкин, с бокалом — Греч.

Дом на Невском, где находилась лавка Смирдина. Фото П. Б. Семихатовой, 1981 г.

Титульный лист «Новоселья» за 1834 г. с гравюрой С. Ф. Галактионова по рисунку А. П. Сапожникова. В лавке Смирдина. Справа — А. С. Пушкин и П. А. Вяземский, слева, со связками книг, — Ф. Ф. Цветаев, в глубине за стойкой — А. Ф. Смирдин.

Обложка книги «Сочинения Константина Батюшкова». Из смирдинского фонда Славянской библиотеки.

Библиотека А. Ф. Смирдина. Гравюра по рисунку, принадлежавшему Ф. А. Кони. Из фондов Пушкинского дома.

МОСКОВСКІЕ.

КНИЖА ПРОДАЖА

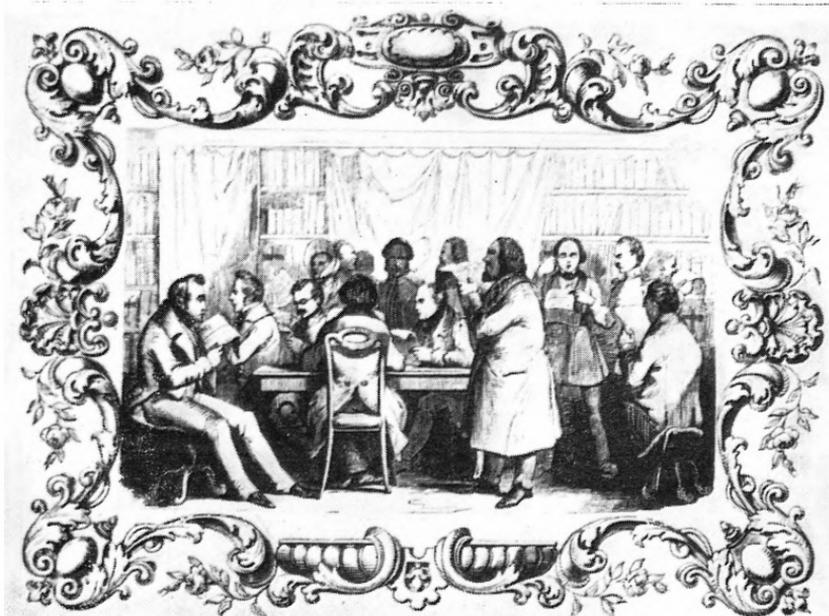
САМКИТЕРЕВЪРЪ.

1854.

ВУКЪЛЕРЪИИ
КОНСТАНТИНА БАТКОШИКОВА.
 ЦАРЕВЪ СТОЛЪИИ

САМКИТЕРЕВЪРЪ.

1854.

Библиотека
А. Смирдина
№ 6144. 1.

Из Библиотеки для чтения А. Смирдина

№ 10459.

За годъ . . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтение книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

Бюст А. Ф. Смирдина. Скульпторъ неизвестен. Из фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Штамп Славянской библиотеки на книгахъ смирдинскаго фонда.

Сюжетный экслибрисъ библиотеки А. Ф. Смирдина. С одной изъ книгъ, находящихся в Славянской библиотеке.

Наборный экслибрисъ библиотеки А. Ф. Смирдина. С книги «Стихотворения Ивана Козлова» в Славянской библиотеке.

Книги из смирдинского фонда
Славянской библиотеки. Санкт-
Петербургские ведомости за 1758,
1769 гг. и др. Фото, 1983 г.

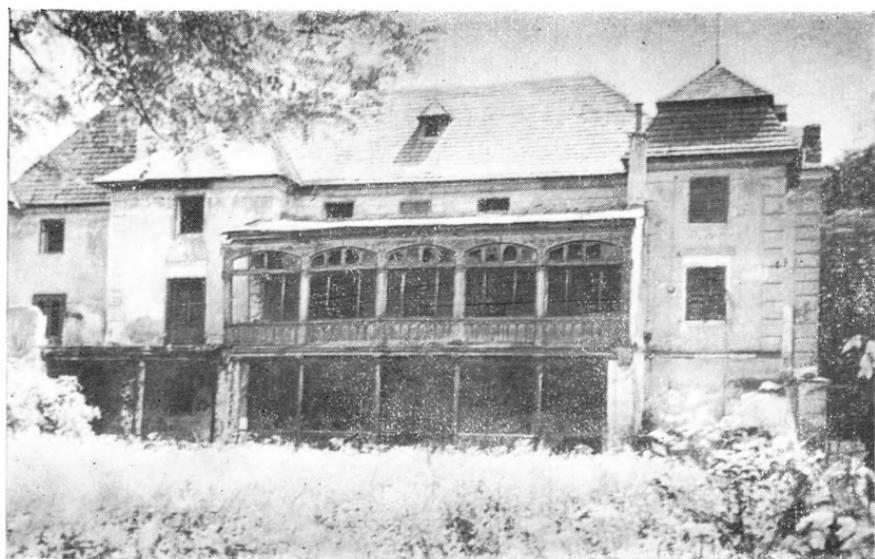
Здание Клементинума, на верх-
нем этаже которого размещено
книжное собрание А. Ф. Смирди-
на. Фото, 1983 г.

Портрет А. Н. Гончаровой. Неизвестный художник. Холст, масло, конец 30-х — начало 40-х (?) гг.

Бродзянский замок.
Фото автора, 1967 г.

Одна из башен замка. Фото автора, 1967 г.

Часть въездных ворот бродзянской усадьбы с вензелем владельца. Фото Н. Б. Семихатовой, 1977 г.

Эпитафия на могильном кресте А. Н. Фризенгоф. Фотография, 1970-е гг.

Часовня-усыпальница Фризенгофов. Фотография, конец 90-х — начало 900-х гг.

А. Н. Гончарова. Репродукция акварели В. Гау, 1839 г.

Н. Н. Пушкина. Акварель В. Гау, 1842 г.

Портрет Г. Фризенгофа. Работа его дочери Н. Ольденбург. Холст, масло, 1887 г.

Портрет Н. И. Фризенгоф. Неизвестный художник. Холст, масло, 1840-с (?) гг.

Л. С. Пушкин. Рисунок Ксавье де Местра, 1819 г. Из альбома П. И. Фризенгоф.
С. И. де Местр (?). Рисунок Ксавье де Местра. Из альбома Н. И. Фризенгоф.
Фотография начала 60-х гг. Слева направо стоят: Н. Н. Пушкина-Ланская, П. П. Ланской, Г. Фризенгоф, Н. А. Дубельт (?); сидят: А. Н. Фризенгоф, Г. А. Пушкин (?), М. А. Гаргунг.

А. П. Гончарова. Михайловское, 8 августа 1841 г. Рисунок Н. И. Фризенгоф из ее альбома.

Н. Н. Пушкина. Михайловское, 15 августа 1841 г. Рисунок Н. И. Фризенгоф из ее альбома.

Дети А. С. Пушкина. Слева направо: Григорий, Мария, Наталия, Александр. Рисунок Н. И. Фризенгоф из альбома Н. Н. Пушкиной. Михайловское, 10 августа 1841 г.

Н. Н. Пушкина. Рисунок Н. И. Фризенгоф из альбома Н. Н. Пушкиной, Михайловское, 14 августа 1841 г.

Григорий Пушкин. Рисунок Н. И. Фризенгоф из альбома Н. Н. Пушкиной, Михайловское, 15 августа 1841 г.

Растения, собранные в Михайловском женой и детьми Пушкина. Надпись с права внизу: «Mikhailofski, 1841»; надпись с лева: «1. Macha, 2. Sacha, 3. Gricha, 4. Natte Pouchekine, 5. Natalie Pouchekine»,

М. А. Пушкина, 1852 г.; А. А. Пушкин, 1851 г.; Г. А. Пушкин, 1851 г.; Н. А. Пушкина, 1852 г. Рисунки Н. П. Ланского из альбома А. Н. Фризенгоф (Гончаровой).

М. А. Гартунг, старшая дочь Пушкина. 1861 г.; А. А. Пушкин. 1861 г.;
Г. А. Пушкин. 1861 г.; Н. А. Дубельт, младшая дочь Пушкина. 1861 г. Фотограф-
фии из наследия А. П. Фризенгоф.

П. А. Осипова-Вульф. Рисунок Н. И. Фризенгоф из альбома Н. Н. Пушкиной. Михайловское, 9 августа 1841 г.

С. Н. Бибикова, дочь Н. М. и А. Г. Муравьевых. Рисунок Н. П. Ланского, 1851 г. Из альбома А. Н. Фризенгоф (Гончаровой).

Алексей Вульф. Рисунок Н. И. Фризенгоф из альбома Н. Н. Пушкиной. Михайловское, август 1841 г.

Ксавье де Местр. Рисунок Н. П. Ланского, 1851 г. Из альбома А. Н. Фризенгоф (Гончаровой).

Л. Н. Гартунг, муж дочери Пушкина. Фотография, 1861 г. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

П. П. Ланской. Фотография начала 60-х гг. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

Д. Н. Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского, 1851 г. Из альбома А. Н. Фризенгоф (Гончаровой).

С. Н. Гончаров. Фотография 60-х гг. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

Е. Н. Мещерская, урожденная Карамзина (стоит) и Елизавета Карамзина. Фотография, 1860 г. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

П. Н. Мещерский. Фотография начала 60-х гг. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

М. А. Голицына-Суворова. Фотография начала 60-х гг. Из альбома А. Н. Фризенгоф.

Н. Н. Пушкина-Ланская. Фотография начала 60-х гг., подаренная А. Н. Фризенгоф при последней встрече.

А. Н. Фризенгоф и Г. Фризенгоф. Фотография, 1860 г.
Из семейного наследия.

А. Н. Фризенгоф. Фотография, 1870-е (?) гг. Из семейного наследия.

А. Н. Фризенгоф. Фотография конца 80-х гг.
Из семейного наследия.

Интерьер одной из комнат Бродзянского замка в конце XIX в.

Въездные ворота в имение Полотняный завод. Из наследия А. Н. Фризенгоф.

Портрет Наталии Фризенгоф в подвенечном платье. Фотография, 1876 г. Найдена в Шимонованах.

Н. и Э. Ольденбург. Фотография второй половины 1870-х — начала 80-х (?) гг. Из семейного наследия.

Экслибрис Н. Ольденбург с изображением Бродзянского замка. Из семейного наследия.

И. Н. Гончаров. Акварель К. Гампельна, конец 1830 — начало 1840-х гг. Из наследия А. Н. Фризенгоф.

Грегор Фризенгоф. Фотография конца 1890-х — начала 1900-х гг., из его наследия.

Летний замок Вавилон близ Бродзян. Работа Н. Ольденбург, начало XX в. Холст, масло.

Портрет крестьянина из Бродзян. Работа Н. Ольденбург. Холст, масло, 1915 г.

Придорожный указатель около музея и бродзянского парка. Фотография, 1983 г.

Бродзянский замок — Литературный музей А. С. Пушкина — после реставрации. Фото Н. Б. Семихатовой, 1979 г.

Бродзяны. Общий вид. Фото автора, 1978 г.

Памятник Пушкину в бродзянском парке. Скульптор Л. Снопек, архитектор М. Кусы. Фото Н. Б. Семихатовой, 1979 г.

Д. Ф. Фикельмон. Акварель И. Н. Эндера, вторая половина 1830-х гг. Фоторепродукция М. И. Леньшиной.

Ф. И. Тизенгаузен. Миниатюра П. Э. Рокштуля, начало 1800-х гг.

Ш. Л. Фикельмон. Около 1842 г. Акварель, копия И. Цумсанде с портрета работы И. Крихубера. Фоторепродукция М. И. Леньшиной.

Особняк Салтыкова на Дворцовой (в прошлом Английской) набережной в Ленинграде. Фото Н. Б. Семихатовой, 1981 г.

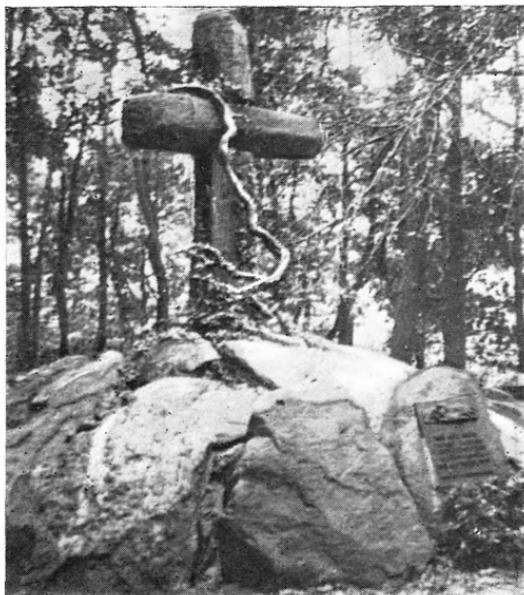
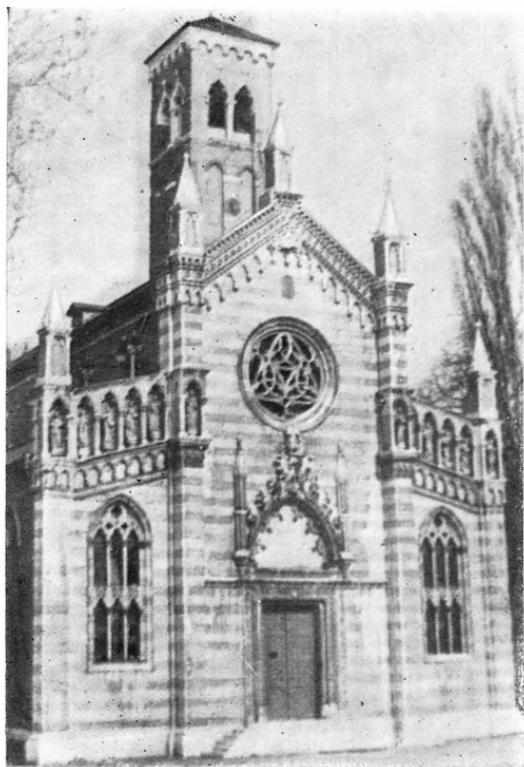

Теплицкий замок (здание с п р а в а). Гравюра XIX в.

Теплицкий замок — ныне краеведческий музей. Фото Н. Б. Семихатовой, 1983 г.

Церковь в деревне Дуби, где похоронены Д. Ф. Фикельмон и ее муж. ▶

Братская могила погибших в сражении у Кульма (Хлумца). ▶

Памятник в честь победы
русских войск у Хлумца.
Автор П. Нобиле.

Wien den 27. December 1812.

Mein und gute Nachsicht. Ich dank
dir von ganzem Herzen mein geliebtes
Kind, für das schöne französisches
Büchlein, das du mir geschicklich
geschickt ist es meinem Herzen,
dass ich dir noch nie nimmst in dem
Falle. Ich gebe dir es dir sehr,
dies ist mein Herz zu danken, man
weiß mich nimmst, wenn ich meine
Angelegenheiten zu danken. Gott soll meine
Bitte erfüllen. Wärmest du Küsse ich
dir in Gedanken. Gott segne diese
Dein zärtlicher Großvater
Friedr. Kutschoff von Smolensky

Письмо М. И. Кутузова к внучке Дарье от 24 декабря 1812 г.

П. А. Вяземский, 1834 г. Рисунок из альбома Д. Ф. Фигельмон.

Михаил Внелгорский, 1832 г. Рисунок из альбома Д. Ф. Фигельмон.

Prince Wiazemsky 1834

Michael Wnелгорsky 1832

Портрет Д. Ф. Фикельмон. Художник Ф. Агрикола (?). Масло, дерево, 1824 (?).

Е. Ф. Тизенгаузен. Фотография Г. Донера. СПб., 1840-е (?) гг.

Е. М. Хитрово. Неизвестный художник. Масло, 1820-е (?) гг.

Бюст Е. М. Хитрово. Неизвестный скульптор. 1830-е (?) гг.

Портрет Е. А. Фикельмон.
Художник К. Брюллов.
Холст, масло, 1837 г.

Интерьер салона Д. Ф. Фикельмон в Петербурге. Акварель И. Сотиры, 1835 г.

Н. К. Загряжская. Литография с портрета работы А. А. Василевского, 1820-е (?) гг. Фоторепродукция М. И. Леньшиной.

А. Штакельберг, урожденная Тизенгаузен. Акварель А. Брюллова (?), конец 1820-х — начало 1830-х гг.

А. М. Крюднер, 1830-е гг. Гравюра А. Фляймана с портрета работы Н. Штилера. Фоторепродукция М. И. Леньшиной.